

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Г. В. Шпак

ИЗОБРЕТАЯ ПРОСТРАНСТВО

РОССИЯ И АНГЛИЯ XVI–XIX вв.
В ПУТЕШЕСТВИЯХ, ТРАВЕЛОГАХ, КАРТАХ

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2021

УДК 82-992 + 821.111 + 94(410).05 + 94(415).06
ББК 63.0 + 63.3
Ш83

Рецензенты:
кандидат исторических наук В. В. Зверева
(университет Ювяскюля, Финляндия);
кандидат исторических наук С. И. Цеменкова
(Уральский федеральный университет)

*Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта
Российского научного фонда (проект № 19-18-00186
«Культура духа» vs «Культура разума»: интеллектуалы
и власть в Британии и России в эпоху перемен (XVII–XVIII вв.)»)*

Шпак, Г. В.

Ш83 Изобретая пространство. Россия и Англия XVI–XIX вв. в путешествиях, травелогах, картах : монография / Г. В. Шпак ; Российская академия наук, Институт всеобщей истории. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2021. — 252 с. : ил. — Библиогр.: с. 228–248. — 100 экз. — ISBN 978-5-7996-3244-1. — Текст : непосредственный.

ISBN 978-5-7996-3244-1

DOI 10.15826/B978-5-7996-3244-1

Монография посвящена особенностям восприятия пространства и подходам к его репрезентации в России и Англии XVI–XIX вв. На основе обширного картографического и травелографического материала прослеживаются трансформации, произошедшие в восприятии пространства в период Нового времени. Применение междисциплинарного подхода и включение в исследовательский аппарат наработок из области истории науки, метагеографии и металингвистики позволило сформулировать оригинальную концепцию развития рецептивно-репрезентативных стратегий в эпоху перемен, когда естественно-научные и социально-политические категории пространства тесно переплетались друг с другом.

Книга предназначена для студентов, аспирантов, преподавателей гуманитарных дисциплин и специалистов, занимающихся проблемами восприятия пространства и исследованиями в области его репрезентаций.

УДК 82-992 + 821.111 + 94(410).05 + 94(415).06
ББК 63.0 + 63.3

На обложке:

фрагмент карты Московии А. Дженкинсона (ок. 1562). Из коллекции Библиотеки Броулавского университета; карта Глостершира из Поли-Ольбиона М. Драйдена (1612)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	4
Введение.....	7
Глава 1. «Воображаемые» миры.....	23
Глава 2. Освоение мира.....	59
2.1. Англия.....	59
2.2. Московия.....	87
Глава 3. Изучение мира.....	110
3.1. Британия.....	110
3.2. Россия.....	134
Глава 4. Понимание мира.....	167
4.1. Великобритания.....	167
4.2. Российская империя.....	200
Заключение.....	222
Список используемой литературы.....	228

ПРЕДИСЛОВИЕ

Одно из важнейших качеств человека — умение моделировать будущее, опираясь на накопленные знания. Память о пространстве позволяет сформировать образ мира и своего места в нем. Пространство всегда существовало и существует в виде воспоминания, а его изображения, неважно, на скалах, глиняных табличках или экранах планшетов, подкрепляют уверенность в том, что мир — однозначная и навсегда устоявшаяся совокупность знаков.

Сегодня по навигатору мы можем проложить путь до определенного здания — торгового центра или естественно-научного музея, но, чтобы найти нужный экспонат или торговую лавку, нам придется взглянуть на карту — схему здания и, оставив в стороне планшет, прокладывать путь сообразно отмеченным на ней знакам и указателям.

Когда на занятиях я прошу детей нарисовать план комнаты, в которой они находятся, большинство изображают ее, представляя себе вид сверху и стараясь точно скопировать форму столов и стульев. Очень редко кто-то переходит на иной уровень метафоризации, обозначая столы крестиками, а стулья — кружочками. Для такого обозначения нужен новый язык, новая метафора реальности. Язык является метафорой, а овладение им равно подчинению мира. Ребенок указывает пальцем вверх и произносит слово «небо», и над ним возникает небо, показывает вниз и говорит «земля», и возникает земля. Таков великий миф о сотворении мира.

Реальность, к которой мы с детства привыкли, является совокупностью символов и знаков, веры и традиции, изображений и текстов. В этой книге будет рассмотрено, как менялись восприятие (рецепция) пространства и способы его описания (репрезентации) в один из самых бурных периодов развития научных знаний —

в XVI–XIX вв., когда печатный станок сделал возможным массовое распространение представлений о мире и мир начал обретать привычный для нас вид. Белых пятен на картах становилось все меньше, монстры отступали в область поэзии, уступая место новой реальности, которая кажется нам единственно возможной и объективной. Но, как мы увидим, реальность всегда по большей части является условным соглашением (конвенцией). Мы живем в эпоху, когда с развитием цифровых технологий и экспансии виртуального мира трансформация реальности происходит на наших глазах, но, как и всегда в истории, увидеть и описать эти изменения предстоит нашим потомкам. Один из путей к пониманию реальности лежит в изучении ее истории, и вместе с паломниками и войнами, картографами и поэтами, учеными и торговцами мы можем проделать свой путь по этим разным и изменчивым мирам.

Структура данной книги имеет свою внутреннюю логику. Помимо введения и заключения она состоит из четырех глав. Первая — вводная — повествует о практиках восприятия и описания пространства в странах Европы до последней четверти XVI в. — времени, когда формируются устойчивые традиции описания пространства в виде карт и травелогов. Во второй главе показан процесс освоения мира в России и в Англии, когда складываются новые картографические и травелографические приемы фиксации пространства, а его дробление по политическому принципу становится основным способом дифференциации мира. Третья глава раскрывает историю становления пространства, фиксируемого вне категорий владения, когда природа становится независимым объектом исследования и вырабатываются особые методики ее описания. В четвертой главе рассмотрена роль поэтического воображения при описании мира и показано, что именно разделение описаний на «вымышленные» и «документальные» в конечном итоге станет причиной кризиса описаний пространства и приведет к формированию представления о том, что его описание в виде единого текста невозможно.

Каждая из глав, кроме первой, состоит из двух частей, одна из которых посвящена Англии, и другая, соответственно, России. Названия частей не имеют строгой привязки к действительному

статусу государств в описываемое время, но, тем не менее, помогают ориентироваться в структуре книги.

Сбор материала по Англии стал возможным благодаря моему участию в проекте «“Культура духа” vs “Культура разума”: интеллектуалы и власть в Британии и России в эпоху перемен (XVII–XVIII вв.)». Я хочу поблагодарить руководителя проекта Лорину Петровну Репину и доктора исторических наук Веронику Витальевну Высокову, уделивших время этому тексту и сделавших ряд важных замечаний касательно его содержания и оформления. Особую благодарность хочу выразить Ольге Владимировне Воробьевой, без советов которой я наверняка бы заплутал среди библиотек Лондона и Оксфорда, не найдя полезного для работы материала. Но, не желая утомлять читателя подробностями написания этой книги, приглашаю перейти к ее непосредственному содержанию.

ВВЕДЕНИЕ

Принято считать, что задача историка состоит в изучении прошлого и последующем рассказе о нем в статьях и монографиях. Действительно, историк своей профессией может показаться этаким «Доктором Who», свободно странствующим во времени и пространстве. Но проблема в том, что и время, и пространство — условные концепты, претерпевшие множество трансформаций, и именно их изучение и описание является одной из главных задач исследователя. Далее будет рассказано, как и какими инструментами историки решают данную задачу, но, если разбор теоретических наработок и рассуждение о методологии кажется вам неактуальным, можете не раздумывая переходить к первой главе.

Современная историческая наука заимствует методы у дисциплин, предметом которых является человеческое сознание. В конце концов, задача историка и есть изучение человека как непосредственного актора (участника) исторического процесса. Многие традиционные дисциплины все чаще переключаются с изучения объектов реальности на их образы и модели, существующие в строгой взаимосвязи с мыслительными стратегиями субъектов. Из географических дисциплин выделяется имажинальная география, балансирующая на стыке «культурной географии, культурологии, культурной антропологии, культурного ландшафтоведения, когнитивной географии, мифогеографии, истории, философии, политологии, когнитивных наук, искусствоведения, языкознания и литературоведения, социологии, психологии»¹.

¹ Замятин Д. Н. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение. СПб. : ВШЭ, 2010. Т. 9, № 3. С. 26–27.

К полю географических дисциплин, нацеленных на анализ репрезентаций, также примыкают гуманитарная география, изучающая «способы представления и интерпретации земных пространств в человеческой деятельности, включая мысленную (ментальную) деятельность»², и метагеография, «изучающая различные возможности, условия, способы и дискурсы географического мышления и воображения»³.

Схожее смещение акцентов можно увидеть в лингвистических дисциплинах, к которым, помимо когнитивной лингвистики, относятся «этнопсихолингвистика, этнолингвистика, прагмалингвистика и лингвокультурология»⁴.

В исторической науке в последней четверти XX в. акценты сместились с изучения познаваемых и фиксируемых в виде текста явлений прошлого на исследование образов прошлого и специфику их формирования, соответствующего когнитивным установкам различных эпох. Исследователи подчеркивают, что историческое время нельзя воспринимать в отрыве от социального контекста, поскольку оно «неоднородно, гетерогенно, многомерно», а «историческая реальность — процесс, отношение, связь, явление — функционирует в русле только ей присущего исторического времени»⁵.

В то же время наблюдается повышенный интерес к изучению пространства как социального конструкта. Пространство лишается статуса независимого от установок наблюдателя объекта, становясь результатом рецептивно-репрезентативных манипуляций. Используется понятие «пространственная парадигма», обозначенное как медиатор «между объективными структурами и индивидуальными действиями» и являющееся «одновременно результатом интерио-

² Замятин Д. Н. Гуманитарная география. С. 26.

³ Он же. Метагеографические оси Евразии // Полис. 2010. № 4. С. 22.

⁴ Прожилов А. В. Лингвоконцептология, неогумбольдтианство и этностереотипы // От лингвистики к мифу: лингвистическая культурология в поисках «этнической ментальности»: сб. ст. / сост. А. В. Павлова. СПб.: Антология, 2013. С. 263.

⁵ Чеканцева З. А. Время историческое // Теория и методология исторической науки: Терминологический словарь / отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. С. 59–60.

ризации внешних условий и средством экстерииоризации бессознательных схем восприятия»⁶.

Сторонники акторно-сетевой теории (АСТ) склонны рассматривать пространство не столько как сумму евклидовых координат, сколько как систему отношений между объектами, устанавливающими «функциональные связи», где объекты «представляют собой пересечения характеристик неизменности формы в разных топологиях» и создаются (сетевые объекты) тогда же, когда «и весь сетевой мир, с его собственной пространственностью, собственным определением гомеоморфизма и непрерывности формы»⁷.

Формат историко-географических исследований, членящих пространство на политические единицы в виде государств, подвергнут критике и описывается как «территориальная ловушка» (*territorial trap*) для исследователя»⁸. Очевидно, что любая попытка деления гомогенного пространства на условные области будет определяться нашими ментальными установками, так как территории являются сугубо воображаемыми конструктами, обладающими своими «физико-, культурно-, политико-, экономико-географическими параметрами»⁹.

Также отмечается, что пространство наделено свойством принадлежности, которое возникает за счет включения его в историко-культурный контекст. Согласно этой логике пространство не предшествует объектам, оно и определяет порядок их сосуществования, являясь моделью, на которую в дальнейшем в зависимости от установок автора будут нанесены отдельные образы и смыслы. Под установками можно понимать описательные стратегии, позволяющие осуществить фиксацию образов пространства, или

⁶ Михайловский Д. В. Пространство и Бытие : сб. ст. СПб. : Алетейя, 2017. С. 57.

⁷ Ло Д. Объекты и пространства // Социология вещей : сб. ст. / под ред. В. Вахштайна. М. : Территория будущего, 2006. С. 231–232.

⁸ Коновалова И. Г. Историческая география на междисциплинарных перекрестках // Историческая география. Т. 2 / отв. ред. И. Г. Коновалова. М. : Аквилон, 2014. С. 11.

⁹ Замятин Д. Н. В поисках удаляющихся пространств: историческая география и онтологические модели воображения // Книга картины Земли : сб. ст. в честь Ирины Геннадиевны Коноваловой. М. : Индрик, 2014. С. 102.

иначе — осуществить их репрезентацию. Под образами пространства — самые различные элементы реальности, в том числе образы живой природы.

Характерны методы работы с образами природы, разработанные историками, изучающими прошлое естественных наук (*history of science, science and technology studies*). Можно отметить два подхода к интерпретации визуальных образов. Согласно первому поворот к визуальным приемам фиксации реальности формирует сам принцип научности, когда «точность переходит от средства коммуникации к сообщению, от напечатанной книги к контексту, с которым она устанавливает двустороннюю связь»¹⁰. Модель «истинного» формируется не из «нового взгляда, а из старого, направленного на новые видимые объекты, по-другому мобилизующие пространство и время»¹¹. Согласно второму изображения не создают новую модель реальности, а делают возможным приближение к истине. Примером могут служить иллюстрации из атласов середины XVI в., которые «позволяли надежно идентифицировать части человеческого тела», сделали возможными «достоверные знания о различных видах» и «способствовали прогрессу в их наименовании и идентификации»¹².

Анализ научных иллюстраций высвечивает глубокую и комплексную структуру научного знания, выявляя их роль посредника между наукой и ее культурным контекстом, практическим знанием и его теоретической рефлексией в виде научных теорий. Изображение может выступать как модель или схема в процессе проектирования и создания технических средств, как верифицирующий фактор в доказательстве теории и в формировании устойчивой картины мира. Образы пространства находят свое визуальное воплощение в виде элементов географических карт, а также травелогов, где они представлены в виде текста, но, вычитываемые из заметок путешественников, они воплощаются в виде визуальных образов, поскольку

¹⁰ Латур Б. Визуализация и познание: изображая вещи вместе // Логос. 2017. Т. 27, № 2. С. 114.

¹¹ Там же.

¹² Вуттон Д. Изобретение науки. Новая история научной революции. М. : КоЛибри, 2018. С. 168.

преображение текстовых описаний в зрительные образы является одним из фундаментальных свойств человеческого сознания.

Два основных источника, позволяющих выявить модели фиксации пространства, существующие в разные эпохи — травелоги и карты.

Впервые термин «травелог» употребляется в начале XX в. путешественником Бертоном Холмсом в одном из писем¹³. Он использует термин для обозначения выступления, на котором, вместе с демонстрацией фотографий, артефактов и прочих визуальных свидетельств, идет повествование о проделанном путешествии: «В 1904 г. мы планировали ворваться в Лондон с курсом *лекций* — слово, способное устроить потенциальных слушателей¹⁴. Мой покойный ныне менеджер Луис Френсис Браун был страшно этим обеспокоен, чем довел себя до болезни. Выйдя из бредового состояния, вызванного пневмонией, он пробормотал: “Эврика! Травелог!” Так мы начали использовать этот термин в рекламной кампании. Позже покойный д-р Р. Р. Боукер (R. R. Bowker) написал нам, что стал приемником нового термина и приложил рекламки (circulars) с прошедшего мероприятия: “Каждая из лекций д-ра Боукера является травелогом...” Прежде он этого слова не использовал. Мы тоже никогда не сталкивались с ним прежде. Мы были первыми, кто предал его огласке. Вскоре оно стало использоваться повсеместно, мы же от него отказались в пользу “отчета о путешествии” (*travel-revue*), “путешествий на экране” (*screen-journey*) и прочих нововведений. Я слышал о пианологах (*pianologes*), натурологах (*natureloges*) и других безделках»¹⁵.

Генри Менкен замечает: «Похоже, мистер Холмс ошибся с датой своего лондонского дебюта. В дополнение к оксфордскому словарю приводится следующая строчка из “The London Daily Chronicle” от 16 апреля 1903 г.: “Мистер Бертон Холмс американский артист,

¹³ Mencken H. L. The American Language: An Inquiry into the Development of English in the United States. 4th Edition. New York : Knopf, 1984. P. 171–172.

¹⁴ Одно из определений слова *lecture* — долгая серьезная беседа, часто нравоучительного характера (Oxford Advanced Learner’s Dictionary).

¹⁵ Mencken H. L. Op. cit. P. 171–172.

прошлым вечером впервые в Лондоне представил первую серию травелогов»¹⁶.

С момента своего появления термин распространился на более широкую группу текстов, описывающих передвижение в пространстве. Согласно Оксфордскому словарю литературных терминов травелог — отчет о путешествии: книга, статья или фильм, описывающие места, которые люди посетили и что они увидели. В литературе чаще используется более простой вариант — «путевой дневник» (*the travel book*)¹⁷.

Как в отечественной, так и в зарубежной историографии можно найти совершенно разные подходы к изучению травелогов. Ряд исследователей рассматривают травелог как инструмент формирования образа другого, подчеркивая социокультурный контекст территориального конструирования. Авторы отмечают, что путешественники описывают пространство, исходя из представлений, характерных для их собственной культуры. Несмотря на то, что путешествие само по себе динамично, «мобильность предполагает движение откуда-то и куда-то, а значит, “где-то” должен неминуемо обнаружиться “дом”»¹⁸. В соответствии с этим подходом в травелоге происходит столкновение авторских предубеждений и представлений иных культур, но отмечается, что должна быть еще и «третья сторона, общий фон, независимый стандарт», «путешественник следует из точки А в точку Б. Но две точки соединены слишком прямой линией. Чтобы придать ей движение, нужна третья точка, вроде опоры для качелей»¹⁹. Сопоставления пространств в травелог по принципу разности культур могут быть отнесены к разряду «наивной» компаративистики, проявляющей себя в текстах иностранцев о чужих землях, когда коды чужой культуры считаются с помощью кодов собственной. Отмечается, что «неточность или

¹⁶ Mencken H. L. Op. cit. P. 171–172.

¹⁷ Baldick C. The Oxford Dictionary of Literary Terms. Oxford : Oxford University Press, 2008.

¹⁸ Сорочан А. Туда и обратно: Новые исследования литературы путешествий и методология гуманитарной науки // НЛЮ. 2011. № 6 (112). С. 380.

¹⁹ Эткинд А. Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интернет-текстах. М. : Новое литературное обозрение, 2001 С. 16.

неполнота перевода “с культуры на культуру” приводят к фактическим искажениям и ценностным абберациям: своя культура зачастую выступает как “правильная”, а наблюдаемая — как отклонение от нормы и более низкая в развитии»²⁰. Недостатком подобного подхода является признание, что мир в представлении путешественника поделен на определенные культурные зоны, границы которых очерчены, пространства стабильны, а образ «дома» устойчив, в то же время за рамками остаются другие, не менее характерные особенности травелога.

Исследователи, признавая многомерность травелога, признают общим «наличие минимальной нарративности и автобиографичности»²¹, а в качестве элементов жанрового «ядра» выделяют фигуру «повествователя-путешественника» и «пространственно-временную дискретность»²² и предпринимают попытки дать ему четкое определение, указывая, например, что травелог — это «журнал, диалог, дневник, в современном понимании еще и блог, посвященный описанию странствий», в котором предполагается, помимо физического, «метафизическое путешествие, в финале которого происходит если не взросление, то, как минимум, умудрение (как повествователя, так и читателя)»²³. Указание на познавательный аспект травелога может сопровождаться замечанием, что «не в меньшей, а иной раз и в большей степени это оказывается познанием самого себя»²⁴.

Специфику метафоризации пространства в тексте и художественную составляющую травелога рассматривают историческая лингвистика, литературоведение и философия. Отмечается, что

²⁰ Троицкий Ю. Л. Историческая компаративистика: эпистемология и курс // Диалог со временем. 2010. № 30. С. 30.

²¹ Batten Ch. Pleasurable Instruction: Form and Convention in Eighteen Century. Travel Literature. Barkley ; Los Angeles : UC Press, 1978. P. 76.

²² Никитина Н. А., Тулякова Н. А. Жанр травелога: когнитивная модель // Homo Loquens: Актуальные вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков : сб. ст. СПб. : Астерион, 2013. Вып. 5.

²³ Бондарева А. Литература скитаний // Октябрь. 2012. № 7. С. 165.

²⁴ Балла О. Нефотографизмы: преодоление травелога // Homo Legens. 2013. № 4 [Электронный ресурс]. URL: http://homo-legens.ru/2013_4/kritika/olga-balla-preodolenie-traveloga/ (дата обращения: 10.01.2020).

пространство является основополагающим концептом для любого текста, ведь «в прозе ограничения диктуются сотворенным нами миром»²⁵, а «хронотоп как формально-содержательная категория определяет (в значительной мере) и образ человека в литературе; этот образ всегда существенно хронотопичен»²⁶. Особое внимание уделено языку, который обозначен как «систематизированная совокупность знаков и правил»²⁷. Подчеркивается, что язык повествования упорядочен и повествование строится по определенным законам, иначе построение было бы произвольно и с трудом поддавалось дешифрации, ведь в такой системе «знаки основаны не на договоре, а являются продуктом одностороннего решения»²⁸. В случае травелога пространство как конструкт, происходящий из условного договора, является метафорой, которую возможно считать. Это вытекает из особенности восприятия человеческой психики, «человек воспринимает неизвестное по аналогии с известным, метафорически упорядочивая опыт»²⁹. Язык по своей природе не может существовать вне правил, а слова — вне коннотаций, и, хотя «не бывает такой вещи, как неметафорический язык»³⁰, метафоры травелога должны быть считываемы, иначе текст потеряет свою коммуникационную ценность.

Постепенно входят в оборот термины, производные от травелога: «их совокупность и процесс их изготовления со всеми его особенностями для удобства обозрения будем именовать “травелография”, а пишущих такие тексты, соответственно, “травелографами”»³¹. Делаются попытки их структурирования по уровню стремления к достоверности при описании пространства, например, на худо-

²⁵ Эко У. Записки на полях имени Розы. М. : Симпозиум, 2007. С. 30.

²⁶ Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе : Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. М. : Худож. лит., 1975. С. 121.

²⁷ Барт Р. Основы семиологии // Структурализм: «за» и «против» : сб. ст. / под ред. Е. Я. Басина, М. Я. Поляковой. М. : Прогресс, 1975. С. 121.

²⁸ Там же. С. 135.

²⁹ Потапова Н. Лингвистический поворот в историографии. СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. С. 105.

³⁰ Доманска Э. Философия истории после постмодернизма. М. : «Канон+» ; РООИ «Реабилитация», 2010. С. 43.

³¹ Балла О. Нефотографизмы: преодоление травелога.

жественный, документальный и художественно-документальный³². В то же время может отмечаться обязательная документальность травелога, «даже если автор склонен к вымыслу и перекомпоновке фактов, он перекомпоновывает реальные факты и вымышляет факты псевдореальные, непременно ориентированные на реальные»³³. При этом травелог охарактеризован как литературное путешествие, «привитое к сухому, специальному статистико-географическому справочнику» и ставшее «художественным ландшафтно-историческим экскурсом»³⁴.

Причина противоречий в определениях и подходах к изучению травелога кроется в относительной новизне этого понятия, ведь оно «по существу еще только входит в серьезный научный оборот и пока еще не затвердело в границах строгих дефиниций», что связано «с разнообразием феноменов художественного и научного творчества, охватываемых общим термином “травелог”»³⁵.

Учитывая все приведенные наблюдения, можно констатировать, что отсутствие четкого определения существенно усложняет задачу исследователя. Авторы, работающие каждый со своей группой текстов, отмечают, что именно свойства его группы характерны для травелогов в целом, но мы видим, что под определение травелога попадали и документальные хроники, и хождения, и материалы академических экспедиций, и отчеты послов, и заметки туристов, и литературные путешествия. Все эти тексты объединяет то, что в них описано передвижение в пространстве от первого лица, нацеленное на фиксацию образов пространства. Видимо, это на данный момент самое точное определение травелога. Но если понятие «травелог» совмещает в себе целый ряд традиционных

³² См.: Мамуркина О. В. Травелог в русской литературе XVIII — начала XIX в.: трансформация эстетической парадигмы // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии : материалы XXV Междунар. заоч. науч.-практ. конф. Новосибирск : СибАК, 2013. С. 199–205.

³³ Милюгина Е. Г., Строганов М. В. Русская культура в зеркале путешествий : монография. Тверь : Изд-во Твер. гос. ун-та, 2013. С. 12 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rfh.ru/downloads/Books/134493002.pdf>. (дата обращения: 10.01.2020).

³⁴ Там же. С. 27.

³⁵ Русакова О. Ф., Русаков В. М. Дискурс травелога : сб. ст. Екатеринбург : Изд. дом «Дискурс-Пи», 2008. С. 6.

наименований, а в английском языке еще и *navigations by sea* (морские плаванья), *voyages* (путешествия по воде), *voyages by land* (перемещения по суше), *traffiques* (перемещения с торговыми целями), с географическими картами все обстоит с точностью до наоборот. Термином «карта» обозначается впечатляющий по своему разнообразию набор визуальных репрезентаций пространства.

Как и травелог, карта дает возможность увидеть, каким представлялось пространство в прошлом. Парадоксальность же ее в том, что перед автором стоит задача разместить весь известный ему мир на ограниченном в размере полотне. Под миром понимаются как устойчивые образы пространства — континенты, реки, растения, животные, чудовища, так и образы времени — Эдем, Вавилонская башня и пр., зачастую сопровождаемые текстовыми описаниями. Из-за разнообразия сюжетов и моделей мира сложно дать карте однозначное определение. Карта служит схематическим и символическим отображением географического пространства, но оно, как уже было сказано, не существует отдельно от субъективных представлений автора. Считается, что любая карта служит метафорой, так как мир предстает на ней в искаженном виде, но даже фотография из космоса сможет дать нам только определенную информацию о пространстве.

Согласно формулировке Дж. Брайана Харли и Дэвида Вудворда: «Карты суть географические изображения, способствующие пространственному пониманию предметов, идей, условий, процессов или событий в человеческом мире»³⁶, из чего следует что она может содержать практически любую информацию о мире в привязке к определенной географической точке. Описания пространства в травелогe также привязаны к определенному месту, но есть существенное отличие. Карта является визуальной иллюстрацией в виде метафоры известного пространства и несет в себе характерные для любого визуального источника особенности. Заложенные в ней смыслы зависят от материала, использованного при выполнении

³⁶ Цит. по: Нурминен М. Т. Мир на карте: Географические карты в истории мировой культуры / пер. с фин. Н. Братчиковой, А. Игнатьева ; под науч. ред. Д. Хотимского. М. : Паулсен, 2017. С. 14.

карты, а также от воли иллюстратора, подбирающего по своему усмотрению цвет, от размера и, что не менее существенно, от предназначения — станет ли она использоваться как украшение дома или будет служить источником знаний о мире и инструментом для передвижения в нем.

Английский картограф и математик Джон Ди во второй половине XVI в. писал: «Одни используют карты, чтобы украсить свои залы, палаты, комнаты и галереи или исследовать их в библиотеках, изучая отдаленные области, другим они нужны, чтобы охватить взором огромные турецкие владения, необъятную империю московитов или тот крохотный клочок земли, где все еще процветает Христианский мир. А кто-то пользуется ими, чтобы узнать о путешествиях. Таким образом, одни — для одной цели, другие — для другой, оценивают, влюбляются, заполучают и используют географические и морские карты и земные глобусы»³⁷. Ж. Л. Лагранж определяет географическую карту как «плоский рисунок, изображающий поверхность земли или часть ее»³⁸. Но изображение на плоскости не является ключевым свойством карты, ведь изображения на глобусах имеют те же свойства, разве что лишены недостатков проекции на плоскости.

Визуальность карты дает ей неоспоримое преимущество перед любым текстовым источником — она служит своеобразной инфографикой научных знаний своего времени и, что не менее важно, не нуждается в переводе. Изображения будут считываться в любой языковой среде и не будут строго привязаны к уровню образованности читателя, что делает карту превосходным идеологическим инструментом. Короче говоря, карта — это схематическое изображение пространства, но способы и приемы, используемые составителями карт, могут быть совершенно различны и, хотя карта относится к визуальным источникам, необходимо учитывать, что текстовая информация является не менее важным ее компонентом. Исследователи средневековых карт мира отмечают, что их «надо

³⁷ *Dee J. Mathematical Preface to Euclid's «Elements of Geometrie»*. London : By John Daye, 1570. P. 25.

³⁸ *Нурминен М. Т. Указ. соч. С. 14.*

рассматривать совокупно, то есть как целостные изобразительные и словесные произведения, а не как отдельные иллюстративные материалы для христианских текстов, как, например, Беатовы карты»³⁹. К тому же, как и в случае с травелогами, существуют карты, фиксирующие вымышленное пространство, например, карты в «Утопии» Томаса Мора и в «Другом мире» Джозефа Холла.

Таким образом, визуализация образов пространства может различаться помимо собственно топографических качеств по широте охваченного мира, документальности, соотношению изображений и текста, функциональному назначению, энциклопедичности, уровню метафоризации и сакрализации, но все варианты визуализации будут именоваться «картой».

Перед исследователем репрезентаций пространства встает практически неразрешимая задача. Ему необходимо структурировать образы пространства, опираясь на источники, которые сами по себе нерелевантны ввиду отсутствия четкой структуры предмета исследования. Очевидно, что для решения этой задачи ему придется задействовать помимо традиционных методов исторического анализа приемы и методы из смежных дисциплин. Любое исследование складывается из двух составляющих: разработки теории и анализа источников. Источник, будь он визуальным или текстовым, несет в себе набор смыслов, считывать которые позволяют приемы работы с текстом исторической лингвистики, принцип, говорящий о том, что любой текст является результатом пересечения различных репрезентационных моделей. Концепт «репрезентация» служит маркером, позволяющим причислить исследование к направлению «новой культурной истории», а выявление репрезентационных моделей требует применения приемов анализа ментальных структур, разрабатываемых исторической антропологией.

Исследователей ментальных структур часто критикуют за недостаточное внимание к причинам трансформаций, выявление которых невозможно без включения в исследование еще большего количества параметров. Для придания исследованию динамичности заимствованы наработки из области истории науки и естественно-

³⁹ Нурминен М. Т. Указ. соч. С. 54.

научного знания. Трансформации естественно-научной картины мира выступают фреймом для когнитивно-обусловленной рецепции пространства-времени, что позволяет, привлекая проблемно-хронологический метод, сформировать представление о ходе трансформаций и о существовании преемственности между моделями восприятия.

Но и у такого подхода есть свои недостатки. Выявление исторических процессов по ряду признаков и их включение в отдельные группы затрудняет восприятие исторического процесса в целом, вынуждая историка играть по правилам, диктуемым метафорическими схемами. Дело не только в ограниченности таких исторических понятий, как, например, «феодализм», но и в опасности введения строгой периодизации и разделения исторического процесса на определенные временные блоки, как «Средневековье», «Новое время» или деление по типам рациональности («классическое», «неклассическое», «постнеклассическое»). Подобные определения служат примерами макрометафор, когда всю совокупность человеческой деятельности требуется охарактеризовать одним, ограниченным в работе коннотаций термином.

Они задают определенные границы исторического знания, дающие возможность не потеряться в потоке данных, но в то же время создают иллюзию понимания, подгоняя единичные факты под гипотезу, обусловленную метафорой. В любой типологии заложена основа для критики, так как ряд характеристик или явлений всегда оказывается за пределами выделенных групп.

В истории науки также разработан ряд типологических схем, благодаря которым становится возможным сам процесс классификации. Л. Дастон и П. Галисон делают попытку структурировать изменения отношений между учеными и иллюстрациями по принципу «эпистемологических добродетелей», обозначая такие типы рациональности, как «истина по природе», «механистическая объективность» и «тренированное суждение»⁴⁰. Но, как уже было сказано, данный подход вызывает обоснованную критику. К. Хентшель

⁴⁰Дастон Л., Галисон П. Объективность. М. : Новое литературное обозрение, 2018.

пишет: «Дастон и Галисон больше заняты поиском паттернов или стилей репрезентаций, норм и идеалов ученых и иллюстраторов, чем выявлением особенностей и деталей самих репрезентаций»⁴¹. Причина критики — в переносе выделенных типов источников на макроуровень, т. е. на историю ментальности в целом, но без подобного переноса источники окажутся отделены от исторического процесса, что сведет к минимуму их гносеологическую, или познавательную, ценность.

Хентшель отмечает особенности своего подхода, позволяющие избежать подобного переноса, а именно: «стремление избежать подводных камней микроисторических исследований; параллельный анализ многих компаративных случаев; не принудительный анализ, а, по возможности, ориентир на категории, представленные автором источника; движение снизу от материального; намеренное обобщение за пределами выбранной области; внимание к контексту и осторожность со структуралистскими описаниями исторических процессов»⁴².

В свое время при написании диссертации о травелогах XVII–XVIII вв. я столкнулся с необходимостью структурировать их по принципу отношения к пространству в зависимости от используемой автором рецептивно-репрезентационной модели⁴³. Мною были выделены три основные стратегии репрезентации образов пространства, на основе которых вся совокупность травелогов была разделена на три группы текстов: мифопоэтические, механистические и органицистские.

Мифопоэтическая модель восприятия прослеживается в сообществах, в культуре которых отсутствуют единые конвенциональные стратегии репрезентации образов пространства. С распространением единых культурных паттернов отдельные черты, свойственные мифопоэтическому восприятию, сохраняются, но в то же время возникают новые инструменты репрезентации — геометрическое

⁴¹ Hentschel K. Review of Lorraine Daston & Peter Galison: Objectivity // CEN-TAURUS. 2008. Nr 50. P. 329–331.

⁴² Ibidem.

⁴³ Шнак Г. В. Репрезентация образов времени и пространства в европейском травелогe XVII–XVIII вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2018.

измерение конкретных объектов и включение образов пространства в границы времени за счет отсылки к событиям, описываемым в сакральных или культуuroобразующих текстах.

В мифопоэтическом восприятии модель описания не задана схемой априори, а рождается из традиции и языка, в котором дискурс, т.е. речевые стратегии, является фактором, детерминирующим описание пространства.

Механистическая модель описания возникает в стабильном и устойчивом, гомогенном мире. Пространство наделяется собственной эпистемологической автономностью, математическое — рациональное и эмпирическое — чувственное восприятие становится основным инструментом познания.

Органицистская модель связана со смещением акцентов с математически точного описания внешнего на фиксацию собственных ощущений. Пространство теряет свойство независимого объекта, становясь полем для выражения субъективного отношения автора.

Помимо этого, мной были выделены четыре описательных стратегии, связанных с телеологией, т.е. целеполаганием: преодоление, освоение, изучение, понимание.

Можно изобразить это в виде двух схем:

Когнитивно-риторические стратегии репрезентации пространства

Название стратегии	Ключевой инструмент познания
Мифопоэтическая	Воображение
Механистическая	Сознание
Органицистская	Душа

Телеологические стратегии репрезентации пространства

Название стратегии	Метафора целеполагания
Преодоление	Жизнь
Освоение	История
Изучение	Истина
Понимание	Красота

Изъян данной типологии, как и большинства из них, состоит в том, что она переходит на макроуровень, становясь фреймом для описания взаимодействий автора с пространством. В этом заключена главная особенность типологизации как инструмента исторического познания. С одной стороны, типы позволяют упорядочить сведения, полученные из источников, с другой, являются метафорами, скрывающими от исследователя индивидуальные характеристики текстов. Типы — это всегда идеальные, но не существующие в реальности концепты. В данной работе предпринята попытка отказаться от навязывания типологии и дать слово авторам источников — травелогов, философских трактатов, карт⁴⁴.

⁴⁴ В случае отсутствия указания на источник перевода — перевод наш.

Глава 1

«ВООБРАЖАЕМЫЕ» МИРЫ

Повествование о трансформации восприятия пространства стоило бы начать с середины XVI в. Именно в это время описанию и систематизации подвергаются различные образы окружающего мира. Конрад Гесснер издает пятитомник, в котором описываются животные⁴⁵, Андреас Везалий — атлас человеческого тела⁴⁶, Леонард Фукс — атлас растений⁴⁷, в Италии издается первый компендиум путешествий, переведенный в 1555 г. на английский язык⁴⁸, а в 1570 г. Абрахам Ортелиус издает первый в мире географический атлас регионов земного шара⁴⁹. Но чтобы понять, почему столь важные для формирования картины мира произведения возникают в этот период, необходимо разобраться, каким виделся мир прежде и какие изменения в его восприятии происходят к середине XVI в.

Человеку всегда приходилось изыскивать способы для ориентирования в пространстве. У нас неплохое зрение — мы видим электромагнитные волны в диапазоне от 380 до 740 нм, достаточно хороший слух — мы улавливаем колебания в диапазоне от 16 до 20 тыс. герц, но мы не умеем ориентироваться и сканировать поверхность, подобно птицам, улавливать ультразвуковые колебания или видеть в инфракрасном спектре. Мы плохо различаем далекие предметы, с трудом распознаем запахи и едва ли смогли бы самостоятельно добраться до отдаленного места, если бы у нас не было одного специфического инструмента — нашей памяти.

⁴⁵ Gessner C. *Historiae animalium*. Liber 1–5. Zürich, 1551–1587.

⁴⁶ Vesalius A. *De humani corporis fabrica libri septem*. Basel, 1543.

⁴⁷ Fuchs L. *De historia stirpium commentarii insignes*. Basel : Michael Isingrin, 1542.

⁴⁸ *Pietro Martire d'Anghiera*. *De orbe novo*. Decade 1–3. Londini, In ædibus Guilhelmi Powell, Edwarde Sutton, 1555.

⁴⁹ *Ortelius Abraham*. *Theatrum Orbis Terrarum*. Antwerp, 1570.

Считается, что у любого человека есть определенное геометрическое представление о мире, в котором он живет. Психологи установили, что когда мы гуляем по городу, любой поворот вправо или влево будет восприниматься нашим сознанием как поворот на 90°, — так нашему сознанию проще запомнить проделанный путь⁵⁰. В нашем сознании выстраивается карта, которую в дальнейшем возможно будет перенести на поверхность, чтобы любой, взглянув на нее, мог проделать путь по нашему примеру.

Одними из самых ранних изображений пространства являются наскальные рельефы в долине Камоника на севере Италии. Ученые спорят об их назначении, но сходятся в том, что на них определенно запечатлена карта пространства. Не так важно, насколько она реалистична и какая у нее функция — практическая или сакральная. Важно, что фигуры геометричны и мир предстает в виде группы линий и квадратов.

О связи психобиологии и геометрического восприятия пространства пишет, например, В. А. Подосинов, отмечая, что «все системы ориентиров имеют в своей основе психобиологическую природу человека»⁵¹. А значит, и в неолите можно выявить «понятные» нам модели репрезентации пространства: «Неолит Передней Азии впервые дает доказательства существования представлений об определенной организации предметов в пространстве, простейшими координатами которого наряду с верхом и низом были четыре направления, более или менее соответствовавшие четырем сторонам света»⁵².

Помимо наскальных изображений и узоров на изделиях существовали устные предания о мире и его устройстве. Сказания, повествующие о путешествии героя, складывались еще в перво-

⁵⁰ *Venetikidis Aris*. Mental maps and spatial thinking [Электронный ресурс]. URL: https://www.ted.com/talks/aris_venetikidis_making_sense_of_maps (дата обращения: 18.03.2020).

⁵¹ Джаксон Т. Н., Коновалова И. Г., Подосинов А. В. *Imagines mundi: античность и средневековье*. М. : Языки славянских культур, 2013. С. 27.

⁵² Антонова Е. В. Орнаменты на сосудах и «знаки» на статуэтках анауской культуры (к проблеме значения) // *Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. История и культура*. М. : ГРВЛ, 1981. С. 14.

бытные времена. На это указывает сходство многих описательных приемов, используемых различными народами в дальнейшем, т. е. наличие устойчивых архетипов. Пространство в мифе является областью тайны, скрытой от героя, бросающего вызов неизвестному. Можно вспомнить компьютерную игру, где карта скрыта от нас черной пеленой, а все, что мы видим, — это лишь небольшой клочок земли.

Основная цель перемещения героя — преодоление — достижение конкретного места, символизирующего определенное действие — финальную схватку или обретение покоя. Как писал В. Н. Топоров: «Для первобытного сознания все, что есть сейчас, — результат развертывания первоначального прецедента, экспликация исходной ситуации в новые условия оплотняющегося космологического бытия»⁵³. Пространство не может быть цельным, однородным и не изменчивым, пока не выработаны метафоры, обеспечивающие эту цельность.

Устойчивые метафоры описания реальности возникают вместе с появлением первых географических карт, символизирующих метафору мира, например, глиняной таблички, изображающей известный вавилонянам мир. Но в вавилонских, как и в греческих, мифах основная цель передвижения — преодоление враждебного пространства и достижение финальной точки пути.

Одной из функций мифопоэтических практик является фиксация и трансляция представлений о мире. На протяжении XX столетия вопрос о функциональном назначении мифа проделал путь от Леви-Брюля, считавшего, что не стоит искать в мифе рационального начала, до Леви-Стросса, утверждавшего, что «примитивная логика, при всей своей конкретности и связи с непосредственными ощущениями, способна к обобщениям, классификациям и анализу»⁵⁴. Е. М. Мелетинский проводит различие между научным и мифопоэтическим знанием. Важно, что «метаязыку научного опи-

⁵³ Топоров В. Н. Первобытные представления о мире (общий взгляд) // Очерки истории естественно-научных знаний в древности. М. : Наука, 1982. С. 9.

⁵⁴ Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М. : Восточная литература РАН, 2000. С. 83.

сания соответствует в мифологическом описании своего рода метатекст, в котором язык описания и описываемый мир изоморфны»⁵⁵.

В ранних мифах преодоление пространства может быть частью инициации, прохождением через неизведанное и вступлением во взрослую, т. е. полноценную, жизнь, где временной параметр жизни соотносится с перемещением в пространстве. В некоторых мифах пространство может ассоциироваться с лабиринтом, выход из которого символизирует прохождение пути. Из более поздних примеров можно вспомнить жанр притчи, например, «Путь паломника» Д. Беньяна, где аллегория жизни как тернистого пути служит основной канвой повествования.

Д. Кэмпбелл видит истоки подобного отношения к пространству в особенностях устройства человеческой психики и приводит сон оперной актрисы: «Вначале на пути сновидца возникает открытая сточная канава, затем абсолютно чистая река, бегущая по траве, затем появление добровольного помощника в критический момент и высокий берег за последним потоком (Земной Рай, Земля за Иорданом) — вот вечно повторяющиеся темы чудесной песни возвышенного путешествия души»⁵⁶.

Миф организует пространство, отвечая на вопросы: как это сделано, как это произошло. Языковые установки и структура речи, воплощенные в виде умозрительных образов, способствовали фрагментации и описанию мира. Устойчивость языковых форм обуславливала преемственность образов реальности и их передачу из поколения в поколение, что позволило мифопоэтической традиции описания просуществовать вплоть до нашего времени у отдельных племен и народов с дописьменной культурой.

В. Н. Топоров выделяет три типа мышления — мифопоэтический, исторический и естественно-научный⁵⁷, что вполне соотносится с типологией репрезентаций, о которых сказано во введении.

Однако исторический тип описания может сложиться только при наличии повествования, нарратива, соотносящего образы

⁵⁵ Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. С. 168.

⁵⁶ Кэмпбелл Д. Тысячеликий герой. М.: АСТ, 1997. С. 19.

⁵⁷ Топоров В. Н. Указ. соч. С. 9.

пространства и образы времени. Это может быть текст античных или библейских авторов, создавших устойчивый набор стратегий описания. Подобные произведения могут быть основаны на предшествующих мифопоэтических преданиях, но преобразовать воображаемое пространство за счет фиксации его в виде текста или карты, придавая ему статус реального.

Совокупность накопленных к первым векам II тысячелетия знаний о мире представлена на страницах средневековых хождений и карт. Распространено мнение, что в первую очередь христианского паломника интересовало восхождение из мира дольного (земного) в мир горний (небесный). «Пребывание в сем бренном мире представлялось постепенным приближением (восхождением) к Богу, который некогда воззвал: “Все, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах, и приходи, следуй за мною” (Евангелие от Луки)»⁵⁸. Однако и мир дольный интересовал человека не меньше, и, несмотря на оседлый образ жизни, средневековый житель Европы регулярно пребывал в движении, менял привычные места обитания, сталкиваясь с иными культурами и встраивая наблюдаемые явления в свою картину мира, которая допускала, что явления «воображаемые» имеют ту же гносеологическую ценность, что и увиденные «очами своими грешными».

Можно выделить ряд характерных для древнерусских хождений XII–XV вв. черт.

Во-первых, авторы соотносят земное пространство с библейскими преданиями и легендами. В хождении игумена Даниила начала XII в. мы читаем: «И ту есть близъ жертвенникъ Авраамовъ, идеже положи жертву богови Авраамъ и закла овенъ въ Исаака место; на то же бо место възведенъ бысть па жертву и закланъ бысть насъ ради грешныхъ. А оттоле есть близъ место, яко двою сажень далее, идеже заушенъ бысть Христось богъ нашъ. А оттоле есть далее 10 сажень святая темница, идеже всажень бысть Христось и ту посидель мало, дондеже приспеють Июдеи и поставять крестъ, да распнуть. И та святая места вся под одним покровом

⁵⁸ Даркевич В. П. Аргонавты средневековья. М. : Наука, 1976. С. 9.

суть, по ряду вся к полунощию лицъ»⁵⁹. При этом пространство, не связанное с христианскими преданиями, никак не фиксируется. Схожие приемы можно найти в хождениях Добрыни Ядрейковича (1200–1204): «Отъ Мироносицъ же близъ во святѣи Софѣи есть гробъ малъ дѣтища святаго Анѣфиногена. Понеже посла Богъ по душу аггела, служащу святому Анѣфиногену со дѣтищемъ во церкви, и пришедъ аггелъ Господень во церковь, ста и глаголя Анѣфиногену: Се мя Богъ послалъ по душу отрочища сего, да ю восприиму»⁶⁰. Стефана Новгородца (1348–1349): «А от великих дверей по правой руцѣ стоят два стлѣпа: един, идѣж бѣ привязан Господь нашъ ожа Христос, а другы, на немъже Петр плакася горко; привезены от Иерусалима»⁶¹ и пр.

Символика пространства в данном случае сакральна и складывается за счет соотношения мест с религиозно-значимыми событиями и явлениями. Религиозные тексты служат источником метафор, позволяющим придать пространству форму и глубину. Библейские сюжеты, реализованные за счет сочетания памяти и воображения, добавляют пространству объема, а тексту полноты. «Местность — это след события, ее оформившего. Такова логика всех местных мифов и легенд, осмысливающих пространство историей»⁶².

⁵⁹ Малето Е. И. Антология хождений русских путешественников XII–XV вв. : Исследование. Тексты. Комментарии. 2-е изд. М. : Директ-Медиа, 2014. С. 148. («И там поблизости находится жертвенник Авраамов, где Авраам положил жертву Богу и заклал барана вместо Исаака. Ведь Исаак был возведен на то самое место, куда возведен был Христос закланным быть нас ради, грешных. А оттуда близко место — примерно на две сажени дальше — где заушен был Христос Бог наш. А дальше через десять сажень — святая Темница, куда был посажен Христос и где посидел немного, пока иудеи успеют поставить крест, чтобы его распять. Все же эти святые места находятся под одним покрытием, все стоят в ряд по направлению к югу» (пер. Г. М. Прохорова).

⁶⁰ Там же. С. 191 («Возле мироносиц в святой Софии есть небольшой гроб дѣтища святого Афиногена, поскольку послал Бог за душой ангела на службу святого Афиногена с дѣтищем в церкви и, прибыв в церковь, ангел господень сказал: “это меня Бог послал за душой отрока, да ее и заберу”»).

⁶¹ Там же. С. 227 («А от великих дверей по правую руку стоят два столпа. К одному был привязан Господь наш Христос, а на другом горько плакал Петр. Привезены из Иерусалима»).

⁶² Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. С. 223.

Географическое воображение реализует пространство за счет отсылки к некогда произошедшим событиям, точнее, к воспоминанию о произошедшем. Механизм этого взаимодействия описан Д. Н. Замятиным: сначала отбираются определенные полуосознанные знаки, символы, стереотипы и архетипы, посредством которых конструируются отдельные образы, затем происходит выстраивание этих образов в некие пространственные и временные последовательности и, наконец, — вытягивание этих цепочек на сознательный уровень и их репрезентация (создание истории, нарратива)⁶³.

Во-вторых, в текстах даны геометрические характеристики элементов пространства. Уже в ранних «русских» хождениях, например, в «Хождении игумена Даниила», относимого к началу XII в., происходит фиксация образов мира как познаваемых геометрических объектов. Игумен Даниил отмечает размеры Гроба Господня и помещения, где тот находится: «Печерка мала, у каме ни сечена... 4 локоть и въ длину и въ ширину»⁶⁴, он же указывает размеры церкви Рождества Христова: «в длину церковь 50 сажень до великаго алтаря, а в шире 20 сажень; дуба Мамврийского, около которого по преданию жил патриарх Авраам»⁶⁵. Подобный прием описания встречается в Анонимном хождении, где описывается, например, церковь святой Софии в Константинополе: «Егда же во храме божий ходих святыя Софея и видех ино чудо: есть бо идущу во святую Софею от великаго оклада от первых дверей до вторых 50 локот, сиречь сажень, а от втораго порога до амвона 70 локот... А от амвона до олтаря 30 локот, а олтарь есть 50 локот в долготу, а ширина 100. А ширина Софея 200 локот, а высота ея 104»⁶⁶. Игнатий Смольнянин про Софийский собор пишет: «В 31-й (день) ходихом вверху церкви святыя София, и видехом 40 окон шиинных и мерих окно съ столпом, 2 сажени без двух пядей»⁶⁷. Помимо этого, отмечаются расстояния между городами и отдельными святынями.

⁶³ Замятин Д. Н. Метагеография: Пространство образов и образы пространства. М.: Аграф, 2004.

⁶⁴ Малето Е. И. Указ. соч. С. 169.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же. С. 238.

⁶⁷ Там же. С. 289.

В-третьих, у авторов отсутствует интерес к природно-климатическим особенностям регионов. Например, описание природы встречается из ранних текстов только в хождении Даниила: «Есть дебри суть многи и горы каменныя... Безводно место то есть; ни реки, ни кладязя, ни источника несть близъ Иерусалима... но дождевою водою живут вси людие и скоти въ граде томъ», на о-ве Самос «рыбы многы всякы и обилен есть всемъ остров отъ», «Море же Содомское мрътво есть, не имать въ себе никакож животна... но обыче внесеть быстрость Иорданьская рыбу въ море то, то не можетъ жива быти ни мала часа, но вскоре умираеть»⁶⁸. Разновидности рыб и иных животных еще не определены и воспринимаются во всей совокупности, а природа существует только в статусе божественного творения.

В-четвертых, в хождениях представлена идея повсеместного пребывания Бога, за счет чего пространство наделяется особыми сакральными смыслами. География для них представляет собой скорее разновидность религиозной классификации, чем дисциплину о геометрическом пространстве земли. Путешествие может восприниматься в контексте движения к святости. «Разрыв с грехом мыслился как уход, пространственное перемещение. Так, уход в монастырь был перемещением из места грешного в место святое и в этом смысле уподоблялся паломничеству и смерти, которая также мыслилась как пространственно-географическое перемещение»⁶⁹.

Сохранилось 159 списков хождения игумена Даниила XV–XIX вв., из которых самый ранний датируется 1495 г., что говорит как о востребованности жанра, так и о его влиянии на последующую литературу.

Помимо текстов, в которых земное пространство реализовано за счет встроенности в христианскую парадигму, существовали и «хождения» по «загробному», «потустороннему» миру, которые современный читатель едва ли сможет принять за достоверные отчеты. «Визионер, будь то апостол Павел, греческая царица

⁶⁸ Малето Е. И. Указ. соч. С. 180.

⁶⁹ Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. М. : Языки русской культуры, 1996. С. 242.

Феодора, английский крестьянин Туркилле или русский монах из Троице-Сергиева монастыря, возносится ввысь или спускается в подземное царство, странствует по отсекам ада и рая, поднимается по лестницам, ведущим на небеса, и переправляется через огненные реки и ледяные пропасти»⁷⁰. Вопрос о соотношении в сознании средневекового человека «фиктивности» и «познаваемости» пространства является одним из наиболее важных в контексте изучения репрезентативных практик: насколько географичными были сакральные миры, находились ли они в одной плоскости с пространством человека и обладали ли статусом материальных и геометрически измеряемых тел.

О том, как менялись практики репрезентации «сакрального», можно судить на примере описаний Рая и рассуждений о ментальных инструментах его «освоения». Святой Августин (354–430 н. э.) излагает три мнения касательно его расположения: «Первое из них принадлежит тем, которые Рай хотят понимать только в телесном смысле, другое — тем, которые понимают его исключительно духовно; третье — тем, которые принимают Рай в том и другом смысле: иногда в телесном, а иногда — в духовном. Дабы быть кратким, признаюсь сразу, что мне представляется наилучшим последнее мнение. <...> так и Рай, в котором поместил его [Адама] Бог, был не что иное, как известная местность, т. е. страна, где мог бы обитать земной человек»⁷¹. Важно, что уже здесь присутствует рефлексия на тему пространства телесного, подвластного математическому измерению, и духовного, постижимого только особым внутренним взором.

Ю. М. Лотман отмечает, что деление пространств на «земное» и «небесное» было распространено среди средневековых мистиков, но отвергалось «реалистически» мыслящим ортодоксальным православием. Примером может служить письмо новгородского епископа тверскому владыке: «И нынѣ, брате, мнить ти ся мысле-

⁷⁰ Антонов Д. И., Майзульс М. Р. Анатомия ада: Путеводитель по визуальной древнерусской демонологии. М. : ФОРУМ ; НЕОЛИТ, 2014. С. 6.

⁷¹ Блаженный Августин. Творения : в 4 т. / сост. С. И. Еремеева. СПб. : АЛЕТЕЙЯ, 2000. Т. 2. С. 497.

ный рай, но все мыслено мнится видѣниемъ. А еже Христось рече въ Еуангелии о второмъ пришествии, и то ли мыслено скажете?»⁷²

В начале XIV в. дискуссия о возможности познания «сакрально-го» будет выражена на страницах «Божественной комедии» Данте Алигьери в сцене, где главный герой встречается в восьмом круге ада с Улиссом-Одиссеем. Улисс повествует о том, как, расставшись с Пенелопой и детьми, он отправился «изведать мира дальний кругозор». В пути ему довелось увидеть «оба берега, Марокко, / Испанию, край сардов, рубежи / Всех островов, раскиданных широко».

Особенность пространства у Данте — его встроенность в земную топографию. Можно решить, что главный проступок Улисса состоял в том, что он дерзнул войти в пролив, «в том дальнем месте света, / Где Геркулес воздвиг свои межи, / Чтобы пловец не преступал запрета». В античную эпоху Геркулесовы столбы служили отметкой края географического мира, в Средние века обозначали метафорически границу между миром «дольным» и «горным», «земным» и «небесным», но, в отличие от Данте, Улисс проникает на эту территорию не благодаря духовным усилиям или божественному благословению, а опираясь на собственную отвагу и жажду познания мира: «Подумайте о том, чьи вы сыны: / Вы созданы не для животной доли, / Но к доблести и к знанью рождены». Данте сознает, насколько дерзкой и греховной является попытка постижения духовных тайн через рациональное, механическое видение: «Когда гора, далекой грудой темной, / Открылась нам; <...> Три раза в быстрине водоворота; / Корма взметнулась на четвертый раз, / Нос канул книзу, как назначил Кто-то, / И море, хлынув, поглотило нас»⁷³.

Доступ к знанию лежит вне рациональных практик, для познания реальности требуется особый духовный взор. Важно, что Данте различает эти практики, тем самым придавая загробному миру статус воображаемого, но все же вписывая его в область земной географии. Ю. М. Лотман замечает, что знание Данте — это «знание, которое дается ценой нравственного усовершенствования познаю-

⁷² Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. С. 246.

⁷³ Данте Алигьери. Божественная комедия / пер. М. Лозинского. М.: Наука, 1967. С. 118–119.

щего». В то же время знание Улисса лежит вне морали и выступает как самостоятельный, лежащий вне человека и его совести конструкт. Встреча Данте и Улисса видится Лотману не столкновением материальных и духовных практик, конфликтом рационального и духовного, а предчувствием наступления новой ренессансной культуры, выраженной в тенденции «к вычленению отдельной личности, ее специализации, приводившей к разделению ума и совести, науки и нравственности»⁷⁴.

Вопрос об этической стороне рационального познания с точки зрения Данте можно оставить открытым, но рассуждения о точном местоположении Рая и возможностях его физической «колонизации» продолжатся и в конце XV в. В одном из писем Х. Колумб пишет: «Я полагаю, что если бы я прошел ниже экваториальной линии, то, добравшись тут до наиболее высокого пункта, я обнаружил бы еще более мягкий климат и перемены в расположении звезд, а также и другие воды. Но я не направляюсь туда не потому, что невозможно было бы добраться до наиболее возвышенного места на земле, не потому, что здесь непроходимые моря, а поскольку я верю — именно там находится Рай Земной, и никому не дано попасть туда без Божьего соизволения»⁷⁵.

В. И. Вернадский характеризовал Колумба как отсталого мореплавателя: «Не отличаясь, подобно другим великим мореходам того времени, достаточным астрономическим и математическим образованием и не будучи в состоянии ориентироваться в громоздком и неудобном математическом аппарате того времени, Колумб думал сделать из своих наблюдений вывод о том, что Земля не имеет форму шара, а форму груши, и на узком конце ее находится возвышение, которое Колумб считал местом входа в рай»⁷⁶. Но нужно учесть, что в XV в. модели репрезентации географического пространства были тесно связаны с текстами христианских паломников и античных космографов.

⁷⁴ Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. С. 255.

⁷⁵ Христофор Колумб. Письмо Католическим королям Изабелле и Фердинанду о результатах третьего путешествия // Хроники открытия Америки. Кн. 1 / пер. Я. М. Света. М. : Акад. проект, 2000.

⁷⁶ Вернадский В. И. Избранные труды по истории науки. М. : Наука, 1981. С. 168.

Примером травелогов, оказавших влияние на традицию описания пространства в раннее Новое время, служат тексты итальянца Марко Поло (конец XIII в.) и француза Джона Мандевиля (ок. 1357 г.). Каждому из этих текстов посвящены сотни статей, и в целом исследователи сходятся на том, что мы не можем быть уверены в авторстве этих текстов; мы не можем быть уверены, были авторы в описываемых местах или нет; мы не можем быть уверены в источниках информации, используемых авторами; и, наконец, мы не можем быть уверены в том, зачем эти тексты были составлены, но в обоих текстах прослеживается существенная трансформация описательных практик. В отличие от предшествующих итинерариев (латинских хождений) в текстах Поло и Мандевиля христианская составляющая хотя и фиксируется, но не является единственной моделью объяснения происходящих явлений. В текстах присутствует автобиографическое начало, изложение целей и причин путешествия, элементы беседы с читателем, изображение проявлений божественного мира в виде культурной и политической специфики жизни разных народов, описания всевозможных уродцев и чудесных явлений.

Однако духовный взор все еще является важным инструментом познания и понимания мира, а чувства могут увести от истинного понимания реальности. У Марко Поло встречаются и замечания о пагубности эмпирики: «Слышал он много раз, как читали в Евангелии: если око твое соблазняет тебя на грех, вырви его из главы, ослепи его, да не вводит оно тебя в грех», так и утверждение значения внутреннего взора: «То же видение было епископу, знайте, не один раз; и рассказал он христианам о том видении, что было ему много раз»⁷⁷. Как у Поло, так и у Мандевиля встречаются описания различных необычных явлений и диковин. «Там [в Индии] растет удивительное дерево, рождающее крохотных ягнят на концах своих ветвей. Веточки настолько гибкие, что склоняются вниз, и ягнята могут кормиться, когда они голодны»⁷⁸, — читаем у Мандевиля.

⁷⁷ Книга Марко Поло / под ред. И. П. Магидовича. М.: Госиздат географической литературы, 1955. С. 62.

⁷⁸ *Mandeville J. The Travels of Sir John Mandeville* / ed. by David Price. London: Macmillan and C°, 1900. P. 175.

«Этот ветер жаркий, человека убивает; как только люди почуют, что поднимается жара, входят в воду и этим спасаются от жаркого ветра», — пишет Поло.

Важная особенность подобных травелогов — их мультикультурная составляющая, признание множественности мировоззренческих практик и гуманистическая риторика. «Колумб, Фробишер, Рэйли, Ортелий, Меркатор читали эти тексты и доверяли им, но гуманистический посыл был утрачен еще во времена Колумба»⁷⁹, когда авторитет личных наблюдений позволил делать самые различные суждения о природе вещей.

В 1492 г. представление о Земле как шаре будет воплощено в первом глобусе, но это не помешает Х. Колумбу критически высказаться относительно распространенного «заблуждения». Несмотря на то, что он «не раз читал, что мир — суша и вода — имеет форму шара, и авторитетные мнения и опыты Птолемея и других, писавших об этом, подтверждают и доказывают подобное», ему приходится заключить, исходя из собственных наблюдений и размышлений, что «земля не круглая и не имеет той формы, которая ей приписывается, а похожа на грушу совершенно округлую, за исключением того места, откуда отходит черенок: здесь Земля имеет возвышение и похожа она на совершенно круглый мяч, на котором в одном месте наложено нечто вроде соска женской груди»⁸⁰. Мир, сотворенный Богом, мог преображаться в сознании авторов самым замысловатым образом, но так и работает «научная» мысль, некоторые «теории» подтверждаются на многие века.

Письма Колумба демонстрируют субъективный подход к открытиям. Субъективность — то, от чего, по версии Ю. М. Лотмана, предостерегал Данте, описывая Улиссову страсть к познанию. Схожий индивидуализм встречается в текстах Америго Веспуччи, например, в его описании радуги (1504): «Многие вещи, которые я тщательно исследовал в этом полушарии, позволяют мне возразить взглядам философов, ибо мои взгляды совершенно противоположны. Среди

⁷⁹ Youngs T. The Cambridge Introduction to Travel Writing. P. 29.

⁸⁰ Христофор Колумб. Письмо Католическим королям Изабелле и Фердинанду о результатах третьего путешествия. С. 70.

прочего я видел ночную радугу, то есть небесную арку, которая к полуночи была совершенно белой. Ныне распространено мнение, что радуга берет цвет из четырех элементов: красный от огня, зеленый от земли, белый от воздуха и синий от воды. <...> Я видел эту радугу два или три раза; и я не одинок в своих размышлениях на эту тему, поскольку многие моряки придерживаются того же мнения»⁸¹.

Индивидуальный характер знания — одна из существенных черт произошедшей трансформации, но тексты Мандевиля, Поло и других авторов будут важным источником знаний о мире вплоть до XVII в., когда будет сформировано новое представление об «объективности». Но и в 1604 г. шекспировский Отелло сообщает сведения, взятые из путешествия Мандевиля: «Речь заводил я, — так всегда бывало; / О каннибалах, что едят друг друга, / Антропофагах, людях с головою, / Растущей ниже плеч. И Дездемона / Усердно слушала»⁸².

В Русских княжествах, как и в странах Европы, в XV в. описательные стратегии претерпевают трансформацию. В травелогах священноинюка Варсонофия, гостя Василия, Игнатия Смольнянина, Афанасия Никитина библейские предания отступают на второй план или исчезают вовсе, описания приобретают все больше светских черт.

О хождениях Игнатия Смольнянина Е. И. Малето пишет: «Главное в них — не описание христианских святынь, а рассказ о событиях, происшедших во время путешествия (описание дворцового переворота в византийской столице, венчания на царство и т. д.). Это произведение стало первым светским хождением, освобожденным от библейско-апокрифических мотивов»⁸³.

Одновременно, что скорее всего и обусловило трансформацию, происходит смена географических акцентов. Возникают тексты, выходящие за пределы восточно-христианского мира, а культур-

⁸¹ *Vespucci Amerigo*. *Mundus Novus*, 1504. (Lester, Foster 1856). P. 217–218 [Электронный ресурс]. URL: <https://exhibits.museogalileo.it/waldseemuller/ewal.php?c%5B%5D=38852> (дата обращения: 03.03.2020).

⁸² Шекспир У. Полное собрание сочинений : в 8 т. М. : Искусство, 1960. Т. 6. С. 299.

⁸³ Малето Е. И. Указ. соч. С. 23.

ные центры запада представляют все больший интерес для русских путешественников. Складывается ощущение географической, т. е. земной, протяженности, в которой образы природы фиксируются в отрыве от сакральных значений.

Священноиннок Варсонофий приводит сведения о реках и растениях Египта, гость Василий — о растениях на территории Малой Азии, Палестины и Египта, Афанасий Никитин — о температуре, климате, растительности, обычаях и пр. Е. И. Малето отмечает трансформацию в стратегиях описания пространства: «от восприятия природы как фона, на котором развиваются события библейской истории, к почти документально точным изображениям природы в хождении Игнатия Смольнянина и Афанасия Никитина»⁸⁴.

Показательным примером служит «Сказание “О человецех незнаемых в Восточной стране”». Известно 14 списков XV–XVIII вв., включая перевод на английский Ричарда Джонсона ок. 1560 г. «Место действительного опыта занимает воображаемая реальность, рассказы первопроходцев оборачиваются визионерскими описаниями потустороннего мира»⁸⁵. Народы, обитающие за Югорской землей «живут в воде, линяют, меняя кожу, мохнаты, имеют рты на темени, умирают на зиму, немые, ходят под землей с огнем; с горы, сверху, смотрят — и видят своих мертвых, они идут печальным путем вдоль моря и жалобно плачут, а за ними следует огромный человек и погоняет мертвых железной палицей»⁸⁶. Описания не акцентируются как вымышленные или нереальные, все образы, воплощенные в предшествующих текстах, находят свое место в земном пространстве, а также на географических картах.

Средневековые карты и травелоги имели много точек соприкосновения. Они выражали знание визуальное или текстовое об отдаленных местах в терминах домашней культуры, понятных автору и читателю, формировали образ «другого», а также помогали авторам и читателям конструировать собственную идентичность. Отношение между визуальным картографическим знанием и текстовой

⁸⁴ Малето Е. И. Указ. соч. С. 23.

⁸⁵ Плигузов А. И. Сказание «О человецех незнаемых в Восточной стране» // Russian History / Histoire Russe. 1992. Vol. 19, Nr 1–4. С. 408.

⁸⁶ Там же.

информацией в травелогах довольно сложное — оба служат зеркалом, в котором отражены религиозные, культурные, социальные и естественно-научные представления автора о мире.

Связь между картами и травелогами фиксируется, начиная с поздней Античности, когда географические планы и чертежи включаются в манускрипты, например «*Historia adversum Paganos*» Орозия. Сохранилось около 1 100 оригинальных карт VIII–XV вв., преимущественно в манускриптах⁸⁷. От небольшой карты в Лондонской псалтыри до монументальных *Маррае Мунди* изображения соотносились с текстами. «Это становится ясным, когда мы смотрим, как письменные источники, вроде “Географии” Птолемея, влияли на изображение береговой линии Индийского океана вплоть до появления атласа Меркатора в 1569 году»⁸⁸.

Выделяют четыре типа средневековых карт: трехчастные, четырехчастные, климатические и смешанные (рис. 1).

На трехчастных картах мир ориентирован на восток и изображен в виде круга (O), в который вписаны три континента, разделенные Доном, Нилом и Средиземным морем, образующими букву Т. Дон (Танаис) отделяет Азию от Европы, Нил — Азию от Африки, а Средиземное море — Европу от Африки. Исидор Севильский в трактате «О природе вещей» (ок. 613–621 гг. н. э.) пишет: «суша помещается в середине мира и отстоит от всех его сторон на одинаковое расстояние, занимая, таким образом, центр. Океан же, разлившийся по всем регионам земной сферы (*Regione circumductionis sphaerae*), омывает границы всего почти круга земель». Он признает трехчастное деление Земли и, ссылаясь на Августина Блаженного, отмечает: «Азия простирается с юга через весь восток до самого севера, Европа — с севера до запада, а оттуда — Африка, от запада до юга»⁸⁹.

⁸⁷ Woodward D. Reality, Symbolism, Time, and Space in Medieval World Maps // *Annals of the Association of American Geographers*. 1985. Vol. 75, Nr 4. Dec. P. 510.

⁸⁸ Нурминен М. Т. Указ. соч. С. 8

⁸⁹ Уколова В. И. Исидор Севильский и его сочинение «О природе вещей» // Социально-политическое развитие Пиренейского полуострова при феодализме. М. : Ин-т всеобщей истории, 1985 [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Isidor_Sevilskij/o-prirode-veshhej/ (дата обращения: 06.09.2019).

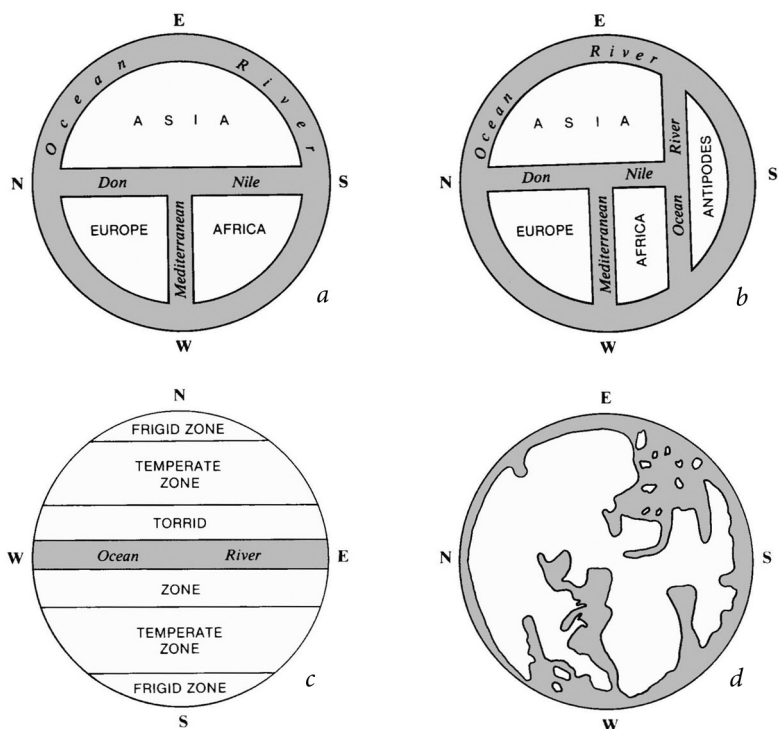

Рис. 1. Типология средневековых карт мира:

a — трехчастная; *b* — четырехчастная; *c* — зональная; *d* — переходный тип⁹⁰

Четырехчастные карты, помимо трех известных материков, изображают землю на юге, отделенную океаном, на которой помещались так называемые антиподы.

Отсутствие устойчивого представления о форме Земли и законах тяготения приводило к многочисленным дискуссиям. Например, Лактанций в конце III в. н. э. о существовании антиподов, населяющих обратную сторону Земли, пишет: «А что сказать о тех, кто полагают, будто существуют противоположные нам антиподы?»

⁹⁰ The History of Cartography. Vol. 1 : Cartography in Prehistoric, Ancient, and Medieval Europe and the Mediterranean / eds. J. B. Harley, D. Woodward. Chicago : University of Chicago Press, 1987. P. 297.

Неужели они говорят не вздор? Есть ли какой-нибудь такой же глупец, который бы стал думать, что существуют люди, чьи ступни были бы выше головы? Или что где-то висит то, что у нас, наоборот, лежит? Что травы и деревья растут, обратившись вниз? Что там дожди, снег, град идут снизу вверх? И кто удивится, что среди чудес света называют висячие сады, после того как философы сделали висячими и поля, и моря, и города, и горы?»⁹¹

Не менее острыми были дебаты о соотношении сфер земли и воды, актуальные и в XVI в.: «Однажды утром, в августе 1578 г., за завтраком у герцога Савойского, Эммануила Филиберта, разгорелся спор о том, почему реки текут в море. Философ Антонио Берга, сторонник Аверроэса, настаивал, что этого не может быть — просто потому, что море выше, чем суша, а вода естественным образом течет вниз. Берга придерживался традиционных взглядов, сложившихся еще в древности: сфера воды в десять раз больше сферы земли, у двух сфер разные геометрические центры, а океаны расположены выше, чем суша»⁹².

Зональные карты ориентированы на север или юг и изображают греческую версию пяти климатических поясов: тропический в центре, два умеренных и два полярных.

Смешанные карты представляют переходный этап в изображении мира между трехчастными картами и картами, созданными по модели Птолемея. Земля все еще изображена в виде вписанной в круг суши, но мир уже не выглядит разделенным на части, а очертания морей, в первую очередь Средиземного, обретают привычную нам форму. Такие карты были распространены в XIV и XV вв. и фиксировали открытия, сделанные в первую очередь португальскими мореплавателями. Однако и карты XIV в. различались по своему назначению. И если портоланы с конца XIII в. служили мореплавателям навигационными картами, то назначение карт мира, вроде Херефордской (1290) или Эбсторфской (1300), продолжает вызывать у историков вопросы. Но очевидно, что географическая точность была для них далеко не первостепенной целью.

⁹¹ *Лактанций*. Божественные установления, III, 24 / пер. с лат., вступ. ст., коммент. и указ. В. М. Тюленева. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2007. С. 223.

⁹² *Вуттон Д.* Указ. соч. С. 121.

Текстовая вставка в углу Эбсторфской карты демонстрирует, что картография в этот период была необходима не только для понимания теории пространства, но и для практики путешествий: «Карта означает “forma”⁹³. Из чего следует, что *mapa mundi* — это форма мира, которую впервые утвердил Юлий Цезарь, посылая легатов в самые далекие уголки мира. Регионы, провинции, острова, города, песчаные побережья, леса, плоские просторы морей и равнин, горы и реки он собрал воедино, дабы обозреть на одном листе. Это принесло немалую пользу читателям и дало возможность прокладывать путь к самому удивительному»⁹⁴. Перемещение здесь необязательно означает путешествие в привычной для нас реальности, это скорее перемещение виртуальное, совершаемое в измерении воображаемого, но, как и авторы травелогов XIV в., картографы стремились выразить мир во всей совокупности смыслов.

Каталонский атлас, выполненный ок. 1375 г. А. Крескером по заказу арагонского короля, совмещает в себе как географические, так и мифопоэтические сюжеты, а текст имеет не меньшую познавательную ценность, чем иллюстрации. Можно выделить основные сюжеты, представленные в Каталонском атласе⁹⁵:

— этнографические зарисовки: «жители острова Стиланда говорят на норвежском языке и являются христианами»; «эта земля населена людьми, закутывающими себя так, что можно увидеть только их глаза»;

— легендарные предания: «язычники из Индии считают, что их души попадают после смерти на эти острова, где они будут жить вечно и наслаждаться фруктами; они считают, что это рай. Но это всего лишь сказка»; «И если случится, что всадник устанет от путешествия, уснет или по иной причине отделится от товарищей, он будет слышать голоса чертей, похожие на голоса товарищей, назы-

⁹³ Форма, эскиз, план, модель, контур, набросок, образ.

⁹⁴ Baumgärtner I., Debby N. B.-A., Kogman-Appel K. Maps and Travel in the Middle Ages and the Early Modern Period. Knowledge, Imagination, and Visual Culture // Das Mittelalter. Perspektiven mediävistischer Forschung. Vol. 9. De Gruyter. Beihefte, 2019. P. 3.

⁹⁵ Каталонский атлас 1375 года // The Cresques Project [Electronic resource]. URL: <http://www.cresquesproject.net/catalan-atlas-legends> (accessed: 25.03.2020).

вающих его имя»; «Здесь встречаются дети рыб трех сирен: одна из них наполовину рыба, наполовину женщина, другая наполовину женщина, наполовину птица»;

— сведения о произрастающих растениях: «есть деревья, привлекающие птиц спелыми плодами»;

— сведения об этимологии топонимов: «Исидор в книге XV говорит, что острова эти зовутся удачливыми, поскольку имеют множество различных товаров: крупы, фрукты, травы и деревья»; «Раньше острова назывались канарскими из-за множества собак, огромных и сильных»;

— естественно-научные комментарии: «Вода в этом море не красная, но дно имеет такой цвет»;

— сведения о коммерции: «Через это море проходит большинство кораблей, везущих специи, прибывающих в Александрию из Индии»; «В городе Яна произрастает много деревьев алоэ, камфара, сандалового дерева, специй калгана, мускатного ореха и корицы. Эти специи востребованы более, чем любые другие в Индии»;

— информация о животных: «Здесь обитают такие звери, как олени, белые медведи и кречеты»; «там нет ни змей, ни лягушек, ни ядовитых пауков, потому что земля не приемлет их»;

— географические и климатические сведения: «Регион Норвегия очень суровый, здесь холодно, горы дикие и покрыты лесами»;

— антропологические данные: «Здесь люди рождаются настолько маленькими, что достигают не более трех футов в высоту».

Нашему восприятию проще разделить данные явления на группы и рассматривать мир с дифференцированных позиций. Для авторов карт и травелогов XIV в. пространство цельно — любые сведения дополняют его и являются его частью, ни один из элементов не может существовать вне остальных.

Автора Каталонского атласа не удивляет, что Александр Македонский, воспользовавшись хитростью сатаны, запер за Каспийскими горами гогов, магогов и много рас, поедающих сырое мясо и ожидающих смерти от огня, когда в мир явится Антихрист. По крайней мере, он передает эту информацию, не выражая сомнений в ее достоверности. И можно было бы сказать, что вымысел этой истории очевиден и без комментариев, и автор приводит ее как

очередную легенду, но через сто лет, ок. 1450 г., на карте Фра Мауро эта история будет представлена совсем иначе.

Фра Мауро критически оценивает эту информацию, говоря, что известная история о народах, запертых Александром, ошибочна, поскольку «не представляется возможным, чтобы столь большое количество народов оставались неизвестными, учитывая, что эти регионы хорошо известны». Про будущее же явление в этом месте Антихриста он напишет: «эта ошибка связана с трактовкой Священного Писания, когда люди видят то, что хотят увидеть». Тем не менее, ему необходимо подтвердить свои слова авторитетными источниками, и он ссылается на Августина и Николая Лира, отрицавших, что гоги и магоги поддержат Антихриста. Но Фра Мауро готов смириться с их существованием, только несколько дальше на севере, «в крайнем пределе мира, между северо-востоком и севером, и заключенными океаном и скалистыми горами с трех сторон»⁹⁶.

Сведения путешественников к концу XV в. вытесняют мифические образы все дальше в область неизведанных земель, а эмпирическое знание, т. е. личный опыт, становится основным инструментом «объективного» познания: «кто хочет поспорить с этим, должны знать, что у меня есть свидетельства очень достойных людей, которые видели это своими глазами», если же надежных свидетельств нет, остается уповать на «Премудрость Господа и меру Промысла Его, ибо только Он Один и знает все в точности»⁹⁷, — пишет Мауро.

Как отмечает П. П. Гайденок: «В эпоху Возрождения человек становится центром мироздания, а человеческое око — центром этого центра. В эту эпоху мир, как он открывается нашему глазу, претендует встать на место мира, как он открывался уму»⁹⁸.

В XV–XVI вв. в картографии происходят существенные трансформации, что связано с возникновением первых печатных карт и с использованием птолемеевой техники репрезентации простран-

⁹⁶ Transcriptions of Notes & legends on Fra Mauro's Map of 1459 [Electronic resource]. URL: <http://www.myoldmaps.com/late-medieval-maps-1300/249-fra-mauros-mappamundi/fra-mauro-transcriptions.pdf> (accessed: 03.04.2020).

⁹⁷ Ibidem.

⁹⁸ Гайденок П. П. Эволюция понятия науки: Становление и развитие первых научных программ. М. : Наука, 1980. С. 109.

ства (первое издание Птолемея с картами — 1477 г.). Развитие печати и гравирования позволило уменьшить стоимость карт и количество ошибок при их воспроизводстве. В XVI в. начинают издаваться региональные карты, основанные на математическом измерении местности, возникают десятки способов отразить сферу земли на плоской поверхности. Все это позволяет судить о «картографической революции», произошедшей в XV в.

Роберт Уильям Карроу выделяет четыре фактора этой революции⁹⁹:

- преобразования в спектре ощущений, используемых в коммуникации. Развитие передачи географической информации происходит по тем же моделям, что и в иных средствах коммуникации — устных, письменных и изобразительных;

- изменения в математических искусствах (квадривиум) в раннее Новое время. Одной из основ новой картографии является практическая математика, служащая нуждам коммерции и искусства;

- открытия в графике и изобретение линейной перспективы. Прослеживается связь в эволюции пейзажной живописи и картографии;

- издание на западе латинского перевода географии Клавдия Птолемея. «География» Птолемея открыла картографам XV в. античную модель картографирования, которую можно было легко адаптировать для изображения любого региона земли.

«Открытие Птолемея трансформировало картографию, открытия в оптике и в математике сыграли ключевую роль в изменении роли карт»¹⁰⁰.

До XV в. тексты на картах, хотя и воспринимаются скорее как сопроводительные материалы, служат основой для визуальных сюжетов и превосходят их по своей гносеологической ценности. Но в конце XV в. визуальные изображения появляются на страницах травелогов и постепенно иллюстрации становятся полноценными источниками знания о мире.

⁹⁹ Karrow R. W., Jr. *Intellectual Foundations of the Cartographic Revolution* : Dissertation. Chicago ; Illinois : Loyola University of Chicago, 1999.

¹⁰⁰ Baumgärtner I., Debby N. B.-A., Kogman-Appel K. Op. cit. P. 9.

Первый печатный травелог, содержащий иллюстрации, издан в Майнце в 1486 г. — «Паломничество на гору Сион и в город Иерусалим» («Peregrination Montem Syonet Civitatem Hierusalem») Бернарда фон Брейденбаха считается первым травелогом, включающим в себя изображения мест, которые автор посетил: «Эти места от Венеции до горы Синай, знакомые каждому паломнику, впервые были изображены согласно Природе и Истине способным художником, услугами которого благополучно удалось воспользоваться декану»¹⁰¹. Городские панорамы, изображенные в книге, служат одним из важных маркеров «картографической революции» раннего Нового времени, совмещающих в себе искусство и математику (рис. 2).

Многие мыслители раннего Нового времени совмещали увлечение искусством и занятия картографией. В 1501–1502 гг. Леонардо, опираясь на открытия в области математической перспективы, создает карту Милана, изображая город с высоты птичьего полета. Из примеров подобных репрезентаций можно назвать «Вид Венеции» Джакомо де Барбари, «Рим» Алессандро Строцци, «Флоренцию» Франческо Росселли и пр.

В 1515 г. А. Дюрер участвует в первом издании печатных карт звездного неба и первого рисунка Земли в виде сферы, изображенной по законам перспективы. В 1524 г. Питер Апиан публикует «Книгу космографии»¹⁰², «где впервые объяснено различие между «географией и «хорографией», или топографией, на примере головы человека и ее частей. География изучает земной шар целиком (вся голова), а «хорография» занимается ее частями (ухо, глаз), т. е. географией отдельных районов Земли»¹⁰³ (рис. 3). В 1533 г. Гемма Фризий издает «Трактат о триангуляции», в котором подробно описаны новые техники геодезирования местности.

¹⁰¹ Davis W. A Journey Round the Library of a Bibliomaniac: Or, Cento of Notes and Reminiscences Concerning Rare, Curious, and Valuable Books. London : Bedford library, 1821. P. 8.

¹⁰² Apian P. Cosmographicus Liber. Landshut : Johann Weyssenburger, 1524.

¹⁰³ Нурминен М. Т. Указ. соч. С. 194.

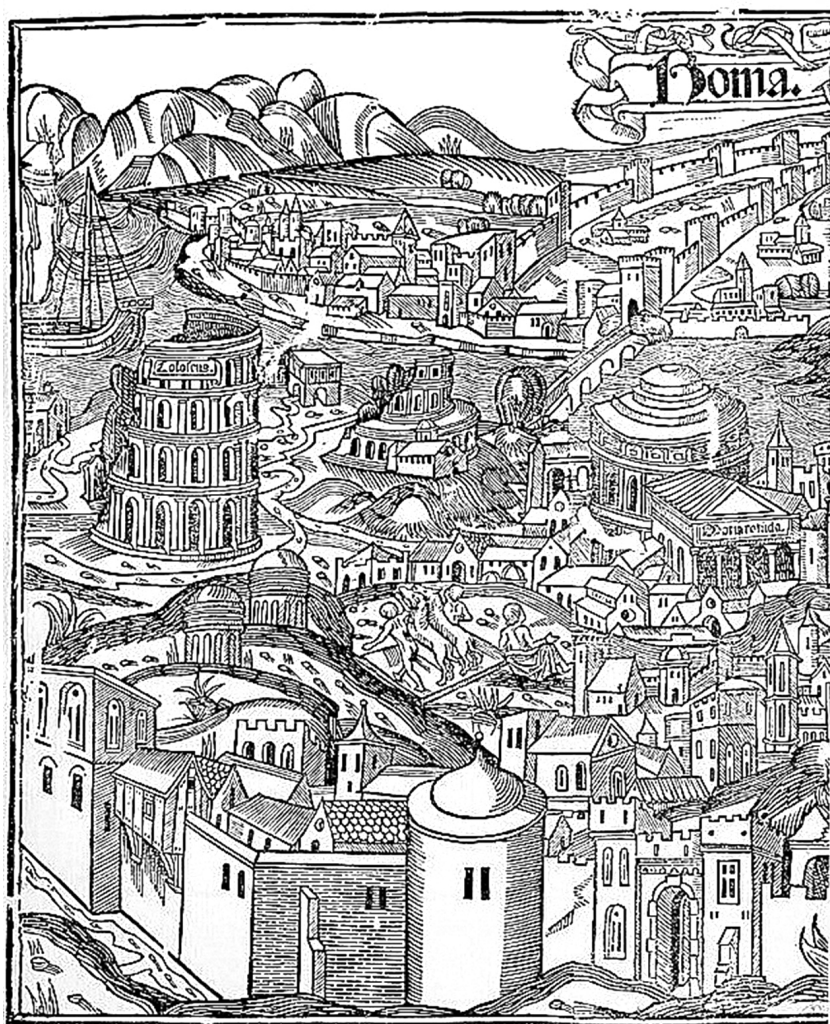

Рис. 2. Изображение Рима из травелога Б. фон Брейденбаха (1486)¹⁰⁴

¹⁰⁴ Breydenbach B. von. Peregrinatio in terram sanctam. Mainz : Peter Schöffer the Elder, 1486.

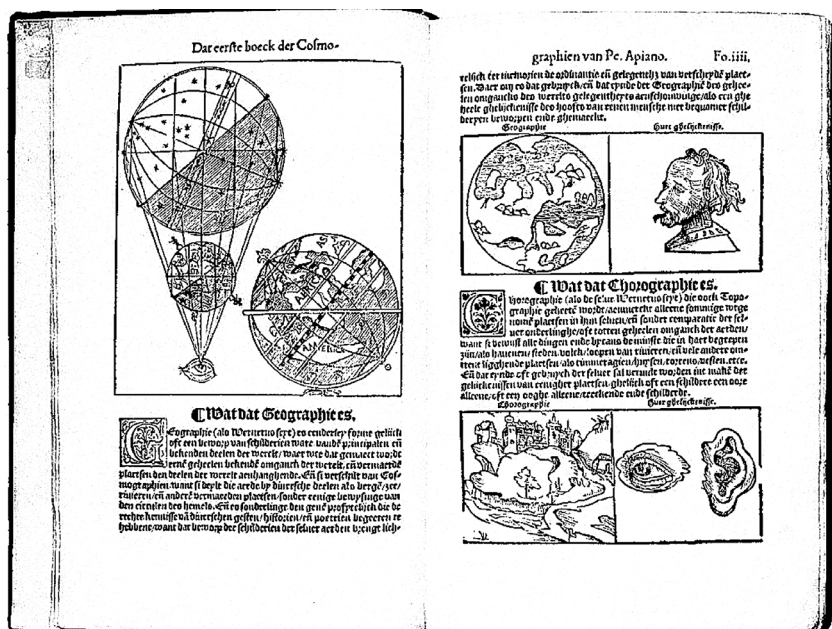

Рис. 3. География и хорография
из «Книги космографии» П. Апиана (1524)¹⁰⁵

При дворе Генриха VIII в Англии начинают использовать региональные карты¹⁰⁶. Генрих заказывает у итальянца Себастьяна Кабота в 1512 г. карту Гаскони и Гиени, батальные картины украшают стены его дворцов, издаются десятки навигационных карт¹⁰⁷. Сам за себя говорит тот факт, что уже в первое издание «Утопии» Томаса Мора 1516 г. была помещена карта этого вымышленного острова (рис. 4). Фиктивное пространство обрело черты реального, будучи перенесенным на карту или изображенным в виде иллюстрации.

¹⁰⁵ Apian P. Op. cit.

¹⁰⁶ Хотя примеры самых ранних дорожных карт Англии можно найти в XIII в. Например, карта Матвея Парижского, сохранившаяся в рукописных копиях его «Хроники» (URL: <http://www.bl.uk/onlinegallery/onlineex/mapsviews/mapgb/large17694.html>) или чуть более поздняя карта Гофа (URL: <http://www.goughmap.org/>).

¹⁰⁷ Karrow R. W., Jr. Op. cit. P. 3.

Рис. 4. Карта из «Утопии» Томаса Мора (1516)¹⁰⁸

¹⁰⁸ *More T. Libellus vere aureus, nec minus salutaris quam festivus, de optimo rei publicae statu deque nova insula Utopia. Löwen : Martinus, 1516.*

Иллюстрации в XVI в. в европейских странах становятся важным ресурсом развития научной мысли, в том числе в травелогах и географических картах. Профессиональные художники изображали на картах сцены охоты, военных действий, животных, средства передвижения и особенности быта, чудеса и необычные явления, модели кораблей и гербы правителей. Карты в виде мозаик, фресок, гобеленов и прочего пользовались большой популярностью. Астроном и картограф Эгнацио Данти (Пеллегрини Данти де Ринальди), которому Козимо I Медичи поручил в 1563 г. выполнить 30 региональных карт для украшения одного из залов палаццо Веккио во Флоренции, в том числе карту Московии, также известен тем, что расписывал стены в галерее карт в Ватикане, где подробно изображены различные регионы Италии¹⁰⁹.

Географические карты до 1569 г. не только транслируют знание о пространстве, но и продолжают фиксировать феномены природы, образы животных и растений, описания народов и их историй, встраиваясь в ряд энциклопедических текстов. Упомянутый в начале главы Конрад Гесснер в издании «*Historia animalium*» использует образы животных, взятые им из географических карт А. Вида¹¹⁰. А Себастьян Кабот, снаряжая первую английскую экспедицию в Московию в 1553 г. и осведомленный в том числе благодаря картам О. Магнуса о виде червей, «что водятся в северных морях и способны прогрызть насквозь прочнейший дуб», «в качестве предосторожности и дабы противостоять столь устрашающему противнику», дает указание защитить днища кораблей слоем металла. «Было решено, что наиболее подходящим и устойчивым к нападению червя и менее портящимся под воздействием воды, будет свинец, тонкими листами которого днища кораблей вскоре были покрыты, дабы противостоять всякой угрозе»¹¹¹.

¹⁰⁹ Багров Л. История картографии. М. : Центрполиграф, 2004. С. 250.

¹¹⁰ Осипов И. А. Описания Российского государства XVI века: влияние картографических материалов на нарративные источники. Сыктывкар, 2009 [Электронный ресурс]. URL: http://www.vostlit.info/common/Stat/Osipov/opis_rus_gos.phtml?id=8059 (дата обращения: 10.02.2020).

¹¹¹ The First Relations of England With Russia // Littell's Living Age. 1850. Nr 26. P. 97.

В начале данной главы было сказано, что в середине XVI в. возникает ряд иллюстрированных научных каталогов на различные темы. Действительно, роль изображений в это время претерпевает значительную трансформацию. Леонард Фукс во введении к атласу растений 1542 г. пишет: «Хотя на подготовку рисунков было затрачено много сил и труда, мы не знаем, не будут ли они названы бесполезными и не имеющими смысла и не вспомнит ли кто-либо слова такого скучнейшего авторитета, как Гален, утверждавшего, что для описания растений не нужны изображения. Но зачем тратить столько времени? Кто в здравом уме станет осуждать рисунки, которые могут передать сведения доходчивее, чем самый красноречивый из людей? То, что предстает перед нашими глазами, изображенное на доске или бумаге, гораздо прочнее удерживается в памяти, чем то, что лишь описывается словами»¹¹².

Историки по-разному оценивают роль изображений в раннее Новое время. Одни говорят о «визуальной революции», другие не торопятся с выводами: «важно учитывать разнообразие отношений к изображениям, существующее среди образованных натуралистов, таких как Фукс, Монтэ и Корнарий, но не менее важно отметить то, что у самого Фукса не было четкой позиции касательно роли изображений в деле фиксации медицинских растений. Функция и задачи изображений менялись вместе с переводами и редакциями “De historia stirpium”»¹¹³.

По словам С. Кусукава, к середине XVI в. печатные книги являются основным источником информации для изучающих медицину и ключевым медиумом, позволяющим испытателям сообщать о своих открытиях и теориях. Однако «включение изображения в книгу, в связи с трудоемкостью его производства, требовало весомых эпистемологических, онтологических и интеллектуальных причин. Вера в случайности, во внешние формы или в идеальные тела была настолько же мощным двигателем ренессансных проектов Фукса, Гесснера и Везалия, как и отсутствие для классических испытателей, таких

¹¹² Вуттон Д. Указ. соч. С. 170.

¹¹³ Kusukawa S. Picturing the Book of Nature: Image, Text, and Argument in Sixteenth-Century. Chicago : The university of Chicago Press, 2012. P. 125.

как Корнарий или Дюбуа, необходимости в иллюстрациях. Но были и другие причины использования изображений: в случае Маттиоли — чтобы укрепить авторитет своей теории, в случае Эустахио и Платера — для критики или канонизации изображений Везалия»¹¹⁴; «в случае Фукса благодаря уменьшению формата, переводу или перестановке частей универсальное знание адаптировалось для нужд локального рынка, и этот процесс менял функцию изображений»¹¹⁵.

Латур констатирует, что в XVI в. формируется новая метафора реальности, ведущая к сосуществованию двух миров — мира божественного и мира, запечатленного в виде изображений и схем. В результате атласы, чертежи и схемы начинают конкурировать между собой, претендуя на первенство в гонке за наиболее «реальное» отображение мира¹¹⁶. «Ничего нельзя сказать о крысах, но многое можно сказать об изображениях»¹¹⁷.

С. Бергер отмечает, что иллюстрации раннего Нового времени часто апеллировали к идеям, которые невозможно выразить вербально, и рассматривает изображения в качестве «визуальных комментариев», подчеркивая, что «они не служили единственно цели иллюстрирования теорий, а несли новые идеи и обогащали существующие»¹¹⁸. По мнению П. Смит, одним из главных факторов формирования новых визуальных практик служило «стремление к натурализму, запечатлению природных объектов и явлений в реалистичном ключе», которое встречается и в предшествующие века: «описание охоты на птиц, созданное при дворе императора Фредерика II (1194–1250), готические соборы во Франции и в немецком Наумбурге, а также натурализм фламандской полифонической музыки, воспроизводящей голоса птиц, работы фламандских художников вплоть до А. Дюрера и его учеников»¹¹⁹.

¹¹⁴ Ibid. P. 249.

¹¹⁵ Ibid. P. 250.

¹¹⁶ Латур Б. Указ. соч. С. 95–155.

¹¹⁷ Там же. С. 122.

¹¹⁸ Berger S. The Art of Philosophy: Visual Thinking in Europe from the late Renaissance to the Early Enlightenment. Princeton: Princeton University Press, 2017. P. 159.

¹¹⁹ Smith P. H. Art, Science and Visual Culture in Early Modern Europe // Isis. 2006. Vol. 97, Nr 1. P. 94.

Однако страсть к собиранию и коллекционированию изображений проявит себя именно в XVI в. Гонсало Фернандес де Овьедо-и-Вальдес, назначенный в 1552 г. историографом «Индий», сокрушался, что не взял с собой в плавание художника для изображения предметов, описанных в его «Всеобщей натуральной истории Индии» (1535): «Это должно было быть зарисовано рукой Берругете или Леонардо да Винчи, или Андреа Мантенья — знаменитыми художниками, которых я знал в Италии»¹²⁰.

Но стоит помнить, что иллюстрации не обязательно должны быть точны, а представление об «истинном» изображении природы еще только формируется. «Было бы ошибкой утверждать, что “натуралистичное” изображение является прозрачным окном наблюдения за природой и природными явлениями»¹²¹.

Демаркационной линией в истории восприятия пространства можно назвать 1569–1570 гг., когда Герард Меркатор выпускает карту с привычной нам проекцией, лишенную избыточных иллюстраций, а Абрахам Ортелиус — первый атлас регионов мира.

Хотя карта Меркатора, озаглавленная «Новое и более полное представление о земном шаре, адаптированное для использования в навигации», почти не содержит изображений, кроме непосредственно топографических, она интересна своими текстовыми комментариями. Автор называет три основных принципа, по которым составлена карта:

- проекция на плоскости должна максимально отражать формы, представленные на сфере;

- размеры земель и расстояния должны соответствовать истине. «Для этого мы соблюдали величайшую осторожность, сначала сравнивая диаграммы кастильцев и португальцев друг с другом, а после сравнивая их с большим количеством записей печатных и рукописных»;

- карта должна содержать все части земли, известные древним авторам. «Мы считаем, что существует три различных континента: первый, в центре которого человеческая раса была создана и откуда

¹²⁰ *Smith P. H.* Art, Science and Visual Culture in Early Modern Europe. P. 89.

¹²¹ *Kusukawa S.* Op. cit. P. 8.

она распространилась по всему лицу земли, второй, который называется Новая Индия, и третий, расположенный на юге»¹²².

Сопоставление данных является для него одним из главных методов познания истины. Меркатор утверждает, что необходимо устранить все явно ложные факты, оставив только самые вероятные и содержащие только самые здравые суждения. При этом не следует отменять достижения древних, а необходимо сопоставлять их, выявляя истину. Так, например, следует доверять Птолемею, поскольку его карта «является результатом труда многих веков и многих людей» и «невозможно, чтобы она сильно отличалась от истины»¹²³.

Минимальное количество иллюстраций, на первый взгляд, противоречит утверждению о произошедшем в XVI в. визуальном повороте, однако вполне сопоставимо с изменением в области ботанических иллюстраций.

Б. Огилви отмечает, что к концу XVI в. необходимыми компонентами издания по натуральной истории были изображения и текст, однако из-за особого интереса к изобразительным практикам в XVI в. историки пропустили тот факт, что в XVII в. изображения из книг по ботанике исчезают. «Конечно, это преувеличение, но тем не менее важные ботанические трактаты зачастую избегали изображений там, где раньше они были обязательны. <...> Ботанические иллюстрации перешли в книги нового типа — атласы растений, в которых текст был вторичен, а художники соревновались между собой в правдоподобию»¹²⁴. Ученые ботаники изобрели особый технический язык и мало нуждались в изображениях. «То, что иллюстрации по натуральной истории дожили с XVI в. до наших дней, скрывает реальную историю взаимоотношений изображения и текста в книгах по натуральной истории»¹²⁵.

¹²² Text and translations of the legends of the original chart of the world by Gerhard Mercator issued in 1569 // *Hydrographics Review*. 1932. Nr 9/2. P. 11–13 [Electronic resource]. URL: <https://journals.lib.unb.ca/index.php/ihr/article/view/28409/1882521164> (accessed: 20.04.2020).

¹²³ Ibid. P. 35.

¹²⁴ The power of images in early modern science / ed. Wolfgang Lefevre, Jurgen Renn, Urs Shoenpflin. Springer: Science + Business Media, LLC., 2003. P. 141.

¹²⁵ Ibid. P. 142.

Похожую ситуацию можно наблюдать и в картографии. Яркий пример — атлас А. Ортелия 1570 г., где впервые вместе собраны детальные карты различных регионов. Можно заметить, что большинство карт содержат в себе исключительно топографические сведения, но в то же время в атлас включена карта, продолжающая традицию энциклопедических карт. Это карта Московии А. Дженкинсона, содержащая иллюстрации к описаниям чудесных явлений и служащая своеобразной энциклопедией Российского царства (рис. 5).

Рис. 5. Фрагменты из карты Московии А. Дженкинсона (ок. 1562)¹²⁶

Оригинальная карта была опубликована ок. 1562 г. в Лондоне и, как и у многих карт того времени, ее авторство спорно. Дело в том, что над картой работали несколько человек. К. Майерс утверждает, что основными авторами карты были К. Адамс, получавший от Дженкинсона необходимую информацию и Н. Рейнольдс, служивший гравером и отправивший А. Ортелию письмо, где сказано, что Ортелию было выслано 25 копий карт Дженкинсона¹²⁷. К. Адамс

¹²⁶ Оригинал карты хранится в библиотеке Вроцлавского университета.

¹²⁷ *Mayers K. The First English Explorer: The Life of Anthony Jenkinson (1529–1611) and His Adventures on the Route to the Orient. Croydon : Matador, 2016. P. 254.*

известен как автор первых записок о Московии, записанных со слов Р. Ченслера в 1554 г.¹²⁸ Важно, что и текст Адамса, и карта Дженкинсона, вплоть до издания Р. Хаклюйтом в 1589 г. собрания травелогов на латыни, были основным источником информации о Российском царстве в Европе, поскольку остальные тексты о нем издавались на мало кому понятном тогда английском языке.

Копия карты А. Дженкинсона включалась в различные атласы, но атлас А. Ортелия был наиболее популярным и выдержал 34 переиздания до 1612 г.¹²⁹ Сохранилось около 7 300 копий карт Дженкинсона 1570–1610 гг.¹³⁰ Конечно, в силу формата издания карта Дженкинсона в атласе Ортелия отличается как по количеству изображенных сюжетов, так и по количеству текстовых вставок. На оригинальной карте помимо заголовка и титула Ивана IV их 24, у Ортелия осталось всего восемь. Тем показательнее сюжеты, отобранные автором.

На оригинальной карте помещено 10 этнографических сцен: «Вачины, Черемисы и Мордвины говорят на одном языке, не терпят воровства, используют заклинания при обряде изгнания нечисти. Используют стрелы против врагов, бесстрашны в бою. Производят воск и мед и имеют свои законы»; «Жители этих стран, Молгомзаяны, Байды и Колмаки, поклоняются Солнцу в виде красной материи, подвешенной на жерди, проводят жизнь в становищах, питаются мясом всех животных, в том числе змей и червей, имеют собственный язык»; «Картина перед вашими глазами изображает обитателей этих мест, называемых Самоеды, они идолопоклонники и питаются рыбой» и др. Два легендарных сюжета — о «Златой бабе» и о группе людей и скота, превратившейся в результате «чудесной метаморфозы» в камень. Пять замечаний о завоеванных террито-

¹²⁸ Не сохранилось оригинала этого описания на латыни. Однако многое указывает, что оно было сделано в 1554 г., так как уже в 1555 г. Р. Иден в собрании путешествий пишет: «Мне нет нужды описывать здесь это путешествие, поскольку оно уже описано на латыни ученым молодым человеком Клементом Адамом со слов самого Р. Ченслера» (*Mund S. The discovery of Muscovite Russia in Tudor England // Revue belge de philologie et d'histoire*. 2008. Т. 86. Fig. 2. Р. 355).

¹²⁹ Нурминен М. Т. Указ. соч. С. 227.

¹³⁰ *Mayers K. The First English Explorer*. P. 256.

риях: «Город Коросан был завоеван царем персов с помощью татар в 1558 году»; «Татарская Астрахань была присоединена к России в 1554 году» и др.

На карте Дженкинсона дается политическое описание империи Туркоминорум, а также замечания к истории Самарканда и города Богара. Ряд упоминаний о ведущихся между правителями войнах: «Этот царь воюет с племенами Казаков. Один раз ему почти удалось их прогнать»; «Этот принц воюет с Индами, являющимися его южными соседями» и два геополитических замечания: «В тридцати днях пути к востоку от Каскары начинаются пределы империи Китай. После до Камбалу остается еще три месяца путешествия»; «Земли, принадлежащие королеве Серениссе».

Четыре из восьми сюжетов, отобранных Ортелием, связаны с легендами: о поклоняющихся «Златой бабе»; о народе, превратившемся в скалы; о киргизах, вешающих покойников на деревья (так называемый обряд воздушного погребения) и о племени, поклоняющемся красному холсту, т. е. Ортелией сохранил именно те сюжеты, которые могут современному читателю показаться мало правдоподобными. Также на карте изображены лесные полосы, животные, живописные изображения представителей разных народов и мифопоэтические сцены, что также говорит о связи этой карты с более ранней традицией.

Антони Дженкинсон избегает изображения монстров и антропоморфных существ, поскольку северные земли к середине XVI в. были уже достаточно хорошо известны. По крайней мере, еще в 1517 г. Матвей Меховский в «Трактате о двух Сарматиях» писал: «Заметим, что на севере, за Югрою и за Каспийским морем, нет чудовищных людей — одноглазых, двухглавых, псоглавых и пр., а живут там люди, нам подобные, но живут редко, разрозненно, на расстоянии друг от друга и в малом числе»¹³¹. Далее, однако, М. Меховский сообщал: «Цвет кожи у них зачастую синеватый из-за холода, придающего эту окраску их телу. Это — истина; писавший так правду писал, и мы знаем, что истинно свидетельство его»¹³².

¹³¹ Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М. ; Л. : АН СССР, 1936. С. 85.

¹³² Там же.

Один из составителей карты Дженкинсона К. Адамс в заметках 1554 г. про Уральские горы пишет: «они покрыты вечным снегом, от чего всегда белеют, как седой гигант. Древние все уверены были, что река Дон вытекает из этих гор, и мечтали, что в ущельях живут все чудовища и страшилища природы, порожденные пламенным воображением Греков. Но соотечественники наши, недавно возвратившиеся из Московии, и имевшие случай часто разговаривать с Москвитянами, ничего не слыхали о том»¹³³. Адам не отрицает существования чудищ, но признает, что в Московии их видеть не доходило. Мы не встретим на картах этого времени изображений монстров, но зачем Дженкинсон так тщательно изображает легендарные сюжеты в период, когда карты по большей части являются источником исключительно топографической информации.

Есть два возможных ответа на этот вопрос. Первый связан с политикой и спецификой конструирования англичанами образа Московии: «Как тексты путешественников пребывают на границе правды и вымысла, так и Россия в английских травелогах изображена на пограничье. Россия есть царство цивилизации и варварства. Пространство, относящееся одновременно к Европе и Азии, где река Дон (Танаис) служит, по версии мыслителей Ренессанса и словам Флетчера, “границей Европы и Азии”»¹³⁴.

Второй ответ связан с выстраиванием путешественниками своего образа. Д. Палмер указывает на неоднозначный статус торговца в елизаветинской Англии. Театр во второй половине XVI в. играет в Англии важную роль в формировании общественного мнения — зрители жаждут персонажей, стоящих выше жизни. Создаются героические образы королей, герцогов, генералов, а торговцев оставляют для комедий. Хотя торговцы, пишет Палмер, «прикладывают все силы, чтобы стать новым поколением Одиссеев и Ахиллесов, но в большинстве своем им никогда не удается прожить жизнь

¹³³ Адамс К. Первое путешествие англичан в Россию, описанное Климентом Адамом, другом Чанселера, капитана сей экспедиции, и посвященное Филиппу, королю английскому // Отечественные записки. 1826. Ч. 28. С. 89 (источник: *Anglorum navigatio ad moscovitos auctore Clemente Adamo. Francfurt, 1600. S. 142–153*).

¹³⁴ Shwartz E. Putting Russia on the Globe: The Matter of Muscovy in Early Modern English Travel Writing and Literature. Stanford : Stanford University Press, 2014. P. 22.

Дрейка или Рейли. Таков фатум — бизнесменам не удастся продать себя как героев»¹³⁵.

Можно вспомнить эпиграмму Свифта на авторов, которые «Пробелы в знаниях скрывая, / Рисуют страшных дикарей; / Не обнаружив городов, / Слонов в пустынях размещают»¹³⁶, но едва ли можно усомниться в осведомленности купцов Московской компании.

Дж. Рамплинг писал: «Математики и натурфилософы раннего Нового времени пытались предугадать ход прошлых и будущих событий посредством изучения небесных движений, манипулируя материей с помощью алхимических методов, в надежде получить доступ к священным и универсальным истинам через непосредственный опыт Бога и природы. Признание переплетения “естественных” и “оккультных” отраслей знания стало досадным откровением для картографов раннего Нового времени»¹³⁷.

На страницах травелогов и географических атласов формируется образ новой реальности. Теперь автор обеспокоен не только поиском истины и открытием нового, но и последующей судьбой своего текста, его оценкой обществом и вырученной за него суммой, а торговые компании и государственные институты начинают играть ключевую роль в исследовании и описании мира.

¹³⁵ *Palmer Daryl W. Writing Russia in the Age of Shakespeare. Routledge, 2017. P. 22. (Studies in European cultural transactions; Vol. 28).*

¹³⁶ *Багров Л. Указ. соч. С. 247.*

¹³⁷ *Rampling J. M. John Dee and the sciences: early modern networks of knowledge // Studies in History and Philosophy of Science. 2012. P. A, Nr 43(3). P. 435.*

Глава 2

ОСВОЕНИЕ МИРА

2.1. Англия

С развитием печатного дела информация о мире стала распространяться с небывалой скоростью. Все большее количество людей имело возможность сравнивать информацию из разных источников, выстраивая собственную картину мира. Со второй половины XVI в. количество печатных изданий и оригинальных работ во многом определяет, какие практики описания пространства будут распространены в тех или иных странах. Основная часть печатной литературы в это время была посвящена описанию устройства мира. И если изначально это были тексты, восходящие к библейско-апокрифической традиции, то к XVII в. начинает публиковаться все больше сочинений, основанных на личных наблюдениях путешественников. Купцы и дипломаты берут на себя исследовательские функции, описывая реальность сообразно выданным им инструкциям.

Инструкция, составленная Себастьяном Каботом¹³⁸ для первой английской торговой экспедиции в Московию в 1553 г., призывает к фиксации как естественно-научных, так и социокультурных сведений. Специализация знания в это время еще не привела к оформлению отдельных дисциплин. Травелог как вербальное описание увиденного мог включать в себя сюжеты самых разных сторон жизни, но должен был нести потенциальную пользу для заказчика или организатора путешествия.

¹³⁸ Устав, инструкции и постановления для руководства предположенным путешествием в Китай // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / пер. Ю. В. Готье. М. : Соцэкгиз, 1937. С. 29–37 (источник: *Hakluyt R. The Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation. Glasgow : James MacLehose and Sons, 1903*).

Для купеческих компаний и для политических институтов естественно-научные знания являются существенным подспорьем в деле освоения территорий. Это могут быть сведения о качестве товаров, перспективе добычи полезных ископаемых, произрастающих растениях, ценных породах животных, чудесах и необычных явлениях. Информация о географических и климатических особенностях регионов служит облегчению доставки грузов и поддержке сообщения среди торговых факторий. Исторические и геополитические сведения позволяют выбрать верный подход в дипломатии, что может, как это удалось Московской компании, помочь заключить выгодный договор о беспошлинной торговле. Социокультурные сведения дают представления о нравах, мировоззрении и потребностях населения, что позволяет устроить рынок сбыта, выгодный для организатора экспедиции.

В инструкции Кабота сказано, что все лица, «искусные в писании», должны вести наблюдения, «описывать и запечатлевать в памяти плавание каждого дня и ночи». В то же время признается ограниченность возможностей человеческого разума и сообщается, что командиры должны собираться раз в неделю и обсуждать сделанные записи. «После достаточного обсуждения, когда придут к общему заключению, весь материал должен записываться в общую постоянную книгу»¹³⁹. Так возникает сообщество, критически анализирующее данные и ставящее перед собой цель «объективного» описания действительности».

Не менее важной, но не всегда осознаваемой авторами функцией описаний является формирование собственной идентичности и утверждение инаковости других культур. В инструкции признается необходимость сотрудничества с народами, придерживающимися иных мировоззренческих практик, запрещается сообщать им о своей религии, обходя этот вопрос «молчанием, и не высказываться о ней, делая вид, что мы имеем те же законы и обычаи, какие имеют силу в той стране, куда вы приедете»¹⁴⁰.

¹³⁹ Устав, инструкции и постановления для руководства предположенным путешествием в Китай. С. 30.

¹⁴⁰ Там же. С. 34.

В общении с иными культурами одинаково опасны как излишний страх, так и легкомыслие. Кабот утверждает, что не стоит бояться чужеземцев, носящих «львиные или медвежьи шкуры» и длинные луки со стрелами, ведь все это нужно им только из «страха перед чужеземцами». В то же время он рекомендует быть бдительными, поскольку дикари могут взять плохо охраняемые корабли приступом, «желая получить людские тела для еды». Формируется своеобразный релятивизм, признание множественности моделей восприятия реальности. Но для понимания истинного положения вещей требуются не столько вера и знание традиций, сколько опыт.

В пример Кабот приводит успехи Карла V и португальской короны, обогатившейся «такими землями и островами, которые оставались неизвестными космографам и другим писателям и, по соображениям не имевшего опыта разума, считались непригодными для обитания из-за крайней жары и крайнего холода, а на деле признаны богатейшими, населенными, умеренными по климату и столь удобными, что Европа не может и сравниться с ними»¹⁴¹.

Возможность применить новые стратегии фиксации пространства возникла у англичан во время торговых и политических контактов с Москвией. Не случайно одним из наставников и вдохновителей Московской компании являлся математик и картограф Джон Ди, имевший опыт совместной работы с Герардом Меркатором и Геммой Фризиусом и популяризировавший в Англии новые математические подходы к описанию реальности.

Начало русско-английских отношений связано с деятельностью английских купцов, рассчитывавших найти северо-восточный проход в Китай. Первое предложение отправиться на поиск северного пути в Китай высказал в 1527 г. Роберт Торн — английский торговец, проживающий в Севилье. Он изложил свою идею в письме доктору Ли, бывшему одно время послом в Испании. Позднее, в 1531 г., он высказал эту идею в письме Генриху VIII¹⁴². Письмо, отправленное

¹⁴¹ Устав, инструкции и постановления для руководства предположенным путешествием в Китай. С. 34.

¹⁴² *Mayers K. North-Eastern Passage to Moscovy. Stephen Borough and the First Tudor Exploration.* Stroud : Sutton Publishing, 2005. P. 43.

им доктору Ли, сопровождалось картой, которая служила подтверждением существования северо-восточного пути. Однако первая экспедиция состоялась только через 20 лет — в 1553 г.

Об уровне знаний о Московском царстве можно судить по следующему спору. Согласно Р. Хаклюйту, Антони Дженкинсон доказывал, что встречающиеся на берегах Тартарии рога единорогов служат свидетельством наличия водного пути в Китай, так как известно, что единороги водятся только в Китае и в Индии. Сам Хаклюйт характеризовал это доказательство как «весьма сомнительное», так как едва ли татары могли точно установить, что найденные ими рога принадлежат единорогам, к тому же волны не могли принести их так далеко, ведь известно, что рога единорогов по своей природе плавать не могут¹⁴³.

Англия в первой половине XVI в. отставала от своих южных соседей в деле освоения мира, и поиск северо-восточного пути давал надежду достичь превосходства над ними.

Из ранних путешествий англичан в Россию известны тексты Х. Уиллоуби, стоявшего во главе экспедиции 1553 г., но его судно так и не достигло берегов Московии, К. Адамса, Р. Ченслера, А. Дженкинсона, С. Барроу, Р. Джонсона и пр.

Тетрадь Х. Уиллоуби была найдена позднее и опубликована Р. Ченслером. По своему характеру она представляет собой судовой журнал, в котором отмечены топонимы и географические характеристики пройденных мест, направления ветров и уровни глубин. Но личные переживания также находят место на страницах журнала: «Гавань эта вдаётся в материк приблизительно на 2 мили, а в ширину имеет поллиги. В ней было много тюленей и других больших рыб, а на материке мы видели медведей, больших оленей и иных странных животных и птиц, как, например, диких лебедей, чаек, а также других, неизвестных нам и возбуждавших наше удивление»¹⁴⁴.

¹⁴³ *Hakluyt R. Voyages in Search of The North West Passage. London : Cassel and Company, 1886. P. 55.*

¹⁴⁴ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / пер. Ю. В. Готье. М. : Соцэкгиз, 1937. С. 46 (источник: *Hakluyt R. The Principal Navigations...*).

Структура ранних травелогов примерно одинакова. Если мы сравним тесты К. Адамса, Р. Ченслера и чуть более поздние А. Дженкинсона и С. Барроу, то увидим, что в каждом присутствует описание отплытия из Англии и пути с редкими зарисовками быта местного населения, описание царского приема, царского двора и самой Москвы, отдельные характеристики русского населения, обряды, бытовые привычки и внешний вид, у некоторых авторов встречаются описания судебных, военных или церковных институтов. Дело в том, что Московия не была для Англии *Terra Incognita*, как, например, Новый Свет. Ченслер или Дженкинсон едва ли могли назвать себя «первооткрывателями» России, а русский двор понимал коммерцию в тех же терминах, что и английский, но в описании народов, обитающих на территории России, авторы могли сослаться на самые необычные сведения — достаточно вспомнить карту А. Дженкинсона.

Как пишет К. Адамс, во время бедствий «москвитяне идолопоклонники» обращаются к идолу: «Повергшись пред истуканом, сперва приносят ему свои мольбы; потом ставят посредине барабан, который избранные по жеребью окружают и кладут на него золотую лягушку. После сего бьют по барабану палкою, и к кому упадет лягушка, того немедленно убивают до смерти. Умерщвленный, неизвестно каким очарованием идола, оживши, изъясняет причины постигших бедствий»¹⁴⁵.

Р. Джонсон, шкипер в экспедиции 1556 г., описывает схожий обряд, наблюдаемый им у самоедов. Роль чудесно воскресшей жертвы выполнял жрец. Когда автор хотел убедиться в его смерти, он был остановлен со словами, «что если увидеть жреца плотскими глазами, то умрешь»¹⁴⁶. Для Р. Джонсона, как и для остальных англичан в Московии, вопрос о правильном видении мира не встает. Познавать реальность — значит, видеть своими глазами, но для народов, находящихся в другой парадигме, подобное рассуждение немыслимо — для них «плотское зрение» никогда не сравнится в гносеологическом плане с духовным взором.

¹⁴⁵ Адамс К. Указ. соч. С. 102.

¹⁴⁶ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. С. 114.

Для англичан же нет более достоверного свидетельства, чем личный опыт. Р. Ченслер пишет: «Я слышал, что убранство их стоит очень дорого; я отчасти имел случай сам в этом убедиться, иначе трудно было бы поверить»¹⁴⁷. Уильям Барроу, в 1558 г. составивший карту северных морей, утверждает, что познание истинного устройства мира может быть основано только на личном опыте. Теоретические знания гидрографии не могут существовать отдельно от практик мореплавания, которые, в свою очередь, основаны на знании астрономии и космографии, арифметики и геометрии, «составляющих два устоя всех наук», «так, необходимейшим образом наука и разум завясят от практического опыта»¹⁴⁸.

Стратегии описания и систематизации элементов познания будут складываться на протяжении XVII–XVIII вв., и Стивену Барроу приходится создавать свою систему метафор для описания реальности. Об одном из островов он сообщает: «он не похож на остров, но кажется точно на нем выстроен замок»; описывая отдаленное место, пишет: «на нем возвышается нечто черное, похожее на пустую корабельную бочку, стоящую у моря», а говоря о пробе грунта, делает следующее сравнение: «лот дал что-то вроде коросты с паршивой головы»¹⁴⁹. Для описания ранее неизвестных феноменов у путешественников было только два пути: использование слов из языка местных народов или изобретение собственных метафор.

В то же время географические карты служили основой для выстраивания и соотнесения отдельных образов пространства. Первый в мире атлас, посвященный одному королевству, выпустил Кристофер Сакстон в Англии в 1579 г. Атлас состоял из 35 карт, на каждой из которых был размещен герб Елизаветы I и герб покровителя Сакстона, Томаса Секфорда. На фронтисписе изображена королева Елизавета на троне в окружении картографов. В их руках мы видим навигационные приборы и измерительные инструменты. Атлас был настолько успешен, что в дальнейшем такие картографы, как Джон

¹⁴⁷ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. С. 59.

¹⁴⁸ Там же. С. 90.

¹⁴⁹ Там же. С. 100.

Спид, Джон Норден, Уильям Холл и др., будут подражать Сакстону, копируя фрагменты из его работ.

За годы правления Елизаветы I были подготовлены карты для защиты побережья от испанской армады, а также выпущены серии гравированных карт, посвященных победе. Главный министр Елизаветы, лорд Берли, собирал карты, используемые на всех этапах управления — от планирования кампаний до корректировки проектов общественных работ, разработки почтовых маршрутов, оценки соотношения союзников и врагов по всему королевству.

Показательным примером того, что карта может являться атрибутом королевской власти и идеологическим оружием, служит портрет королевы Елизаветы, выполненный фламандцем Маркусом Герартсом Младшим в 1592 г. (рис. 6). Елизавета стоит на изображенном на глобусе графстве Оксфорд, украшенная сережками в виде армиллярных сфер. Изображение острова сделано по не вошедшей в атлас карте Англии и Уэльса К. Сакстона 1583 г. Таким образом, власть над пространством, представленным в виде территории страны, обусловлена его символическим присвоением путем картографической метафоризации.

Опыт, основанный на эмпирике, т. е. на восприятии реальности собственными органами чувств, способствовал освоению территорий, а карты метафорически закрепляли пространство за тем или иным владельцем. Не менее значительную роль в деле освоения мира и распространении эмпирических описательных практик сыграли компендиумы путешествий, ставшие особенно популярными и востребованными в Англии конца XVI — начала XVII в.

Выпускник Кембриджа Ричард Иден был первым в Англии, кто занялся переводом и публикацией травелогов. Как пишет Иден во введении к работе «Декады нового света» (1555), травелоги опубликованы с целью вдохновить соотечественников отправиться в дальние плаванья по примеру испанцев и португальцев. За основу им взято издание итальянца Пьетро Мартире, публиковавшего отчеты и письма исследователей Центральной и Южной Америки за 1511–1530 гг. Мартире разделил их на 10 блоков (*decades*), изданных в 1530 г. в сочинении «De Orbe Novo» («О Новом свете»). В нем впервые рассказывается о контактах европейцев с коренными

американцами и упоминаются особенности американской природы, например, впервые описывается каучуковое дерево. Ричард Иден опубликовал только первые три декады, но может считаться родоначальником жанра травелографии в английской литературе. В 1577 г. Ричард Уиллес публикует переводы Идена и дополнительные материалы под названием «История путешествий в Западную и Восточную Индии». В 1612 г. Ричард Хаклюйт издает оставшуюся часть, но уже в 1582 г. им будут изданы собственные переводы травелогов под названием «Разнообразные путешествия, касающиеся открытия Америки».

Одним из ключевых идеологов английской экспансии и популяризатором нового подхода к географии и картографии считается Ричард Хаклюйт. Окончив Крайст-Черч в Оксфорде и став в 1577 г. мастером искусств, он начал читать публичные лекции по географии. В посвящении сэру Фрэнсису Уолсингему, включенном в первое издание «Главных путешествий» 1589 г., Р. Хаклюйт излагает причины своего увлечения путешествиями и географией. По словам Хаклюйта, влияние на него оказал его кузен, разъяснивший ему устройство мира: «он показал мне, как, согласно старым отчетам, земля делилась на три части», рассказав при этом о новых открытиях и научив замечать в устройстве мира божественный промысел — «отправляющиеся на кораблях в море, производящие дела на больших водах, видят дела Господа и чудеса Его в пучине» (Пс. 107)¹⁵⁰. «В тот же миг я решил, что если когда-нибудь мне доведется оказаться в университетских стенах, где найдется время и возможность для исследований, с божией помощью, я буду развивать те знания и тот род литературы, двери которого так благополучно открылись передо мной»¹⁵¹.

Рассуждая о своей лекционной деятельности, Хаклюйт замечает: «Я был первым, кто стал на лекциях демонстрировать публике как старинные и несовершенные карты, так и новейшие карты, глобусы и сферы». У пространства возникает темпоральный, т. е. временной,

¹⁵⁰ *Hakluyt R. The Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation. London : G. Bishop and R. Newberie, 1589. Vol. 1. P. XVIII.*

¹⁵¹ *Ibidem.*

аспект. География и история станут двумя столпами, на которых будет выстроена система знаков и смыслов, разграничивающих пространство по принципу овладения, а освоение мира начинается включать в себя постижение его прошлого.

Рис. 6. Портрет королевы Елизаветы I.
Маркус Герартс Младший (1592)¹⁵²

¹⁵² *Marcus Gheeraerts the Younger. Queen Elizabeth I (The «Ditchley portrait»).* 1592 [Electronic resource]. URL: <https://www.npg.org.uk/collections/search/portrait/mw02079/Queen-Elizabeth-I-The-Ditchley-portrait> (accessed: 17.04.2020).

Начиная с 1570-х гг. землевладельцы в Англии все чаще использовали карты своих владений в качестве инструментов управления. В соответствии с социальной теорией в Англии раннего Нового времени идентичность и власть по большей части определялись отношением владельца к земле. Эта социальная формация служила «лестницей господства и подчинения», и отцы семейств наделялись статусом глав владений сообразно их иерархии¹⁵³. Как пишет Андрю МакРей, указывая на обзоры и карты раннего Нового времени: «новые геометрические методы измерения земли смели все моральные концепты, показывая землю как осязаемое личное владение, а не территорию совместных обязательств»¹⁵⁴.

Землевладельцы могли наслаждаться возросшим социальным статусом, изображая свои владения в виде карт. Некоторые местные карты были искусно орнаментированы и украшены гербом владельца, иллюстрированы изображениями его усадьбы и сценами сельской жизни. «Таким образом, карты графств в Англии раннего Нового времени, как и картография в целом, служили формой политического дискурса для демонстрации власти, конструируя и проецируя идентичность владельца сообразно его владениям»¹⁵⁵.

Антикварию, как называли себя любители старины, считали карты необходимыми для понимания прошлого: уэльский картограф Хамфри Ллуйд (Humphrey Llwyd) отправил фламандскому издателю А. Ортелию карту «Англия иллюстрированная, с древними и современными наименованиями», а Даниэль Роджерс, который был одновременно дипломатом и антикварием, запросил у Ортелия два экземпляра напечатанной карты Уэльса, обещая вернуть один, «дополненный древними замками, заброшенными, но обнаруженными моим другом [Ллуйдом]»¹⁵⁶.

В предисловии к изданию собрания травелогов Ричарда Хаклюйта 1589 г. было анонсировано появление первого английского земного глобуса Эмери Молинеу. Первые глобусы появятся в Англии

¹⁵³ Swann M. *Curiosities and Texts: The Culture of Collecting in Early Modern England*. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2001. P. 99.

¹⁵⁴ Ibid. P. 100.

¹⁵⁵ Ibid. P. 101.

¹⁵⁶ Karrow R. W., Jr. *Intellectual Foundations of the Cartographic Revolution*. P. 5.

в 1592 г., спустя сто лет после первого европейского, и для Хаклюйта они служили материальным подтверждением того, что английская география наконец может сравниться с лучшими географическими школами континентальной Европы¹⁵⁷.

В «Комедии ошибок» Шекспира, написанной в эти годы, есть прямая аллюзия на глобус Молинеу. Один из героев иронично описывает кухарку, утверждая, что она сферична, словно глобус, и на ней можно отыскать любые страны света: Ирландия находится на задней части, и ее можно узнать по топям; Шотландия — на ладони, и это ясно по бесплодности; Франция — на лбу, «вооружившемся и поднявшемся войною против собственных волос», а Англия — на подбородке, «судя по соленой влаге, протекающей между ним и Францией»¹⁵⁸. Испания уподобляется ее дыханию, а Америка и обе Индии расположились на ее носу, украшенном «рубинами, карбункулами, сапфирами; все эти богатства рассыпались перед горячим дыханием Испании, высылающей целые армады галер нагружаться под ее носом»¹⁵⁹. Пространство предстает разделенным на границы по политическому признаку. Страны обретают целостность и набор присущих им стереотипов. Не случайно театр, где выступала труппа Шекспира, построенный в 1599 г., получил название «Глобус». Петроний в Сатириконе писал: «Весь мир есть игра», Шекспир переименовал: «Весь мир есть сцена», а название театра отсылало как к современному представлению о географии, где страны на политической арене приобретали антропоморфный образ, так и к античной традиции.

Издание «Главных путешествий» Хаклюйта 1589 г. состоит из трех частей. Первая часть посвящена английским путешествиям на юг и в южные части земли и начинается с путешествия императрицы Елены, дочери бриттского короля Коеля и матери императора Константина в Иерусалим в 337 г. Вторая часть посвящена плаваниям на север и начинается с путешествия Артура, короля бриттов,

¹⁵⁷ Wallis H. M. The First English Globe: A Recent Discovery // The Geographical J. 1951. Vol. 117, Nr 3. P. 275.

¹⁵⁸ Шекспир У. Комедия ошибок / У. Шекспир. Полн. собр. соч. : в 8 т. М. : Искусство, 1958. Т. 2. С. 140.

¹⁵⁹ Там же.

в Исландию и северные части Европы в 517 г. Третья часть содержит путешествия на запад, юго-запад и северо-запад и начинается с плавания валлийского принца Мадоба в Западную Индию в 1170 г.

Собрание Хаклюйта — прекрасный пример того, как история может моделировать образ пространства в настоящем с позиции освоения, а точнее, символического присвоения территории за счет указания на первенство в деле открытия земель. М. М. Бахтин разъясняет, как образы прошлого в раннее Новое время использовались для конструирования реальности: «Нужен был новый хронотоп, позволяющий связать реальную жизнь (историю) с реальной землей. Надо было противопоставить эсхатологизму продуктивное творческое время, время, измеряемое созиданием, ростом, а не разрушением»¹⁶⁰.

Нет ничего удивительного, что в собрания путешествий входят историографические по своим характеристикам тексты. Так, в компендиумах Хаклюйта и позднее Перчейса будут частично опубликованы тексты «О государстве Русском» Джайлса Флетчера и «Извлечения из обзора сэра Джерома Горсея, посвященного семнадцатилетним путешествиям и деятельности в России и других примыкающих странах». Оба текста представляют собой историко-географические обзоры. Первые главы Флетчера посвящены заметкам о географическом положении, климате и произрастающих растениях, приводятся характеристика царского рода, традиции коронования, правления и политического устройства, описание судебной системы, военных дел и дипломатических отношений с соседними народами. В последних главах идет речь о религиозных обрядах и традициях вероисповедания. Заканчивается текст главой о быте и особенностях русского народа.

Основой повествования Д. Горсея служит его дипломатическая деятельность, т. е. описание политических событий, в том числе подробности гибели Бориса Годунова и его сына. Пространство рассматривается авторами в контексте принадлежности, вследствие чего все сюжеты фиксированы во времени. Территория несет на себе «отпечатки» действий владельца, служащие подтверждением его права на власть.

¹⁶⁰ Бахтин М. М. *Формы времени и хронотопа в романе*. С. 109.

Национальная, или «территориальная», история смотрела на пространство как на социально-политический конструкт, обозначающий уровень развития государственности в тех или иных регионах. Про более поздний период И. Г. Коновалова пишет: «Такой подход поддерживался и господствующей тогда ньютоновско-картезианской моделью пространства, рассматривавшего, как гомогенное вместилище, пространственный “контейнер” для природных и культурных объектов, а также для событийной истории»¹⁶¹, но отношение к пространству начало меняться задолго до Декарта и тем более Ньютона.

В заголовке второго издания Хаклюйта «Главные путешествия, посольства, торговые сношения и открытия английской нации» появляется слово *traffiques* — установление и поддержание торговых связей было главной целью значительной части британских путешествий. Из трех томов второго издания (1598–1600) первый том включал тексты купцов, отправившихся в Россию, а также путешествия в Норвегию, Данию, Пруссию. Второй был посвящен открытиям в южных водах, третий — поискам северного пути в Америку, а также путешествиям к землям Центральной и Южной Америки.

Не меньшую известность получил компендиум травелогов С. Перчейса. В 1613 г. он издает «Паломничество, или Связи мира и религий, наблюдаемые во все времена на всех открытых землях от сотворения до наших дней», где приведено несколько сокращенных травелогов, рассказывающих о многообразии божественных творений, известных англичанам. При жизни Перчейса книга переиздается четыре раза. В 1625 г. выходит его главная работа — «По следам Хаклюйта, или Пилигримы», продолжающая труд Хаклюйта и основанная на его рукописях — самое объемное издание, выпущенное в Англии к этому времени¹⁶² и состоящее из четырех томов.

¹⁶¹ Коновалова И. Г. Историческая география на междисциплинарных перекрестках. С. 9.

¹⁶² Wood J. Hakluytus Posthumus, or Purchas his Pilgrimes, Contayning a History of the World, in Sea Voyages, & Lande Travels // Englishmen and others. Reading East. Trinity College Dublin [Electronic resource]. URL: <http://www.ucd.ie/readingeast/essay3.html> (accessed: 15.03.2020).

Первый том посвящен открытиям, начиная со времен царя Соломона и путешествиям вокруг Африки к берегам Восточной Индии, Китая, Японии. Второй — Африке, Палестине, Персии и Аравийскому полуострову. Третий том посвящен исследованиям северо-восточного и северо-западного прохода и подводит итоги плаваниям в Россию, Тартарию и Китай. Четвертый рассказывает об открытиях в Новом Свете. Сравнивая этот компендиум путешествий со своим первым собранием, Перчейс пишет: «Это братья, имеющие больше сходства в имени, происхождении и внешности, чем в объекте и субъекте. Если “Паломничество” было моим по факту, хотя я и занимствовал форму слов и метод, “Пилигримы” — это сами авторы, действующие и говорящие по своей воле, только оформленные мной и расположенные согласно моим правилам»¹⁶³.

Представление о том, какое значение отводил Перчейс познанию пространства, можно получить из его обращения к читателям в издании 1625 г. Для него основной объект изучения представлен в виде естественных объектов, сотворенных и сохраненных божественным промыслом. Под этим он понимает историю людей «во всем разнообразии оттенков, количеств и пропорций», историю «зверей, рыб, птиц, деревьев, кустарников, трав, минералов, морей, земель, метеоров, небес, проливов с их естественными влечениями, где и древнее и новое сотворено достойно». Здесь снова хорошо видно, какое значение имеют исторические образы для исследователя, в том числе естествоиспытателя, первой четверти XVII в. Перчейс отмечает, что труднодоступные объекты могут представлять не меньший интерес для исследователя, чем находящиеся неподалеку: «Даже удаленные объекты увенчаны добродетелями истины и своеобразия (*Verity and Varieties*), особенно самые труднодоступные и редкие».

Перчейс не разделяет наблюдаемые явления на отдельные группы, мир может быть представлен в целости только при учете всех его элементов: «Правда, что каждая часть общего тела имеет нечто уникальное, чем и служит общему. Каждый регион имеет свои потрясающие редкости, которые позволяют считать его уни-

¹⁶³ Цит. по: Wood J. Op. cit.

кальным, хотя в остальном он может быть самым обычным и ничем не примечательным. Все нужно рассматривать на своем месте»¹⁶⁴.

Однако им признается существование необычного и чудесного, что вполне созвучно идее многомерности и божественности природы: «Мой гений восхищен скорее тропами, чем дорогами, и тем, как тракты и трактаты (*Tracts and Tractates*) создают основания и пути. Путеводители для паломников позволяют путешествовать без страха в самые неизведанные страны и части мира и другими глазами смотреть на редкости природы и чудеса, которые не противоречат природе, но стоят выше нее и выходят за рамки обычного в удивительных вещах, сотворенных божественным промыслом и в удовольствие его»¹⁶⁵. Перед собой он ставит задачу собрать воедино все известные творения человека — «множество недоступное ни одному коллекционеру» — и «показать его во всем многообразии». «Я могу добавить, что работа, подобная моей, в наше время необходима, когда ученые (*Scholars*) так увлечены географией, познанием природных и мировых истин во всем разнообразии, которое даже Аристотель — лучший мыслитель (*Scholer*) в Натуральной школе не смог бы увидеть ни в свое время, ни даже век назад»¹⁶⁶.

В конце XVI в. упорядочивание образов своей страны значило в Англии не меньше, чем изучение и структурирование образов мира. Вслед за изданием атласа регионов должны были последовать издания, описывающие и структурирующие территорию Англии. Первым примером работы, в которой сделана попытка собрать воедино описания всех графств, служат записные тетради Джона Леланда, совершившего путешествие по Англии в 1538–1543 гг. В своих записях он фиксировал как явления, которые наблюдал собственными глазами, так и информацию, полученную из книг или со слов других путешественников. Однако его записи будут изданы в виде итинерария только в XVIII в., а первым изданным в Англии

¹⁶⁴ *Purchas S. Hakluytus Posthumus, or Purchas his Pilgrimes: Contayning a History of the World in Sea Voyages and Lande Travells by Englishmen and Others. Glasgow : Maclehose, 1905. Vol. 1. P. XLIII.*

¹⁶⁵ *Ibidem.*

¹⁶⁶ *Ibid.* P. XLV.

описанием всех графств станет книга У. Кемдена «Британия»¹⁶⁷ — всеобъемлющее полотно, на страницах которого чувствуется вера в возможность полного и окончательного описания пространства.

В обращении к читателю сказано: «Возможно, я был обманут моим доверием к авторам книг и тем, кому я верил более всего. Другие могут быть более опытны и более сведущи в особенностях определенных мест. Если они сообщат мне о неточностях, я буду благодарен и исправлю все ошибки. Если же они сообщат о фактах, которые я невольно упустил, я добавлю их. Если я не полностью изложил какой-нибудь аспект, я углублю его, если это кому будет угодно, по доброй воле, а не из желания поспорить, которое затеняет истину»¹⁶⁸. Фиксация пространства в данном случае подразумевает включение в него описаний из самых разных областей знания. Кемден акцентирует внимание на климатических особенностях графств, к примеру, сообщает о Гольфстриме, смягчающем английский климат и делающим Англию более пригодной для жизни. «Говоря о качестве воздуха и почв, отмечу, что Англия расположена в плодородном и мягком месте. Воздух здесь так хорош, что не только лето не бывает чересчур жарким из-за ветров, но и зимы проходят легко». Достигнув Глостершира, он озадачен найденными вдали от моря останками устриц, что наводит его на рассуждения об их возможном происхождении.

Достоверность информации является к этому моменту одним из важных показателей качества работы. У. Кемден сообщает: «Я не пренебрегал ничем, что помогает извлекать и просеивать истину. Я достиг некоторого успеха в древних британских и англосаксонских языках, путешествовал по основным частям Англии, общался с самыми опытными людьми в различных графствах, усердно читал наших авторов — старых и новых, греческих и латинских авторов, упоминавших о Британии, совещался с учеными людьми

¹⁶⁷ *Camden W. Britain, or, a Chorographically Description of the most flourishing Kingdomes: England, Scotland, and Ireland. L. : George Bishop and John Norton, 1610 [Electronic resource]. URL: <https://www.visionofbritain.org.uk/travellers/Camden> (accessed: 11.10.2019).*

¹⁶⁸ Первое издание на латыни 1586 г. не содержало карт, издание 1607 г. включало карты всех английских графств, в 1610 г. вышло издание на английском языке.

в иных частях Христианского мира, был аккуратен в изучении записей, побывал в библиотеках, хранилищах и архивах церквей, городов и корпораций, просмотрел множество древних свитков и свидетельств»¹⁶⁹.

Одним из вдохновителей работы он называет А. Ортелия: «Абрахам Ортелиус — достойнейший человек, реставратор античной географии, — прибыл в Англию около тридцати четырех лет назад, убедив меня, что я должен иллюстрировать “Британию” или, как он сказал, собрать древности в “Британии”, открыв Британии ее древности. Что, как я понял, означало возможность показать всем древние произведения, рассеять тьму, развеять сомнения и призвать к восстановлению истины, которая из-за пренебрежения авторов и общей доверчивости была в некотором смысле запрещена и практически изгнана из наших земель»¹⁷⁰.

Пространство мыслится теперь исключительно в контексте времени. Лишь древности прошлого, собранные вместе, могут служить надежным основанием для его восприятия, но прошлое многослойно, и выявление конкретных сюжетов является весьма непростой задачей. «Я робко взялся за изучение этимологии Британии и первых ее жителей. Я не сомневался, что должен все проверить, ведь я не отрицал, что первые жители Британии остаются в тени по причине их глубокой древности как глубоко заложенные вещи. В то время как течения и притоки великих рек хорошо изучены, их истоки и устья остаются в неизвестности. Я кратко пробежал историю римской государственности в Британии и историю заселения ее иностранцами (кем они были и откуда пришли), проследил древние корни их королевств, кратко классифицировал государства и королевские дворы»¹⁷¹.

Описание пространства у Кемдена сходно с сюжетами, представленными на картах этого времени. «У некоторых графств я указываю границы (недостаточно точно — полями и вехами), описываю природу почв, места сосредоточения древностей, даю имена гер-

¹⁶⁹ *Camden W. Britain, or, a Chorographically Description of the most flourishing Kingdomes.*

¹⁷⁰ *Ibidem.*

¹⁷¹ *Ibidem.*

цогов, маркизов, графов, виконтов, баронов и некоторых наиболее знаменитых и старейших семейств (разве кто-то смог бы упомянуть все?)». Кемден называет Британию самым известным островом на планете, детально описывая ее графство за графством. Описание каждого из графств начинается с толкования его названия. Так, Корнуэлл происходит от *horns* — мысов, раскиданных по побережью. «Корнуэльцы — выносливы и вежливы, они удобряют бедные почвы и выращивают зерновые, добывают олово, которое экспортируется по всей Европе, и вылавливают более десятка видов рыб».

Еще одной характерной особенностью подобных текстов является рассуждение на тему качества управления территорией, возникает своеобразный гражданско-политический дискурс. Об Эксетере Кемден пишет, что враги не смогли нанести ему такой урон, какой нанесло строительство плотин. Он сожалеет о разрушении монастырей и замечает, что вера может принимать различные формы.

В издании 1610 г. Кемден описывает Уэльс. Ему удается встроить этот присоединенный к Англии в 1536 г. регион в общую картину английской истории путем апеллирования к наследию Римской империи. Образы времени, основанные не на библейской традиции, а на античных и местных источниках, становятся для английских антиквариев и хорографов важным источником сюжетов, наполняющих пространство.

Хорографы, в отличие от мореплавателей, имели дело с локальными объектами, но у них было столь много общего, что провести разделительную линию практически невозможно¹⁷². Птолемей определял хорографию как науку описания различных территорий, совмещающую в себе историю, географию, топографию, генеалогию с социоэкономикой и изучением политических и социокультурных черт отдельных регионов. Поэтому в работах английских хорографов, вроде Кемдена, мы можем встретить замечания о почвах, климате, агрикультуре, промышленности, архитектуре, информации об известных семействах, торговле, религии, манерах и прочих социокультурных феноменах.

¹⁷² *Shapiro B. A Culture of Fact. England 1550–1720. Ithaca ; N. Y. : Cornell University Press, 2000. P. 63.*

Самой распространенной формой хорографии в Англии была история графств, а основная ее цель состояла в росте национального и провинциального патриотизма, т. е. почти все английские хорографы начала XVII в. были еще и антиквариями, описывающими графства в контексте их истории. Такие работы, как «Прогулки по Кенту» Уильяма Ламбарда (1576)¹⁷³, «Обозрение Корнуолла» Ричарда Карью (1602)¹⁷⁴ или «Хорографические описания» Джона Нордена типичны для конца XVI — начала XVII в.

«Прогулки по Кенту» считаются первым в Англии примером описания графства. В работе «Древности Уорикшира» (1656) Уильям Дагдейл в качестве предшественников также упоминает: «Древности Кентербери» Уильяма Сомнера, «Описание Лестершира» (1622) Бертон и неизданный «Обзор Стаффордшира» С. Эрдвика. В предисловии У. Дагдейл, обращаясь к своим «благородным друзьям джентри Уорикшира», пишет: «Я предлагаю вам, мои благородные соотечественники, сей труд, из которого вы узнаете много нового о ваших достойных предках, в чью память словно монумент я сотворил сей труд, дабы продемонстрировать, какой чести они были достойны в те процветающие века. В этом мой труд мало чем отличается от упомянутых мной в предисловии, и мне бы хотелось, чтобы было больше похожих про остальные графства этой страны, учитывая, насколько хороши те, что уже были выполнены»¹⁷⁵.

Антикварию в первую очередь интересовало пространство в контексте наполненности образами прошлого, точнее, пространство моделировалось ими за счет включения в него этих образов. «Авторов описаний земель интересовала современность, но увиденная с точки зрения славных древностей, долгой традиции, истории и, одновременно, природных богатств и диких»¹⁷⁶. Но естественно-научные

¹⁷³ *Lambarde W.* A Preambulation of Kent, Containing The Description, Historie, and Customs of That Shire. London : Published by Baldwin, Cradock, and Joy, 1826.

¹⁷⁴ *Carew R.* The Survey of Cornwall. London : By H... S... Esq., 1769.

¹⁷⁵ *Dugdale W.* The antiquities of Warwickshire illustrated: from records, leiger-books, manuscripts, charters, evidences, tombes, and armes: beautified with maps, prospectes, and portraictures. London : Printed by Thomas Warren, 1656. P. a 3.

¹⁷⁶ *Зверева В. В.* Представление прошлого в трудах английских антикваров XVII в. // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени / под ред. Л. П. Репиной. М. : Кругъ, 2003. С. 230.

образы представляли для них не меньший интерес. Можно сказать, что в данном контексте политическая и натуральная истории, как описание становления мира природы и человека, не расходились по смыслу и до середины XVII столетия представляли единое целое. Поэтому, как и для исследователей природы, для антиквариетов визуальные образы представляли не меньший интерес, чем письменные свидетельства. А работа с физическими носителями вербальной информации способствовала разработке новых методов взаимодействия с источниками. «Это потребовало от них разработки новых методик критики источников (впоследствии эти методики были положены в основание новых дисциплин — археологии, нумизматики, палеографии, сфрагистики)»¹⁷⁷.

П. Берк отмечает, что изначальная заинтересованность в текстовой информации — надписях на статуях, монетах, мраморе и металле, унаследованная ими от первых гуманистов, постепенно уходит на второй план. «Происходит своеобразный “визуальный поворот”. Все большее число антиквариетов отдают предпочтение зрительным образам, изображениям на предметах, картинам»¹⁷⁸. Основными методами изучения реальности для них были наблюдение и математическое измерение, но, несмотря на исторический аспект их деятельности, мир воспринимался ими как физическое тело, лишенное такого фактора, как трансформация. Исторические памятники, как и прошлое в целом, воспринимались в контексте настоящего времени и без учета изменений, произошедших за время их существования.

Природные объекты описывались как единичные без разделения всей их совокупности на отдельные группы. В дальнейшем, как пишет В. В. Зверева, эта стратегия подверглась критике, например, для Фрэнсиса Бэкона «эмпирическое исследование предполагало не просто личное изыскание ученого, но установление систематического наблюдения за объектами (речь шла о природных объектах)

¹⁷⁷ Зверева В. В. Антикварианизм XVI–XVII веков: представление прошлого в контексте научной революции // *Образы времени и исторические представления: Россия — Восток — Запад* / под ред. Л. П. Репиной. М. : Кругъ, 2010. С. 757.

¹⁷⁸ *Burke P. Images as Evidence in Seventeenth-Century Europe* // *J. of the History of Ideas*. 2003. Vol. 64, Nr 2. P. 273.

и проведение экспериментов, таких опытов, которые не следовали из естественного порядка природы, а были изобретены и поставлены исследователем»¹⁷⁹.

К концу первой четверти XVII в. путешествие станет в Англии широко распространенной практикой. Возникает даже особый литературный жанр безумного путешествия.

«Безумное путешествие» — термин из книги Уильяма Роули «В поисках денежных средств» — «A search for money» (1609). В предисловии он пишет: «Те, кто слышали или видели, или и слышали, и видели безумные путешествия (*Madde Voyages*) последних лет, совершенные морем и землей, помнят путешествие в Рим с возвращением в несколько дней или дикий танец Уила Кемпа, протанцевавшего до Норриджа, приятелей, едущих задом-наперед в Барвик, или вернувшихся тем же образом из Йорка в Лондон, или превращение вершины Павла в конюшню...» (история мистера Бэнкса и его лошади Марокко, забравшихся на вершину собора Святого Павла¹⁸⁰). Сюда же можно добавить путешествие Уильяма Буша 1607 г., «собственными руками без чьей-либо помощи построившего полубаркас, в котором воздухом, землей и водой проделал путь от Ламбурна в Баркшире до Лондонской таможни» или эпиграмму Бена Джонсона «О знаменитом путешествии» (1616), посвященную странствию Шелтона и Хейдена по Лондону и сопоставляемому с хождением Геркулеса, Орфея или Улисса в ад.

О том, насколько популярным становится путешествие, можно судить по памфлету Самуэля Роуландса (1612): «<...> Вид чувство праздного восторга вызвал в нем, / Когда он в Бристоль прибыл этим днем. / Другой все неудачи превозмог, / Когда до Флушинга вдоль берега догреб. / Другой же сделал деревянного Кита, / Из Дувра в Каллис в нем доплыл тогда. / Другой на веслах и в дырявой лодке, / От Лондона к Антверпену греб ловко. / Другой фортуною хоть был и не услышан, / В Шотландии на берег Лейта вышел»¹⁸¹. Путешествия становились все более обыденным способом времяпрепровождения,

¹⁷⁹ Зверева В. В. Антикварианизм XVI–XVII веков. С. 759.

¹⁸⁰ Parr A. Renaissance Mad Voyages: Experiments in Early Modern English Travel. Cultures of Play, 1300–1700. Burlington : Ashgate, 2015.

¹⁸¹ Ibid.

в то же время возникали философские работы, анализирующие и осмысливающие эту довольно новую практику проведения досуга.

В 1625 г., когда выходит собрание травелогов С. Перчейса, Фрэнсис Бэкон призывает расцечь и анатомировать мир, отказаться от суждений разума и заново взглянуть на него своими глазами. Он пишет: «Разве можно не считаться с тем, что дальние плаванья и путешествия, которые так участились в наше время, открыли и показали в природе множество вещей, проливающих новый свет на философию. И конечно, было бы стыдно, если бы, в то время как границы материального мира — земли, моря и звезд — так широко раздвинулись, разум продолжал оставаться в тесных пределах того, что было открыто древними»¹⁸². Очевидно, что отношение к эмпирике и аналитическому мышлению претерпело в конце XVI— начале XVII в. существенную трансформацию, пространство как цельное гомогенное физическое тело требовало особого отношения.

В 1625 г. Ф. Бэкон включает эссе «О путешествиях» в свой сборник. Он считает травелог важным источником нового знания, которому суждено заменить устаревшую систему взглядов на мир, при этом основная задача состоит в познании мира и самообразовании. Нужно знакомиться с языками, собирать географические карты и информацию о достопримечательностях. Вот что, по мнению Бэкона, необходимо увидеть каждому путешествующему: «королевский двор, особенно во время приема послов; суд, когда там разбирается дело, а также церковные консистории; храмы и монастыри с находящимися там памятниками; стены и укрепления городов, а также гавани и пристани; памятники старины; библиотеки; колледжи, происходящие в них диспуты и лекции; корабли и верфи; дворцы и общественные сады вблизи больших городов; арсеналы, склады боеприпасов; биржи; торговые склады; конные ристалища; состязания в фехтовании; места обучения войск и тому подобное; комедию, какую посещает порядочное общество; сокровищницы драгоценностей; кунсткамеры и антикварные лавки»¹⁸³.

¹⁸² Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. / пер. с англ. Н. Федоровой, Я. Боровского. М.: Мысль, 1972. Т. 1. С. 20.

¹⁸³ Там же. 1978. Т. 2. С. 390–391.

За пять лет до Бэкона эссеист Оуэн Фэлтхам также опубликует эссе «О путешествии»¹⁸⁴. Он пишет: «Нет карты, подобной личному осмотру страны. Опыт — лучший советчик, и одно путешествие может дать человеку больше, чем любые описания». Здесь мнение Фэлтхама о путешествии как важной практике познания пространства, основанной на личном эмпирическом восприятии, пересекается с рассуждениями Рене Декарта. В «Рассуждении о методе» в 1637 г. Декарт пишет: «Как только возраст позволил мне выйти из подчинения моим наставникам, я совсем оставил книжные занятия и решил искать только ту науку, которую мог обрести в самом себе или же в великой книге мира, и употребил остаток моей юности на то, чтобы путешествовать, видеть дворы и армии, встречаться с людьми разных нравов и положений и собрать разнообразный опыт, испытав себя во встречах, которые пошлет судьба, и всюду размышлять над встречающимися предметами так, чтобы извлечь какую-нибудь пользу из таких занятий»¹⁸⁵.

Эмпирический опыт и рациональное мышление — два столпа, на которых базируется знание, но в основе его лежит критика предшествующих описательных установок, то, что Ф. Бэкон называл «идолами». Декарт пишет: «Самая большая польза, полученная мною, состояла в том, что я научился не особенно верить тому, что мне было внушено только посредством примера и обычая, так как видел, как многое из того, что представляется нам смешным и странным, оказывается общепринятым и одобряемым у других великих народов. Так я мало-помалу освободился от многих ошибок, которые могут заслонить естественный свет и сделать нас менее способными внимать голосу разума»¹⁸⁶.

Р. Декарт, как и Ф. Бэкон, рекомендует отказаться от опыта древних и самостоятельно выявлять, фиксировать и анализировать образы реальности. В этом его отличие от антиквариев и исследователей, для которых прошлое является важным атрибутом про-

¹⁸⁴ *Falham O. Resolves, Divine Moral and Political. London : Pickering, 1840. P. 194–196.*

¹⁸⁵ *Декарт Р. Сочинения : в 2 т. / пер. с фр. И. Вдовиной. М. : Мысль, 1989. Т. 1. С. 255.*

¹⁸⁶ Там же. С. 255–256.

странства. О. Фэлтхам пишет далее: «Все редкости должны быть осмотрены, особенно древние, ведь они показывают нам мастерство былых времен, являясь одновременно и примером, и инструкцией. Сравнивая их с новейшими изобретениями, мы видим, как расцветают способности и знания мира»¹⁸⁷. В то же время в этих заметках присутствует идея единства и цельности мира, своеобразный космополитизм, стирающий политические границы и фиксирующий мир как целое во множестве проявлений. «Клавдий сообщает, что счастье — родиться, жить и умереть в одном приходе. Но я уверен, — путешествие наполняет человека. Тот прожил жизнь запертым в сундуке, кто видел только одну землю. Королевство мира — это объединение королевств — любой может жить в нем, оставаясь плохо воспитанным человеком. Тот же, кто откроет другие нации, станет джентльменом мира. Учение, честь и путешествие — составляющие человека, позволяющие дополнить мудрость одной страны добродетелями другой»¹⁸⁸.

Гуманистическая вера в человека как в бесценного носителя знаний о мире встречается как у Бэкона, так и у Фэлтхама, но если Бэкон призывает получать информацию из всех возможных источников, Фэлтхам пишет только об особенно достойных людях: «Но, главное, ищите редких людей. Нет памятника бесценнее, чем достойный живой человек. Мы обязательно найдем в нем что-то, что зажжет наш дух и разум почтением и стремлением сравняться с ним в добродетели»¹⁸⁹. Бэкон советует каждому заранее подготовиться к путешествию, выучить язык, разобраться во всех тонкостях страны. Фэлтхам же считает, что дураку лучше остаться дома: «Глупец не получает ничего, кроме веселых пейзажей, пороков, экзотической мимики и деревенского кривляния. Дурак, который путешествует — позор для всех наций. Он позорит как свою нацию своими слабостями, так и другие нации, привозя домой их пороки»¹⁹⁰. Путешествия могут быть вредны не только для такого человека, но и для всего государства: «Некоторых людей путешествие не меняет никак, а некоторых меняет чрезвычайно.

¹⁸⁷ *Faltham O. Op. cit. P. 195.*

¹⁸⁸ *Ibidem.*

¹⁸⁹ *Ibid. P. 196.*

¹⁹⁰ *Ibidem.*

Действительно, порядки вне дома, где бы мы ни были, могут показаться лучше, чем закрепленные у нации, к которой мы причастны. Но куда бы я ни отправился, где бы ни остался, я никогда не изменю своему Богу и своим друзьям. Тот путешествует напрасно, кто меняет свою веру, свой язык, свои одежды»¹⁹¹. Пространство в данном случае регламентируется по политическому принципу. Территории стран являются основным фреймом его фрагментации, а политическая история — основной описательной стратегией.

Через сто с лишним лет в среде французских энциклопедистов данная традиция описания все еще будет широко распространена. Показательна в этом отношении статья шевалье де Жакура «Путешествие» из энциклопедии Дидро и Д'Аламбера (1765)¹⁹². Про автора сказано: «Огромное число всевозможных статей, включая и самые важнейшие, были предоставлены заботам шевалье де Жакура, человека крайнего усердия и неистребимого трудолюбия, но безжалостного компилятора, который лишь собирал фрагменты из книг, как самых известных, так и весьма посредственных»¹⁹³, но, так или иначе, Жакур давал не более чем расхожие представления о явлениях своего времени.

С антиквариями Жакура роднит принятие образов прошлого за основу для описания пространства и использование ссылок на авторитеты древности в качестве важного эпистемологического приема: «Великие люди древности считали, что путешествие является лучшей школой жизни. Оно знакомит нас с огромным количеством живых существ, открывая все новые и новые страницы великой книги мироздания»¹⁹⁴.

Он приводит в пример известных мужей Античности, усовершенствовавших свои знания за время путешествий: «Выдающиеся

¹⁹¹ *Falham O.* Op. cit. P. 196.

¹⁹² *Jaucourt Louis chevalier de.* Travel // The Encyclopedia of Diderot & d'Alembert / tr. by Nelly S. Hoyt, Thomas Cassirer. Ann Arbor. Michigan : University of Michigan Library, 2003 [Electronic resource]. URL: <http://hdl.handle.net/2027/spo.did2222.0000.169> (accessed: 09.03.2020).

¹⁹³ Цит. по: Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М. : Новое литературное обозрение, 2003. С. 69.

¹⁹⁴ *Jaucourt Louis chevalier de.* Travel.

умы Греции и Рима отдавали годы жизни на изучение этой книги. Гомер, Ликург, Солон, Пифагор, Демокрит, Евдоксий, Платон и, конечно, Диодор Сицилийский. Страбон сообщает, о месте, которое долгое время вспоминали в Египте, где Платон и Евдоксий совершенствовали свои знания, общаясь с местными священниками, владеющими тайнами преломления и отражения света. Аристотель пропутешествовал со своим учеником Александром через всю Персию и некоторые страны Азии, вплоть до Ганга. Цицерон называет Ксенократа, Крантора, Аркесилавса, Карнеада, Панеция, Клитомача, Фила, Посейдония и прочих среди выдающихся людей, обогативших свои страны знаниями, почерпнутыми во время путешествий»¹⁹⁵.

Ссылка на античные авторитеты является в данном случае мерилom истинности, своеобразным верифицирующим фактором, позволяющим читателю признать путешествие одним из ключевых инструментов изучения реальности. Жакур рассматривает путешествие как непосредственный атрибут цивилизованной нации, проводя тем самым параллель между путешествием и цивилизацией: «Сегодня путешествие к любой из цивилизованных европейских стран (не говоря о морских плаваниях) расценивается просвещенными людьми как ключевая составляющая в образовании молодежи и старшего поколения. При прочих равных условиях, нация, имеющая хорошее правление, где дворяне и успешные люди путешествуют, имеет преимущество над нацией, где такой вид образования отсутствует»¹⁹⁶.

Вслед за Декартом и Бэконом Жакур заявляет о просветительском значении путешествия и эмпирики как основного инструмента взаимодействия с реальностью: «Путешественники развивают свой ум, обогащают его знаниями, избавляются от национальных предрассудков. Это знание не может быть заменено книжками или сведениями, полученными от других людей». Как и для антиквариетов, материальные свидетельства признаются им основой знания о прошлом: «Как мне известно, современная Италия предлагает для обозрения лишь руины, остатки былой роскоши. Но и эти руины все еще важны для нас. Здесь по-прежнему встречаются древности

¹⁹⁵ *Jaucourt Louis chevalier de. Travel.*

¹⁹⁶ *Ibidem.*

разных типов, фрагменты произведений изящных искусств, принадлежащих мудрой нации. Одним словом, невозможно вдоволь налюбоваться осколками римского мрамора»¹⁹⁷.

Но есть и одно ключевое отличие — образы прошлого соотносятся с историческим контекстом, пространство представлено как трансформирующееся и изменчивое, а воображение способно придать этому пространству плотность, представив его в виде череды человеческих поступков и идей: «И все же суть путешествия состоит не в том, чтобы, следуя словам Монтеня, измерять, как много футов в Санта Ротонде или насколько больше лицо Нерона на руине, чем на медали, важно освежать и заострять один ум против другого. В данном случае мы можем сравнивать людей древности и наших современников. Уделяй внимание произошедшим переменам и наблюдай города прекрасной страны, некогда переполненные людьми, а теперь пустынные и оттого захватывающие, кажущиеся всего лишь точками на фоне великих городов, о которых так много говорит история»¹⁹⁸.

Как видим, схожие описательные стратегии могут встречаться в разные эпохи и в разных культурах. Примеры применения подобных стратегий на практике мы можем увидеть в британских травелогах второй половины XVII в., когда путешествиям по собственной стране начинает уделяться не меньшее внимание, чем поездкам по Европе. Д. Чилдрей (1623–1670) пишет: «Я бы хотел, чтобы те, кто так хорошо знает чужие страны, не были чужеземцами в своей собственной, которая представляет собой компендиум всех остальных стран»¹⁹⁹.

Путевой дневник Селии Файнес составлен за время ее путешествий и закончен к 1702 г. Он был частично опубликован только в 1812 г., а полная его версия вышла в 1888 г. под заголовком «Через Англию в дамском седле»²⁰⁰. Во время путешествия она отмечает эко-

¹⁹⁷ *Jaucourt Louis chevalier de*. Travel.

¹⁹⁸ *Ibidem*.

¹⁹⁹ Цит. по: *Зверева В. В.* Представление прошлого в трудах английских антикваров XVII в. С. 231.

²⁰⁰ *Fiennes C.* Through England on a Side Saddle in the Time of William and Mary. London : The Leadenhall Press, 1888 [Electronic resource]. URL: <https://www.vision-ofbritain.org.uk/travellers/Fiennes/2> (accessed: 08.02.2020).

номические особенности регионов Англии, оценивает устройство мануфактур и различных производств, что позднее более усердно предпримет Д. Дефо в «Путешествии через остров Великобритании» (1724–1726).

О путешествиях по Англии С. Файнес пишет: «куда больше это необходимо джентльменам, служащим своей стране здесь или за границей, в городе или в деревне. Особенно служащим парламента, которым необходимо знать и быть в курсе божественной природы и талантов местных жителей, ради улучшения производства, торговли и для вдохновения всех целеустремленных проектов. Это поможет им реализовывать законы, созданные на благо каждого»²⁰¹. В контексте рассмотренных описательных практик не кажется странным, что С. Файнес рассуждает о политике, работе парламента, законах и экономике. О парламентариях она пишет: «К их стыду, многое, если не все, будет отвергнуто от имени места, которому они принадлежат. Как же они могут говорить об улучшении жизни или возмещении убытков? Теперь я могу быть справедливо обвинена в попытке дать отчет об устройстве нашей конституции, обычаях, законах, предметах, находящихся далеко за пределами моего положения или способностей, но в данной работе я описала, что пришло мне на ум при наблюдении и чтении, или от общения с другими людьми, чьи сведения, согласно моему принципу, были дословно пересказаны»²⁰².

Путешествие для нее не столько способ проведения досуга, сколько часть выполнения гражданского долга, поскольку оно «формирует идею Англии, добавляет ей славы и величия в нашем восприятии и исцеляет от дьявольского зуда переоценки иностранных земель», а заметки путешественников служат «как для развлечения иностранцев, так и для информирования их, ведь за пределами Англии они часто упрекают нас в невежественности и в том, что мы чужестранцы среди себя самих»²⁰³.

Таким образом, в Англии, начиная с XVI в., выкристаллизовывается образ своего государства как политической единицы,

²⁰¹ *Fiennes C. Through England on a Side Saddle in the Time of William and Mary.*

²⁰² *Ibidem.*

²⁰³ *Ibidem.*

встроенной в мировую топографию, а травелоги и философские эссе, публикуемые на протяжении XVII в., способствуют укреплению ее внутреннего авторитета, что, в свою очередь, ведет к упрочнению ее статуса на мировой арене.

2.2. Московия

Однако если в Англии травелог, нацеленный на освоение пространства, за XVII в. становится одним из наиболее востребованных жанров, в России вплоть до XVIII в. данная практика остается фрагментарной, а единичные примеры дорожников и чертежей XVI — начала XVII в. говорят о ее сугубо прикладной роли в деле централизованного управления обширным царством. В то же время нельзя сказать, что до конца XVII в. географических проекций в России не имелось совсем. И хотя самих чертежей XVI в. практически не сохранилось, большинство исследователей отмечают их широкое бытование.

В. А. Кордт называл одной из самых ранних карт русского происхождения карту Федора Годунова. Точнее, как сказано в посвящении в углу этой карты, она была составлена голландцем Г. Герритсом на основе чертежа Годунова и в 1614 г. отпечатана в мастерской В. Блау. Позднее эта карта войдет в атлас Блау и будет публиковаться до 1665 г. Именно про нее Пушкин в «Борисе Годунове» напишет: «Как хорошо! Вот сладкий плод ученья! / Как с облаков ты можешь обозреть / Все царство вдруг: границы, грады, реки»²⁰⁴.

Источником для карты Ф. Годунова В. А. Кордт признавал так называемый Большой чертеж²⁰⁵. 1627 г. датирована сохранившаяся редакция «Книги большому чертежу», где сказано: «По государеву цареву и великого князя Михаила Феодоровича всеа Росии указу сыскан в Розряде старой чертеж всему Московскому государству по все окрестные государства, и в том чертеже и мера верста-

²⁰⁴ Пушкин А. С. Сочинения : в 3 т. М. : Худож. лит., 1985. Т. 2. С. 383.

²⁰⁵ Материалы по истории русской картографии. Вып. 1: Карты всей России и южных ее областей до половины XVII века / под ред. В. А. Кордта. Киев, 1899.

ми, и мильми, и конскою ездою, сколько ехать днем станичною ездою на день, написано, и мера верстам положена. И тот старый чертеж ветх, впредь по нем урочищ смотреть не мочно, избился весь и развалился. А зделан был тот чертеж давно при прежних государех»²⁰⁶. Помимо исследователей, указывающих на распространенность чертежей в допетровскую эпоху²⁰⁷, есть и утверждающие, что не нужно преувеличивать ни их количество, ни их функциональность.

Любопытно мнение В. В. Пестерева, предполагающего, что под термином «чертеж» в это время мог пониматься отдельный регион, т. е. некоторая ограниченная территория. В пример он приводит заверительную грамоту, составленную при межевании земель в окрестностях Углича в 1692 г.: «А на чертеже с нами окольные люди были Углицкого уезду Городцкого стану...»; челобитную крестьян Новопышминской слободы: «будто монастырского села Покровского крестьяне в их новопышминской слободы чертеже на зверей и птиц промышляют...» и полученный ими монастырский ответ: «сверх же меж и чертежу в их пышминские крестьянские земли они не въезжают...»²⁰⁸

Отсутствие сохранившихся географических проекций и наличие текстовых описаний наводит исследователей на мысль о превалировании вербальной информации над визуальной, поэтому можно предположить, что перемещение в пространстве осуществлялось в основном за счет текстовых указаний, но тем не менее мы не можем отрицать наличия визуальных интерпретаций мира и фиксации его в виде визуальных метафор.

²⁰⁶ Книга большому чертежу или древняя карта Российского государства, поновленная в Розряде и списанная в книгу 1627 года. СПб.: Типография Горного Училища, 1792. С. 1.

²⁰⁷ Постников А. В. Развитие картографии и вопросы использования старых карт. М.: Наука, 1985; Сотникова С. И. Русский географический чертеж XVII века: его знаковая структура и социальные функции // Древнерусская культура в мировом контексте: археология и междисциплинарные исследования: материалы конф. М.: РГГУ, 1999. С. 124–129.

²⁰⁸ Пестерев В. В. К вопросу о степени развития русской картографии в XVI–XVII веках // Вестн. Курган. ун-та. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2006. С. 72–75. (Сер. «Гуманитарные науки»; Вып. 2).

Если «картографические произведения (довольно редкие в то время) вплоть до конца XVII столетия не были сколько-нибудь ощутимо востребованы практикой и носили скорее иллюстративно-дидактический характер»²⁰⁹, мы должны вспомнить, что библейско-апокрифическая картина мира в XVII в. все еще являлась единственной для абсолютного большинства населения России. И если московские цари могли позволить себе занятие фиксацией божественного пространства в виде проекций, для торговых людей Московского царства, по всей видимости, это занятие являлось непозволительным.

Всего за XVII в. в Московском царстве было отпечатано около 750 различных книг. При этом 85 % книг предназначались для богослужебных целей²¹⁰. В 1634 г. выходит первая, а уже в 1637-м — вторая редакция «Азбуки» Бурцева, которая станет основным учебником грамоты на несколько десятилетий. О назначении грамоты в это время, можно судить по предисловию, восхваляющему мудрость Господа, наделившего человека умом и способностью к научению: «тем русские (русские) сынове младыя дети, первые починают учитися по сей составней словеньстей (славянской) азбуце по ряду словам. И потом, узнав писмена и слоги и изучив сию малую книжицу азбуку, начинают учить часовник и псалтырю и прочая книги»²¹¹. Азбука Бурцева впервые в истории русской печати содержала гравюру светского характера — сцену битвы розгами нерадивого ученика.

В середине XVII столетия выходят две книги, полностью лишённые религиозного наполнения: перевод «Воинского искусства пехоты» Иоганна Якоба фон Вальхаузена (1647) и «Соборное уложение» — первая печатная книга государствообразующего характера (1649). «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» (полное название работы Вальхаузена) — первая печатная книга,

²⁰⁹ Пестерев В. В. К вопросу о степени развития русской картографии в XVI–XVII веках. С. 74

²¹⁰ История книги : учебник для вузов / под ред. А. А. Говорова, Т. Г. Куприной. М. : Изд-во МГУП «Мир книги», 1998.

²¹¹ Бурцев-Протопопов В. Ф. Азбука. М. : Типография Троицко-Введенской церкви, 1637. С. Е.

содержащая 35 гравюр. Важно, что впервые в этой книге давались печатные проекции пространства, изображающие расположение войск на местности и планы полевых лагерей.

К концу XVII в. с ростом светских изданий пространство начнет терять статус священного и не подвластного человеческому осознанию, но на протяжении XVII в. европейские практики фиксации интегрируются в библейско-апокрифическую традицию, что приводит к возникновению ряда любопытных проекций реальности. Существуют прямые свидетельства о том, что первые чертежи в России составляли именно иконописцы, так называемые знаменщики, рисующие контур изображения, надписи и пр. Например, известный иконописец Симон Ушаков чертил планы местности в польском приходе в 1655 г., составил карту Швеции и других стран, а также, работая в 1661 г. знаменщиком «Серебряной Палаты», копировал чертеж реки Дона от Воронежа до Азова²¹².

Б. П. Иванов приводит в подтверждение прошение иконописца Ивана Михайлова 1675 г.: «Да, по твоему великого государя указу, которые присылаются в Нижний город Ломов воеводы и писцы, и они меня холопа твоего емлют для твоих великого государя дел чертежных и я с теми начальными людьми пишу чертежи всякие городовые и земляные без корму в разных городех... А которые, государь, моя братья иконописцы из городов из Ерославля и из Костромы и из Вологды и из Пскова и из иных многих городов бывают они на Москве у твоих великого государя иконных дел и тем иконописцам для святых икон воображения и иных твоих великого государя дел знаменных и чертежных дана им по твоему великого государя указу жалованная грамота»²¹³.

Изобразительные техники иконографии повлияли на первые карты: «Характерный для древнерусской живописи прием размещения изображений объектов в их фронтальной (или аксонометрической) проекции на плановом изображении местности с гидрографической сетью органично вошел в арсенал изобразительных средств

²¹² Виннер Б. Р. История европейского искусствознания. М. : Изд. акад. наук, 1963.

²¹³ Иванов Б. П. Русский картограф XVII века // Тр. геогр. фак. Харьк. гос. ун-та им. А. М. Горького. Харьков : Изд-во Харьков. ун-та, 1958. Т. 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://ostrog.ucoz.ru/publ/i/40-1-0-74> (дата обращения: 24.04.2020).

русского географического чертежа, стал одной из его отличительных черт, близких ему аналогов в западной картографии нет. Этот прием, иногда встречавшийся и на новых, построенных на математической основе и имеющих масштаб “ландкартах” XVIII в., был совершенно забыт в XIX в. и вернулся к нам во второй половине XX в. на туристических планах городов, придавая им ясность и художественную привлекательность»²¹⁴.

В русской иконописной традиции, помимо изображений святых на фоне основанных ими монастырей, есть несколько ярких примеров иконографического изображения городов. Первым считается написанное в 1570–1580-х гг. «Видение пономаря Тарасия» с детальным изображением храмовой архитектуры Великого Новгорода, но еще более ярким примером служит псковская икона «Явление Богородицы старцу Дорофею», написанная на рубеже XVI–XVII вв. При создании иконы использовались географические чертежи и натурные зарисовки. Точно изображено расположение пригородных монастырей, таким образом легендарная история вписывалась в географическую реальность, наполняя ее и приобретая статус достоверного события.

В печатном издании подобная традиция изображения была представлена в сочинении Афанасия Кальнофойского «Тератургима, или Чудеса, совершившиеся как в самом Печерском монастыре, так и в обеих его пещерах», изданном в 1638 г. в Печерской типографии на польском языке (рис. 7)²¹⁵.

Но первыми русскоязычными печатными картами являются карты пещер преподобного Феодосия и преподобного Антония, опубликованные в Киево-Печерском патерике в 1661 г. (рис. 8) «Это не только первые печатные карты на русском языке, но и первые отечественные карты в современном понимании этого термина, т. е. изображения имели масштаб и азимутальную ориентировку»²¹⁶.

²¹⁴ Ткачева Н. М. Образ Пскова [Электронный ресурс]. URL: <http://museum.pskov.ru/pskovoldmodern/tkacheva/tcac2> (дата обращения: 13.04.2020).

²¹⁵ Дятлов В. Тератургима, или Чудеса. Киев : Горлица, 2013. С. 3–5 [Электронный ресурс]. URL: <https://dimitryrostovsky.ru/age/afanasij-kalnofojskij-i-ego-kniga-teraturgima/> (дата обращения: 12.04.2020).

²¹⁶ Кусов В. С. Картографическое искусство Русского государства. М. : Недра, 1989. С. 42.

Рис. 7. Карта Верхней территории Печерского монастыря
в «Тератургеме» Афанасия Кальнофойского (1638)²¹⁷

²¹⁷ *Kalnofojskiy A. Teraturgima lubo cuda klasztoru Pieczarskiego i obojga pieczar. Kijew, 1638.*

Рис. 8. Карта пещер преподобного Феодосия
из Киево-Печерского патерика (1661)²¹⁸

²¹⁸ Патерик, или Отечник Печерский, содержаще жития святых преподобных и богоносных отец наших, просиявших в пещерах. Киев, 1661.

Интересно, что мы не встретим иконографических изображений Москвы в виде панорамы. Имеются только более поздние фронтальные изображения Кремля. «Древнейшее из таких изображений создано учеником Симона Ушакова Георгием Зиновьевым в 1690-е гг.»²¹⁹ Однако есть некоторое количество точных топографических планов Москвы, например, «Годунов чертеж» 1651 г. Как пишет В. С. Кусов, «примерно 13 % площади Москвы изображено на сохранившихся чертежах XVII в., древнейший из которых датируется 1643 г.»²²⁰

Показательным является план Москвы, опубликованный в 1663 г. на фронтисписе первой изданной в Москве Библии «книге ветхаго и новаго завета поязыку славенску» (рис. 9). «Напечатана же сия богодуховенная книга в царствующем граде Москве повелением благочестивейшаго Великаго Государя Нашего Царя и Великаго Князя Алексия Михайловича, Всея Великия, и Малыя, и Белья России Самодержца»²²¹. Исследователи трактуют данный план как метафору Москвы — небесного града, ссылаясь при этом на надпись над планом — «Восстани, восстани Иерусалиме и облещыся во крепость мышцы твоя». Не будем останавливаться на сакральном смысле «града царя великаго», но сам факт помещения плана Москвы на фронтиспис Библии весьма показателен. Традиция геометрической фиксации пространства совмещается с религиозными образами евангелистов, демонстрируя новую модель осмысления пространства, а орел, раскинувший крылья над планом, говорит о политическом значении образа, т. е. символическом присвоении территории путем наделения ее сакральными смыслами.

К концу XVII в. чертежное мастерство было развито достаточно высоко. И хотя о русских путешественниках допетровской эпохи сказано: «Они мало интересуются бытом, политическими порядками и экономическими отношениями, они совсем не интересуются западноевропейской наукой, потому что не имеют о ней никакого понятия, но зато они много интересуются западноевропейскими святынями; для многих из них это почти единственный предмет

²¹⁹ Кусов В. С. Картографическое искусство Русского государства. С. 52.

²²⁰ Там же. С. 62.

²²¹ Библия. М. : Печатный двор, 1663.

наблюдения»²²², скорее это связано с особенностью моделирования пространства в библейско-апокрифической парадигме.

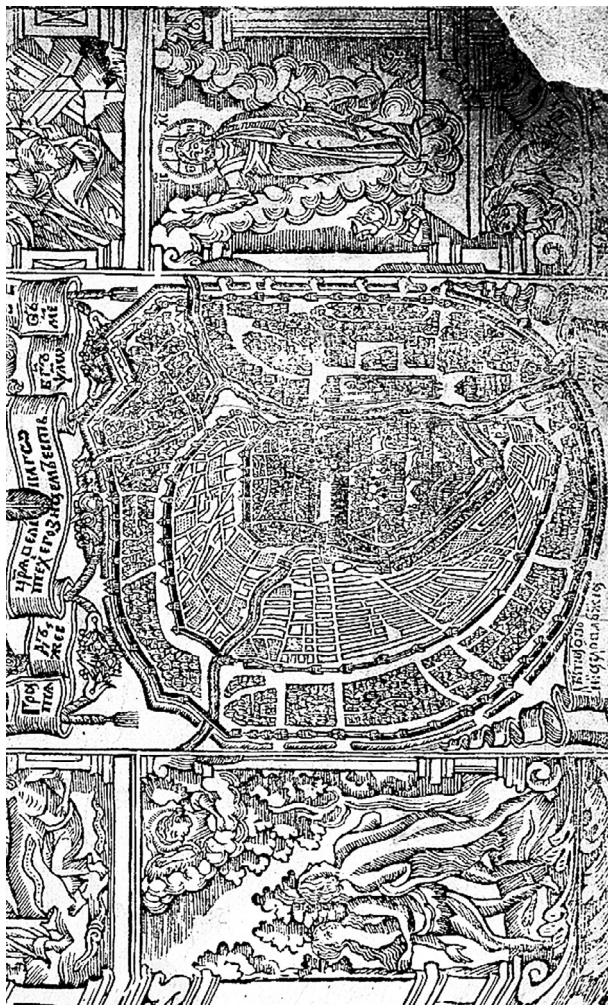

Рис. 9. Фрагмент фронтисписа
Московской Библии с планом Москвы (1663)²²³

²²² Сивков К. В. Путешествия русских людей за границу в XVIII веке. СПб. : Энергия, 1914. С. 7.

²²³ Библия. 1663.

Необходимость проекции реальности для государственных и хозяйственных нужд (древнейший русский чертеж — 1536 г.²²⁴) очевидна, если посмотреть на количество чертежей, возникших к 1697 г. В. С. Кусов указывает на существование 935 русских географических чертежей, большинство из которых относится к последней четверти XVII в. Так как любой чертеж создавался из практических целей для решения конкретных хозяйственных задач, он разделяет их на четыре типа по функциональному принципу: на чертежи городских дворов, организации хозяйства, оборонительных сооружений и спорных земель. Насчитывается около 100 чертежей городских дворов, составленных в основном на территории Москвы и принадлежащих Тайному приказу: «Эти чертежи, как правило, крупномасштабные; с особой тщательностью на них показаны границы владений, даны размеры «в длину и поперек», приведено имя и сословное положение владельца»²²⁵. Вторая группа фиксирует состояние и имущество хозяйств, а также строящихся учреждений. «Чертежи инвентаризации, как правило, неметричны, т. е. слишком разномасштабны. Так, на чертеже расположения царских конных заводов можно увидеть весьма крупномасштабное изображение зданий с подробнейшими указаниями назначения каждого помещения»²²⁶. Чертежи военного ведомства (планы, предназначенные для военных целей) и чертежи спорных земель.

Любопытно, что при составлении чертежей, предназначенных для решения споров о владении землей, информация могла искажаться в пользу того или иного заказчика. Примером может служить спор о землях Благовещенского Нижегородского монастыря с бортниками: «В 1595 году прикащик Данила Юрьев, норovia и берегучи бортников, имая с собою их друзей и заговорщиков Саву, да Крячка, да Позняка лопатинских бортников и иных, которые им други и племя, и делал де им по дружбе и чертеж чертил ложно, речку Мигино написал Борец речку, а Борец речка впала устьем в Ватрас речку,

²²⁴ Кусов В. С. Картографическое искусство Русского государства. С. 6.

²²⁵ Там же. С. 63.

²²⁶ Там же. С. 66.

а не в Уронгу»²²⁷. Как мы видим, фиксация и описание пространства к концу XVII в. стали производиться достаточно регулярно, а географические планы стали использоваться как орудие пропаганды и инструмент моделирования идентичности.

Активная практика хорографических описаний регионов Московского царства начинается в конце XVII в. Примером может служить деятельность Семена Ульяновича Ремезова. В первую очередь, он считал себя изографом, т.е. иконописцем, что не мешало его занятиям хорографией²²⁸. Ремезов составил несколько атласов: «Чертежная книга Сибири» (1699–1701), «Служебная чертежная книга» (1702–1715) и «Хорографическая чертежная книга» (1697–1711), содержащая 167 карт. «Книга, глаголемая хорография, / Любящим ю имать добронравие. / Обаче никто ж в человецех совершенство получи, / Разве у кого сияет в сердцы Божественныя лучи»²²⁹.

В рукописи впервые в России дана карта полушарий земли в проекции Меркатора с изображением обеих Америк и указанием на существование неизвестной южной земли. Это копия с голландской карты XVII в. Ремезов пишет: «Азийский круг (восточное полушарие) по писанию Ветхий наречен, а Новый свет 4-я часть Америка. А чают, под полуднем Терра Устралис Магалляники глаголати 3 часть»²³⁰. В предисловии к рукописи сказано, что она сочинена царским указом, и подробно описаны задачи, стоящие перед автором: «И на сии указы паче прилагает нам прилежание на дело имети, како изначала от Бога исток болшие реки, тако и малые реки описати, откуд течат и с какова места, и куды отметами поворотила к которому ветру, и колико кривляюшесь плесы, и на кои ветр устьем пала, и в какову реку или в море, и в нее каковы реки с вершины и до устья с обе стороны и выше и ниже пали, и из озер или с камени или из болот; и в таковых реках описать угодные места, кои прилегли,

²²⁷ Кусов В. С. Картографическое искусство Русского государства. С. 69.

²²⁸ Хорографическая чертежная книга Сибири Семена Ульяновича Ремезова. Тобольск : Обществ. благотворит. фонд «Возрождение Тобольска», 2011. С. 12. (Факсимильное издание рукописи «Хорографической чертежной книги Сибири» С. У. Ремезова напечатано в типографии «Grafiche Stella» в Италии.)

²²⁹ Там же. С. 32.

²³⁰ Там же.

под селидбы гожие со всякими домовыми нуждами вдоволь хоронаго строения и лесами, и пахотами, и травами, и скотопитательны угодны, и како стоят при реках, и города с уездами и с жильями»²³¹. Таким образом, пространство будет фиксироваться в контексте возможности его освоения, что достаточно похоже на мотив травелогов британских хорографов конца XVI–XVII в.

«Сия служба надобна жителям и доброприятна и состоятельна бывает в спорных делах, в данных крепостях по помете и за печатью, сице изографство, яко птиц свое перо возвышая»²³². Любопытно данное в рукописи аллегорическое изображение Тобольска, напоминающее своим символизмом изображение Москвы в Библии 1663 г. (рис. 10). В.Э. Булатов отмечает привязку метафорических образов к конкретным объектам в пространстве: «мечи (союз родов войск) опираются своим основанием в ту точку плана, где располагались пехотный и казачий приказы, а светильник веры возвышается на Софийском дворе»²³³.

На чертежах Ремезова обозначены малые и крупные реки Сибири от истока до устья, населенные пункты (города, остроги, монастыри), броды и переправы, мельницы, колодцы и пр., обозначены природные объекты, такие как болота и озера. Большое внимание уделено растительности с указанием: «степь голая, ни лесу, ни воды», «чернолесье», «болота малопроходны», «река Беча вся под селидбу годна», «под селидбу годно», «пашенные угодные места к селидбе крестьян». Даны рисунки животных (хорьков, песцов, диких коней), сведения о месторождениях полезных ископаемых и пр.: «тут самоцветное каменье», «курья жемчуг промышляли», «в камени берут медную руду», а в «камени Волчьей горы... магнит и сера горячая», «древнейшие места серебряной», «камень топица свинец, а в нем сера, нашатырь» и т. д. (рис. 11)²³⁴. По разнообразию сюжетов и их общей полезности для нужд управления Сибирью описания Ремезо-

²³¹ Хорографическая чертежная книга Сибири Семена Ульяновича Ремезова. С. 35.

²³² Там же.

²³³ Там же. С. 23.

²³⁴ *Гольденберг Л. А.* Семен Ульянович Ремезов: Сибирский картограф и географ, 1642 — после 1720 г. М. : Наука, 1965. С. 177.

ва очень близки к травелогам британских хорографов и антиквариев конца XVI — начала XVII в.

Рис. 10. План Тобольска из «Хорографической чертежной книги Сибири» С. У. Ремезова²³⁵

Специфика пространства у антиквариев состояла в его наполненности образами прошлого. Также и у Ремезова мы встречаем не только этнографические, но и исторические замечания, описание военных походов, ссылки на археологические памятники и пр. Не случайно одним из произведений Ремезова является «История сибирская» или «Летопись сибирская краткая кунгурская», расска-

²³⁵ Ремезов С. У. Хорографическая книга. Harvard University. Houghton Library. MS Russ. 72 (6). Л. 8 об.

зывающая о покорении Сибири и содержащая 154 черно-белых рисунка. Тексты в данной рукописи являются скорее сопровождением к иллюстрациям, что говорит о постепенном уходе от текста как основного источника знаний, что тоже характерно для антикварной традиции. Помимо рассказов о сражениях Ермака и Кучума летопись содержит и легендарные предания, например, о том, как басурманам, «где сейчас город Тобольск и соборная церковь, около колокольни виделся христианский светлый город в воздухе, и церкви, и перезвон, чему изумлялись и очень недоумевали, что бы это значило» или как при «царе Саускане на месте города, там, где соборная церковь, чудился всем басурманам огненный столб от земли и до неба, а в том огне всякие разные видения. А басурманы и до нынешних дней это видение и страх отчаяния описать в своей летописи не смеют, словно один звон и слышали»²³⁶ и пр.

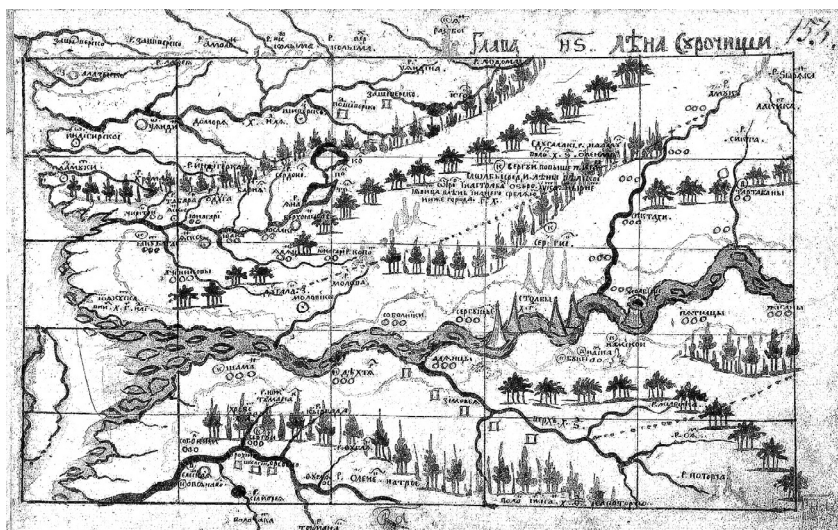

Рис. 11. Карта реки Лены из «Хорографической чертежной книги Сибири» С. У. Ремезова²³⁷

²³⁶ Ремезов С. У. Краткая Сибирская летопись (Кунгурская). СПб.: Типография Елеонского и К°, 1880 [Электронный ресурс]. URL: <http://vbook.nsu.ru/?int=VIEW&el=8&templ=MINIATURES> (дата обращения: 20.05.2020).

²³⁷ Ремезов С. У. Хорографическая книга. Л. 153.

Важным подспорьем в деле освоения России в начале XVIII в. становятся географические карты. И если про допетровскую картографию В. Кивельсон пишет, что большинство карт XVII в. были грубыми набросками, не имевшими ни масштаба, ни ориентации: «Иногда в верхней части карты окажется улыбающееся солнце (или два!) <...> Здания и деревья обращены вверх, вниз или поперек, в зависимости от положения или точки зрения художника в данный момент»²³⁸, то уже к концу века можно заметить значительные перемены: «создаются реальные предпосылки (развитие математического обоснования в западноевропейской картографии, расширение областей картографирования и вместе с тем увеличение количества картографируемых показателей и числа условных знаков) для последующего отделения и самостоятельного развития карт как точных графических моделей местности и “чертежей” как эскизных ее изображений»²³⁹. Обозначения на картах трансформируются от разнообразия, связанного с субъективными предпочтениями автора, к постепенной формализации и общему использованию единых условных знаков.

В 1710 г. Петр Первый приобретает глобус у голландского мастера Блау, что говорит о значении картографии и в том числе популяризации географического знания в политической жизни страны. Первый атлас России появится в 1745 г., но еще в 1720-м в Генеральном регламенте Петр Первый так обозначает цели картографирования: «И дабы каждый коллегийум о состоянии государства и о принадлежащих к оному провинциях подлинную ведомость и известие получить мог; того ради надлежит в каждой коллегии иметь генеральные и партикулярные ландкарты или чертежи, которые по времени изготовлены быть имеют именно: описать все границы, реки, города, местечки, церкви, деревни, леса и прочее»²⁴⁰.

²³⁸ Кивельсон В. Картографии царства: Земля и ее значения в России XVII века. М. : Новое литературное обозрение, 2012. С. 20.

²³⁹ Гольденберг Л. А. Семен Ульянович Ремезов: Сибирский картограф и географ, 1642 — после 1720 г. С. 309.

²⁴⁰ Постников А. В. Развитие картографии и вопросы использования старых карт. С. 138.

Как мы увидели на примере текстов британских антиквариев, пространство в контексте его освоения не может обойтись без включения в него образов времени. Близость образов пространства и времени прослеживается и в русских описательных практиках XVIII в. Их связь, например, выдает язык государственных документов. В «Регламенте, или Уставе духовной коллегии» 1721 г., составленном Феофаном Прокоповичем, читаем: «И если посмотрим чрез истории аки чрез зрительные трубки на мимошедшие веки, увидим все худшее в темных, нежели в светлых учением временах»²⁴¹. Здесь постулируется вера в возможность непосредственного обозрения событий прошлого, причем инструмент обозрения прошлого сравнивается со зрительной трубой, позволяющей увидеть дальние образы пространства.

В девятом пункте регламента Феофан Прокопович пишет: «Историю честь без географии — как с завязанными глазами по улице ходить». Прошлое не мыслится вне категорий пространства, история и география выступают как две стороны одной линзы, с помощью которой можно смоделировать реальность: «В чине учения 1-е — грамматика купно с географиею и историею»²⁴².

Если взглянуть на специализацию российских исследователей XVIII в., можно заметить, что большую часть их трудов занимают работы по истории, географии и языкознанию. Пространство, время и язык служат тремя вершинами, на которые опирается идеология Российской империи, точнее, сама проекция государства возможна только при фиксации пространства, состоящего из этих трех сфер. Эта тройственность видна на примере географических словарей. В «Географическом лексиконе» В. Н. Татищева (1744–1746) приводятся описания географических объектов, историко-географические сведения, этимологические обзоры географических терминов и понятий.

О географии Татищев пишет: «Что собственно до географии или землеописания пренадлежит, то она разделяется паки на об-

²⁴¹ История российского образования в документах и материалах (XI–XVIII вв.) / сост., авт. предисл., ввод. ст. и примеч. А. Н. Рыжов, М. А. Гончаров. М.: Интеллект-Центр, 2012. С. 26.

²⁴² Там же. С. 29.

щую и участную. В общей толкуется о всем шаре земном, которой состоит из земли и воды, окружен воздухом; в участной описуются собственно которое государство или предел, и такое описание заключает в себе 3 обстоятельства, яко физическое, гисторическое, или политическое, и мафематическое»²⁴³. По сути, здесь повторяется определение географии и хорографии П. Апиана.

К хорографии, или «участной географии», В. Н. Татищев относит физические, исторические, политические и математические сведения. Из этих элементов и складывается, по его мнению, пространство. Историческая география «описует пределы и положения, имя, границы, народы, преселение, строения или селения, правление, силу, довольство и недостатки. И она разделяется на древнюю, среднюю и новую, или настоящую», т. е. историческая география включает в себя всю совокупность знаний, необходимых для управления территориями. В предисловии к «Географическому лексикону Российского государства» Ф. А. Полунина (1773) Г. Ф. Миллер относит географию к историческим наукам, т. е. к наукам, в которых присутствуют разные измерения времени.

В XVIII в. освоение России затрудняет как отсутствие надежных карт, так и высокая стоимость услуг проводника. До последней трети XVIII в. большинство путешествий по России были санкционированы исключительно государственными институтами. Травелоги, если и составлялись, представляли собой документальные отчеты о проделанном пути и были адресованы инстанции, снарядившей путешественника. В этом контексте Академия наук становится одним из институтов, взявших на себя функцию освоения России.

Экспедиционные травелоги первой половины XVIII в. едины по своему плану и составлены в соответствии с академическими инструкциями. В инструкции «Об истории народов»²⁴⁴, данной Миллеру перед экспедицией 1733–1743 гг., сказано, какие явления следует зафиксировать в первую очередь, какие находки нужно

²⁴³ Татищев В. Н. Лексикон российский, исторический, географический, политический и гражданский : в 3 ч. СПб. : Типография Горного Училища, 1793. Ч. 2. С. 38–39.

²⁴⁴ Миллер Г. Ф. История Сибири : в 2 т. М. ; Л. : АН СССР, 1937. Т. 1. С. 460–461.

описывать, а какие отправлять в Санкт-Петербург. В 11-м пункте мы читаем: «А особливо рассматривать надобно начала, нравы, обычаи и прочее тех народов, кои живут на северной стороне реки Амура, потому что слух носится, что и российский народ имел там древние свои жилища». Академические инструкции содержат много черт, присущих исследованиям хорографов. Пространство описывается во всей совокупности проявлений, а прошлое является важным атрибутом формирования общей картины реальности.

В ранних академических травелогах встречается разделение текста на «путевые заметки», напоминающие журнал путешествия, где отмечаются пройденный путь и его характеристики, и фактические, сделанные по инструкции описания. Такую структуру имеют «Описания Сибири» Г. Ф. Миллера, где соседствуют путевые очерки и детальные описания отдельных регионов, то же можно сказать и о «Путешествии по Сибири» И. Г. Гмелина, повествование у которого устроено в виде путевых записей, за которыми следует описание конкретных земель²⁴⁵.

В последней трети XVIII в. возникают травелоги, составленные по материалам самостоятельных путешествий, не санкционированных какими-либо учреждениями. К таковым относятся записки о путешествии Г. Ф. Миллера по Москве и Московской провинции в 1778–1779 гг. За время путешествий им было составлено четыре травелога: «Езда в Коломну в 1778 году», «Поездка к Святотроицкому Сергиеву монастырю, в Александрову слободу и Переславль Залесской», «Путешествие в Можайск, Рузу, Звенигород», «Поездка в Дмитров». В отличие от описаний, путевые заметки, кроме поездки в Дмитров, публиковались ранее на русском языке в журнале «Новые ежемесячные сочинения»²⁴⁶.

²⁴⁵ Гмелин И. Г. Путешествие по Сибири: 1733–1743 : в 4 т. Репринтное издание 1751–1752 гг. СПб. : Альфарет, 2009.

²⁴⁶ Статского Совет. Миллера описание езды из Москвы в Коломну 1778 года // Новые ежемесячные сочинения. 1789. Ч. 35. Май. С. 69–93; Путешествие г. Д. С. советника Миллера к Святотроицкому Сергиеву Монастырю // Новые ежемесячные сочинения. 1789. Ч. 41. Нояб. С. 3–52; Путешествие в Можайск, Рузу, Звенигород покойного действительного статского советника и Кавалера Миллера // Новые ежемесячные сочинения. 1790. Ч. 46. Апр. С. 41–91.

По своей стилистике и функциональному назначению заметки Миллера походят на тексты С. Файнес, также совершавшей поездки в оздоровительных целях. С. С. Илизаров утверждает, что «путевые описания, которые вел ученый во время маршрута, и подготовленные на их основе для публикации все четыре очерка не соответствуют полностью ни одной научной программе или инструкции, которые во множестве известны в XVIII столетии и среди которых, кстати говоря, немало принадлежит перу самого Г. Ф. Миллера»²⁴⁷. Но, как и в травелогах хорографов или антиквариев, основная задача пространства в представлении Г. Ф. Миллера — служить нуждам империи.

Описания его кратки и точны. Он лаконично описывает проезжаемые деревни, отмечая в первую очередь их принадлежность, количество населения, наличие церквей и все, что, по его мнению, может послужить благу Российского государства. Проезжая деревню Кусково, он отмечает, что летнее жилище Шереметьевых весьма любопытно «для преизрядных там строений и во оных уборов, для саду, оранжереи, пруда, зверинца и проч., что все изчислить нынешнее мое намерение не дозволяет»²⁴⁸. До детального описания Миллер не доходит в случае, если оно не может, на его взгляд, служить делу «общего преуспевания».

Как и многие хорографы до него, Миллер стремится установить этимологию различных топонимов. Проезжая деревню Островцы, он записывает: «Имя Островцов отчего, никто изтолковать не мог. Островов на реке в Москве в близости не сказывают»²⁴⁹. Иногда он выражает сомнение относительно принятых трактовок. О происхождении названия речки Коломенки он говорит, что «догадка некоторых, якобы от приезжих италианцов фамилии Колонны, ни на чем не утверждается». Подобный прием встречался, например, у У. Кемдена, который к тому же фиксировал и естественно-научные характеристики пространства.

²⁴⁷ Миллер Г. Ф. Путешествия по московской провинции // Академик Г. Ф. Миллер — первый исследователь Москвы и московской провинции / подг. текста, ст. С. С. Илизарова. М. : Янус, 1996. С. 24.

²⁴⁸ Там же. С. 57.

²⁴⁹ Там же. С. 58.

Миллер также делает натуралистические наблюдения, которые в общем контексте травелога могут показаться неуместными. Указывая на принадлежность церкви в селе Марково, он сообщает, что «на здешнем берегу Москвы реки находились иногда окаменелые мадрепоры, но ныне оных не видно», о добыче белого камня он сообщает, что «верхняго слоя камень крепче нижняго, но разщепляется от воздуха и затем в дело не годен. Он же желтоват и известных частиц в нем мало. <...> Фигурованных и окаменелых вещей в камне не сказывают»; «Желтоватый мулм, в коем сей кварц лежит, помешал бы белизне фарфора»²⁵⁰. Он не приводит пейзажных зарисовок, но сообщает, что «от Москвы до Коломны везде ровные хлебородные поля, но местами лесом скудно»²⁵¹.

Образы пространства у Миллера сопряжены с образами времени. О постройке в селе Дединове Петром Первым ботика, называемого «Дед Российского флота», он пишет: «Толь достопамятные обстоятельства несумненно могут прославить место, которое и, кроме того, по разным причинам внимание заслуживает»²⁵². Пространство актуализируется через включение в него образов прошлого. Места, лишённые устойчивых легендарных описаний, ограничиваются у Миллера скупыми замечаниями, в то же время нет четкой границы между понятиями «настоящего» и «прошлого», образы прошлого накладываются на образы настоящего или, точнее, образы времени накладываются на образы пространства, создавая единый монолитный образ реальности.

Г. Ф. Миллер тщательно описывает «разные фабрики местных жителей», время от времени давая рекомендации по их управлению или восхваляя их владельцев. Сообщая о селе Воздвиженском, где царевной Софьей были казнены «старый и, как кажется, невинный князь Хованский» и его сын, он замечает: «Сие привожу я затем, что места, в коих подобная сей достопамятности случались, заслуживают, чтобы упоминаемы были в землеописании, когда ничего особенного об них сказать не можно. Таковыми сказаниями земле-

²⁵⁰ Миллер Г. Ф. Путешествия по московской провинции. С. 167.

²⁵¹ Там же. С. 59.

²⁵² Там же. С. 61.

описание может много способствовать истории и читателям быть приятным. По сей причине упоминаю я при всяком случае о таких происшествиях»²⁵³. Пространство, лишенное «закрепленных» за ним образов прошлого, заслуживает только поверхностного описания, а исторические вставки обогащают текст, делают его многомерным, что, по мнению Миллера, идет на пользу и читателю, и истории.

Формат травелога дает автору свободу для критических замечаний относительно новой разметки верст или, например, положения крестьян: «могут ли они остаться при владении поправленных ими земель без возвышения оброка, то для сего нужно высочайшее императорское повеление, которым бы обнадежить и обеспечить можно было крестьян...»²⁵⁴; «Удивительно, что на новой генеральной карте Российского государства ни Александровской слободы, ни Святотроицкого монастыря не означено. Сколь много исправлять должно изданныя до сего времени ландкарты!»²⁵⁵

Побывав в Свято-Троицком Сергиевом монастыре и посетив семинарию, Миллер оставил положительные отзывы об устройстве образовательной части и о наместнике монастыря: «Сей весьма достойный кроткий и ученый муж может со временем быть украшением высокаго российского духовенства», т. е. и люди в описаниях Миллера являются частями общей государственной машины, улучшение которой — одна из основных его задач. В Можайске он выделяет воеводу, отмечая, «что он достоин бы был лучшего звания, ибо здесь не может он в пользу употребить того, чему учился»²⁵⁶.

Миллер приводит надпись с усыпальницы при Больничной церкви Александровского монастыря и признается, разбирая указанные в ней даты, что «надпись не сам списал и, следовательно, числа точно не знаю». Только личный контакт с источником служит для Миллера достаточным основанием для утверждения достоверности и справедливости выводов.

По той же схеме составлено «Путешествие в Можайск, Рузу, Звенигород...». Дается трактовка названий проезжаемых местечек

²⁵³ Миллер Г. Ф. Путешествия по московской провинции. С. 86.

²⁵⁴ Там же С. 88.

²⁵⁵ Там же. С. 93.

²⁵⁶ Там же С. 118.

и деревень, упоминаются ручьи («где я не упоминаю о ручьях, там подразумевать должно, что оных нет, и что жители имеют колодези, содержащие по большей части хорошую воду»²⁵⁷), указывается принадлежность места, приводится историческая справка о владельце или достопамятном событии, а также описание монастырей и церквей.

Вспомним обращения Уильяма Дагдейла к соотечественникам, пожелания читателям У. Кемдена или наставления С. Файнес. Как и для них, пространство является для Миллера резервуаром исторических событий и естественно-научных характеристик, служащих делу всеобщего государственного благополучия. Он не только фиксирует информацию о проделанном пути, но также включает в текст исторические источники, например, царскую грамоту 1686 г. или милостивую грамоту, данную Михаилом Федоровичем жителям Рузы, объясняя это тем, что «обыкновенно таковыя милостивыя грамоты, хотя и ничего важного в себе не заключающия, охотно читают»²⁵⁸.

Индивидуализм в русских травелогах в последней четверти XVIII в. только начинает проявляться. Связано это с накоплением представлений об отдельных губерниях, развитием печатного дела и открывшимися перед сословием дворян возможностями проведения досуга. Большую роль в исследовании регионов России сыграют академические путешествия Российской академии наук.

В Англии новые стратегии описания пространства возникают, когда территории уже частично освоены и описаны. «К третьей четверти семнадцатого века понимание графств как иерархичных структур было окончательно разрушено, открыв путь новому восприятию пространства, зависящему от индивидуализма, сформированного объектами и их владельцами»²⁵⁹. В Российской империи процессы освоения пространства и его изучения идут практически параллельно, однако в обеих странах происходит постепенный разрыв с иудео-христианской парадигмой восприятия реальности.

²⁵⁷ Миллер Г. Ф. Путешествия по московской провинции. С. 113.

²⁵⁸ Там же. С. 124.

²⁵⁹ Swann M. Op. cit. P. 100.

Ф. Бэкон пишет: «Пусть никто, стремясь к славе неверно понятых здравомыслия и умеренности, не считает, что можно весьма преуспеть в книгах как божественного, так и светского содержания с помощью теологии либо философии; напротив, пусть люди дерзают и смело стремятся в бесконечную даль, и достигают успеха в той и другой областях, лишь бы это знание порождало благочестие, а не высокомерие, служило для пользы, а не для хвастовства; и еще: пусть неразумно не смешивают и не путают они два различных учения — теологию и философию и их источники»²⁶⁰. О возможных путях взаимодействия теологии и философии будут рассуждать русские ученые XVIII в., когда вместе с развитием академических сообществ в научной среде распространятся практики изучения пространства как объекта, не зависящего ни от воли Божьей, ни от монаршей милости.

²⁶⁰ Бэкон Ф. Сочинения : в 2 т. / пер. Н. А. Федорова, Я. М. Боровского. М. : Мысль, 1971. Т. 1. С. 93.

Глава 3

ИЗУЧЕНИЕ МИРА

3.1. Британия

В начале XVII в. в моделях восприятия и описания реальности происходит ряд трансформаций. Это и смена критериев доказательств истинности, и рост интереса к материальным данным, и возникновение новых подходов к систематизации и каталогизации. Данные процессы шли не параллельно в разных странах, а были связаны как с изменениями в материальной оснащённости, так и со сменой ментальных установок. Изменения влияли на отношение к пространству, которое постепенно из области владения, где исторические характеристики являлись важным аргументом принадлежности, становилось все более самостоятельным исследовательским объектом, лежащим и вне божественной, и вне человеческой власти. Природа обретала самостоятельность, начинала существовать по законам, не связанным с категориями власти или владения, наделялась статусом самостоятельного исследовательского объекта, находящегося в стороне от иерархических практик описания.

О том, какие чувства вызывало переоткрытие природы, можно судить по отрывку из поэмы Джона Донна «Первая годовщина» (1611): «Все новые философы — в сомненье: / Эфир отвергли — нет воспламененья, / Исчезло Солнце, и Земля пропала, / А как найти их — знания не стало. / Все признают, что мир наш — на исходе, / Коль ищут меж планет, в небесном своде — / Познаний новых... Но едва свершится / Открытье, — все на атомы крошится. / Все — из частиц, а целого — не стало, / Лукавство меж людьми возоблададо, / Распались связи, преданы забвенью / Отец и Сын, Власть и Повиновенье»²⁶¹.

²⁶¹ Донн Дж. Стихотворения и поэмы. М. : Наука, 2009. С. 209.

В отрывке отражено отношение Дж. Донна к открытиям Галилео Галилея, описанным в сочинении «Звездный вестник» (1610–1611) и сделанным с помощью усовершенствованного до 32-кратного увеличения голландского телескопа. Наблюдения Галилея покончили с теорией «идеальных сфер» Аристотеля и идеей совершенства небесных тел. Постепенно поверхность Луны покрылась кратерами и горами, звезды отдалились от Земли на немыслимые прежде расстояния, а сама Земля стала всего лишь одним из множества небесных тел. Чтобы эти представления окончательно утвердились, потребуется ни один век, но уже в начале XVII в. заметна общая смена ориентиров в изучении мира.

В предыдущей главе мы отметили интерес антиквариев к текстам и изображениям. В конце XVI в. в Англии антикварии начинают включать в свои работы документы, записи и иные «памятники прошлого». С увеличением количества сочинений об отдельных графствах авторы все чаще обращают внимание на физические тела: монеты, медали, окаменелости, надгробия и пр. Однако в первую очередь их интересуют надписи на этих объектах, используемые как инструмент выражения идентичности власти, т. е. для формирования и описания иерархических структур.

Джон Норден был одним из первых, кто включил в свои работы изображения гербов и надписей с надгробий. Геральдические знаки в качестве символа принадлежности пространства изображены им на карте Лондона 1593 г., но воспринимаются в первую очередь как источники вербальной информации, лишенные физических свойств (рис. 12). Такое представление продержится многие десятилетия. Достаточно сказать, что до 1803 г. Британский музей хранил медали и монеты в отделе манускриптов²⁶².

В начале XVII в. собирание текстов будет стимулировать формирование коллекций физических тел. Роберт Коттон, антикварий и создатель крупнейшей открытой библиотеки, помимо манускриптов коллекционировал античные и английские монеты, а также печати и медали со всего света. Изображения собранных им монет были опубликованы в «Британии» Кемдена 1600 г.

²⁶² Swann M. Op. cit. P. 111.

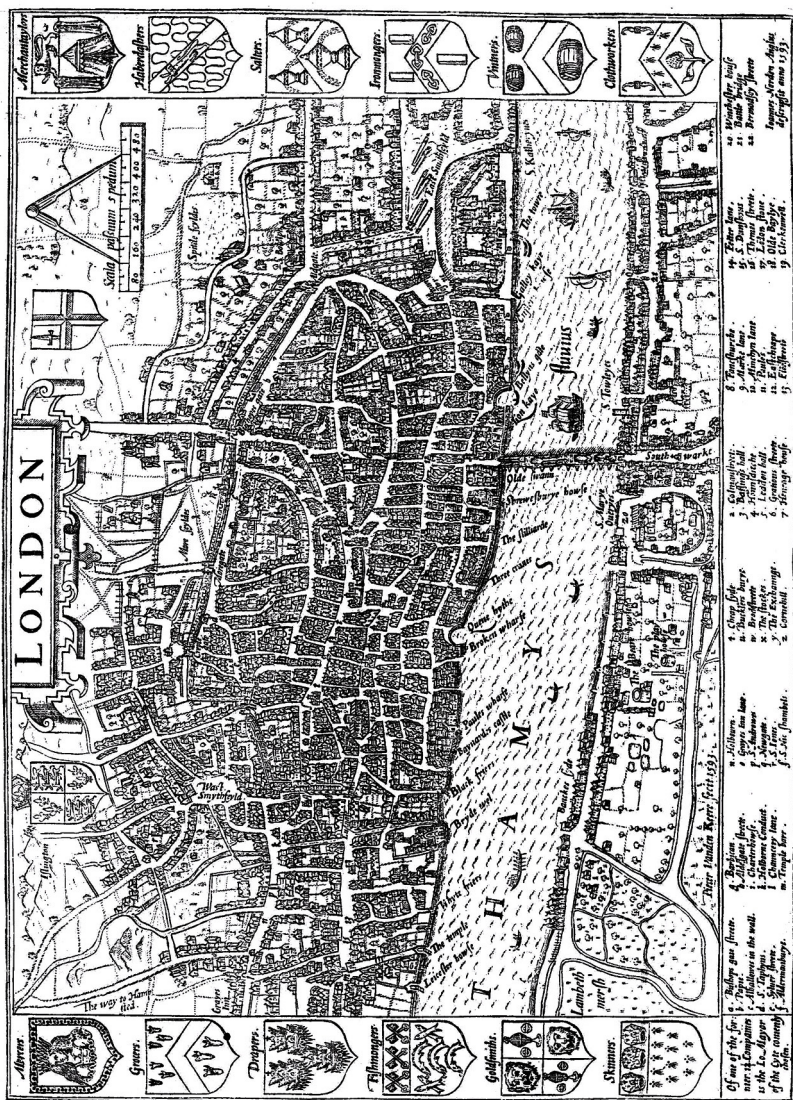

Рис. 12. Карта Лондона Джона Нордена (1593)²⁶³

²⁶³ Norden J. Speculum Britanniae. London : Eliot's Court Press, 1593.

Первая в истории Англии археологическая иллюстрация была опубликована в латинском издании «Британии» 1586 г., издание 1600 г. содержало иллюстрации и фронтиспис, украшенный картой Англии и изображениями Стоунхенджа и средневековой базилики (рис. 13), а в 1607 г. работа будет дополнена картами всех английских графств. Однако изображения в конце XVI в. играли в первую очередь роль политического агента, формируя образ владельца территории и способствуя созданию генеалогий.

Знаменитый картограф Джон Спид, публикуя свой труд «Великобритания — театр империи» (1611–1612), также использовал монеты из коллекции Коттона как «ценнейшее противоядие от всепожирающего времени»²⁶⁴. В «Истории Великобритании» (1611) он использует изображения монет как визуальные комментарии, помещенные возле истории каждого правителя. Более того, если подходящих монет не находилось, он оставлял на их месте пустые места, чтобы будущие читатели могли воспользоваться этим пробелом. Таким образом, он прививал английским читателям исследовательский интерес, формируя в общественном сознании особое отношение к изображениям и к познанию в целом (рис. 14)²⁶⁵.

Библиотекарь Роберта Коттона Ричард Джемс также занимался коллекционированием — он собирал слова из разных языков. За время пребывания в России в 1618–1619 г. он составил несколько тетрадей, из которых сохранилась только записная книжка с переводом русских слов на английский и комментариями к некоторым словам и понятиям²⁶⁶.

Особое внимание в тетради отводится словам, обозначающим явления живой природы. О сложности репрезентаций в отсутствие устойчивых описательных стратегий свидетельствует то, как многозначно Джемс описывает отдельные виды рыб и птиц: «Нельма — двинская рыба с раздвоенным хвостом, как у семги, схожая с нею и в других свойствах, но по вкусу она напоминает леща»²⁶⁷. Здесь

²⁶⁴ Swann M. Op. cit. P. 112.

²⁶⁵ Ibid. P. 113.

²⁶⁶ Словарь был впервые опубликован Гамелем в 1847 г.

²⁶⁷ Ларин Б. А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619). Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1959. С. 94.

Джемс заявляет о своем открытии — схожий вид не означает, что и вкус будет таким же.

Рис. 13. Фронтиспис «Британии» У. Кемдена (1600)²⁶⁸

²⁶⁸ Camden W. *Britannia siue Florentissimorum Regnorum...* London : George Bishop, 1600.

О маленьких птичках, житвинках, он пишет: «обычно величину с жаворонка; у них такой же длины коготок, на спине и животе оперенье одного цвета, а по бокам головы как бы рожки из черных перьев и черное пятно на шейке. Ноги и клюв черноватые. На голове и шее желтые полосы и пятна. По вкусу они напоминают жаворонков. Очень жирны. Мы съели 4 октября 18 штук, купленных в Колмограде за 4 копейки и 16 штук за 3 деньги 12 (октября)»²⁷⁰. Отсутствие устойчивых описательных схем требует полноты фиксируемых характеристик, и Джемс упоминает окрас, форму, вкус и даже цену.

Но это не означает, что сведения обязательно должны быть проверены на собственном опыте. В своей тетради он фиксирует информацию, взятую из книг предшествующих авторов, которую теперь мы бы отнесли к разряду «curiosities»: «Рассказывают за правду, что около Сибири есть целый народ, ведущий войны с журавлями за свою жатву»; или сведения о «маймонтах»: их «никто никогда не видел», и они, «по объяснению самоедов, сами прорывают себе дорогу под землей, и потому они находят его зубы, рога и кости (под землей) на Печоре и на Новой Земле».

Изучение божественных творений в виде натуральных объектов на протяжении XVII в. приобретает все большую популярность. Знание природных явлений приносит ощутимую практическую пользу, в то время как любители прошлого, а также древних текстов и изображений подвергаются все более острой критике.

В «Микрокосмографии» английского епископа Джона Эрла, изданной анонимно в 1628 г., высмеиваются разные типажи английского общества, среди них и антикварий: «один из тех, кто имеет противоестественную болезнь — влюбленность в старость и в морщины, который любит все, как голландцы — сыр, что хорошенько покрылось плесенью и изъедено червями. Он христианин, но только потому, что эта религия считается самой древней, а разбитая статуя делает его чуть ли не идолопоклонником. Огромное восхищение вызывает в нем налет на старых монументах. Читает же он только те письма, в которых время успело уничтожить буквы. Он протачит

²⁷⁰ Ларин Б. А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619). С. 97.

вас за 40 миль, чтобы показать святой источник или разрушенное аббатство, но там окажется лишь крест или каменное основание. И после он будет рассуждать об этом до тех пор, пока совсем не забудет о своем путешествии. Его финансы состоят в основном из шекелей и римских монет, а изображений Цезаря у него гораздо больше, чем Якова или Елизаветы. Нищие обманывают его, продавая затхлые вещи, которые они выгребли из навозных куч, а он хранит их тряпье как бесценную реликвию. Он любитель не столько библиотек, сколько мест, где пауков больше, чем авторов, и глядит с нескрываемым восторгом на паутину древних лет. Печатные книги он презирает как новшество последних лет, но манускрипты готов изучать вечно, особенно если обложку хорошенько изъели мыши, а слова скрыты пылью. Он готов отдать все изучаемые им книги (в том числе редкие) за один из старых римских переплетов или шесть строк Туллия, написанных его собственной рукой...»²⁷¹ Описание пространства сообразно его истории само стремительно устаревае

В первой половине XVII в. в Англии упорядочиванию и каталогизации подвергаются не только тексты и письменные источники, но и образы живой природы. Характерным примером может служить деятельность Джона Традесканта Старшего (1570–1638), коллекционера и натуралиста, собиравшего образцы со всего мира. Среди стран, которые довелось ему посетить, числится и Московское царство, где он побывал в 1618 г.

Среди манускриптов Бодлианской библиотеки в Оксфорде сохранился дневник его путешествия в Россию, озаглавленный «Дипломатическое путешествие, предпринятое благородным сэром Дадли Диггсом в 1618 году». Долгое время авторство этой работы оставалось неясным. Составитель ашмолинского каталога назвал ее «любопытное повествование о путешествии через Северный мыс в Архангельск». И. Х. Гамелю, члену Императорской академии наук в Санкт-Петербурге, во время его визита в Англию с Александром I в 1814 г. удалось установить авторство и частично опубликовать этот источник в книге «Англичане в России в XVI–XVIII вв.»

²⁷¹ Earle J. Microcosmography or, A Piece of the World Discovered, in Essays and Characters. Albany : Joel Munsell, 1867. P. 18–19.

Гамель вспоминал, что ему удалось прочитать в тексте, написанном неразборчивым почерком, фразу о том, что путешественник обнаружил на островах в дельте Двины «достаточно Helebro Albus (Чемерицы белой), чтобы загрузить судно». «Я испытал что-то вроде озарения. В брошюре, которую я держал в руках, я узрел рукопись Традесканта»²⁷².

Во время путешествия Традескант фиксирует свои встречи с неизвестными явлениями, в том числе с феноменами, не имеющими словесного обозначения: «Также в ночь на понедельник странная птица прилетела к нам, была поймана живой и отдана мне на сохранение, но умерла через два дня в 60 лигах от берега. Птиц, подобных этой, мне прежде встречать не доводилось, и я решил сохранить ее»²⁷³. Внимание в тексте обращено на мир живых существ, в который также входит и племя самоедов со своими костюмами и обрядами. «Этой ночью на наш корабль ступили самоеды — жалкие люди небольшого роста. Я согласен с тем, что им вовсе необязательно иметь головы, поскольку у них короткие шеи, одежда, как правило, скрывает их головы и плечи»²⁷⁴.

Он описывает растения и встреченных животных, старается сохранять шкуры и семена, отправляя редкие экземпляры домой: «Я видел землянику, однако не на земле, а в продаже. Трижды она оказывалась на столе моего господина, но она ничем не отличается от нашей, вследствие чего я и не особо старался ее отыскать»²⁷⁵. «Мне уже не терпелось скорее пристать к берегу, хотя это было не просто. Когда мы пристали, я увидел множество ягод, похожих на землянику, но с янтарным отливом и другой формой листьев. <...> Несколько ягод я отправил домой. Несколько высушил, чтобы получить семена, которые отправил Робинсону в Париж»²⁷⁶.

²⁷² Potter J. Strange Blooms: The Curious Lives and Adventures of the John Tradescants. London : Atlantic Books, 2007.

²⁷³ Гамель И. Х. Англичане в России в XVI–XVII вв. : Ч. 1–2. СПб., 1865–1869. Ч. 1. С. 131.

²⁷⁴ Там же. С. 134.

²⁷⁵ Там же. С. 138.

²⁷⁶ Там же. С. 135.

Внимание автора все еще направлено на широкий спектр явлений, но его интересуют не только записи и устные предания, но и физическое устройство природных объектов. В музее, основанном Традескантом и названном «Ковчег», будут собраны артефакты из самых разных областей знания. В его коллекции были медали, ископаемые, панцири, насекомые, обувь, оружие, украшения, шляпы, зубные щетки, перья феникса, драконьи яйца, часть святого креста и шкура скифского агнца (мифического животного вырастающего на дереве в волжских степях), рука русалки и рука мумии, чаша из рога единорога, накидка короля Вирджинии и снасти Генриха VIII.

Будучи на службе у герцога Бекингема, Традескант мог позволить себе писать филиалам торговых компаний по всему миру, заказывая «все виды животных, домашних и диких птиц живьем», особенно самые большие и необычные экземпляры²⁷⁷. В музее, открытом Традескантом после смерти герцога, любой посетитель за шесть пенсов мог поглазеть на все чудеса мира. Это был первый в Англии общественный музей.

Путешественник Питер Манди посетил его в 1634 г. и оставил перечень увиденных редкостей²⁷⁸: «звери, птицы, рыбы, змеи, черви (настоящие, хотя мертвые и высушенные), красивые камни, оружие, монеты, щиты, оковы, принадлежащие разным нациям и странам, различных форм и цветов...»²⁷⁹ Манди пишет: «За один день я увидел столько необычного, сколько иной человек может увидеть, только потратив всю свою жизнь на путешествия»²⁸⁰. В этом заявлении слышна новая идея, что обозрение музея не только сопоставимо с непосредственным наблюдением пространства, но и в чем-то превосходит его.

В 1949 г. Д. Кэррингтон напишет: «Редко можно встретить путешественника, подобного Питеру Манди. Во времена, когда лю-

²⁷⁷ The Collectors, Searchers, Secrets and the Power of Curiosity [Electronic resource]. URL: <http://digitalstories.wellcomecollection.org/pathways/2-the-collectors/> (accessed: 10.04.2020).

²⁷⁸ The Travels of Peter Mundy, in Europe and Asia, 1608–1667 : in 5 vols / ed. by Sir Richard Carnac Temple. Cambridge : Printed for the Hakluyt Society, 1907–1925.

²⁷⁹ Цит. по: Swann M. Op. cit. P. 10.

²⁸⁰ Ibid. P. 1–2.

бопытность было выдающейся характеристикой интеллигентных англичан, для него оно было главной страстью всей жизни. Его ненасытный аппетит к информации, внимание к деталям, стремление к точности сделало бы его в наше время выдающимся ученым. Характерной для его периода была и его бессердечность. Его больше интересовали явления, а не их влияние на жизнь людей, но если он был бесчувственным, он отнюдь не был нечувствителен: каждый необычный предмет в удивительном мире, который он унаследовал, был описан им с невероятным блеском, редко встречающимся в современном мире»²⁸¹.

Физический мир интересовал Манди гораздо больше, чем мир человеческих эмоций: «Изображенная им бегущая птица с острова Вознесения, которая “не могла летать или плавать”, ныне считается вымершей, странное существо, похожее на тюленя с острова Святой Елены, теперь зовется морским слоном, который, хотя и не встречался так далеко на севере, но, будучи сильным пловцом, мог сюда добраться. Изображенный кит идентифицирован мистером Фрейзером как взрослый атлантический. Утверждение Манди о механизме его кормления, как утверждается, является совершенно правильным, и он, вероятно, одним из первых дал истинное описание этого»²⁸².

После смерти Бекингема Традескант становится еще и хранителем первого ботанического сада в Англии, основанного в Оксфорде в 1621 г.

Ботанические сады (*Botanical garden*) происходят от медицинских садов (*Physic garden*), впервые возникших в Италии в XV в., где культивировались и выращивались растения, служащие лечебным целям. В 1621 г. лорд Хенри Дэвис пожертвовал значительную сумму на создание сада для «прославления божественных творений и развития знаний», что является одним из главных лозунгов исследователей природы первой половины XVII в. Подобная цель была и у С. Перчейса, о коллекции травелогов которого было сказано ранее, но в его случае акцент был сделан на письменных свидетель-

²⁸¹ Carrington D. The Traveller's Eye. London : Pilot Press, 1949. P. 178–179.

²⁸² The Voyage of Peter Mundy // Nature. 1935. Nr 136. P. 470.

ствах, а теперь все больше авторов указывают на необходимость собирания коллекций физических тел.

В то же время появляются книги, описывающие феномены живой природы, в том числе энциклопедии растений и животных. В 1629 г. Джон Паркинсон публикует фундаментальный труд по ботанике. Он был фармацевтом (*apothecary*) при Якове Первом и основал в 1617 г. «Досточтимое общество фармацевтов». Его сочинение — первая книга по ботанике, в которой растения рассмотрены не столько в качестве их функциональной пользы, сколько как самостоятельные объекты.

О значении, придаваемом растениям в это время, можно судить из полного названия книги Паркинсона: «Рай под солнцем, земля обетованная или избранный сад, включающий все виды редчайших цветов с указанием их места рождения, свойств, времени цветения, наименованиями, и преимуществами каждого в медицине или в украшении. С описанием огорода (*kitchen-garden*) со всевозможными цветами, корнями и фруктами, используемыми нами в качестве гарнира или в виде соусов. Об искусстве сажать фруктовый сад (*orchard*) из всех видов плодоносящих деревьев и кустарников, раскрывая правила пересадки, удобрения и обрезки. О правильном порядке, посадке с сохранением их избранных качеств, не упоминаемых в предшествующих травниках» (рис. 15).

Как и у многих авторов того времени, цель издания — не только в рассказе о божественных творениях, но и в прославлении человеческих знаний. В обращении к читателю сказано: «Хотя древние язычники и считаются первооткрывателями различных свойств растений и, следовательно, природы, некоторые еще до кентавра Харона, а другие до Аполлона или его сына Асклепия, но мы, христиане, вышли из лучшей школы, данной нам Богом. Бог, создатель Небес и Земли, когда создавал Адама, наделил его знанием всех натуральных объектов (которое, по счастью, перешло Нюю и его наследникам), поскольку, так как он смог дать имена всем живым существам сообразно их природе, несомненно, он к тому же обладал знанием всех трав и фруктов для еды и для врачевания, для пользы и удовольствия. И Адам мог тренировать свое знание, ведь Бог

вырастил сад, чтобы он жил в нем, где и в невинности трудился бы, и проводил свое время»²⁸³.

Рис. 15. Фрагмент фронтисписа сочинения
«Рай под солнцем, земля обетованная...» Д. Паркинсона (1629)²⁸⁴

²⁸³ *Parkinson J. Paradisi in Sole Paradisus Terrestris...* London : Printed by Hvmfrey Lownes and Robert Yovng at the Signe of the Starre on Bread-Street Hill, 1629. P. 3.

²⁸⁴ *Ibidem.*

«Рай под солнцем, земля обетованная...» состоит из трех разделов: цветочный сад, фруктовый сад и огород. Паркинсон не включает в книгу инструкции по выращиванию для каждого типа растений, но в начале разделов дает инструкцию по «упорядочиванию» каждого типа сада, рекомендации по расположению растений и планировке, советует подходящие для обустройства инструменты, средства улучшения почвы, правила прививания, посадки и сева и приводит типы растений, которые должны быть включены в каждый вид сада.

Книга содержит почти 800 иллюстраций. Паркинсон сообщает, что планирует добавить раздел, посвященный саду лекарственных растений, что и сделает в 1640 г. в книге «Ботанический театр», где описано более 3 800 растений.

Не меньший интерес у исследователей вызывали животные. В 1607 г. Эдвард Топселл публикует «Историю четвероногих зверей» (The History of Four-Footed Beasts), в 1608 г. «Историю змей» (The History of Serpents). В 1658 г. эти работы будут изданы под одной обложкой. Среди животных описывается «гидра» (с двумя когтями, завитым хвостом змеи и семью небольшими головами), «ламия» (с кошачьим телом, женским лицом и женскими волосами), «мантикора» (с львиным телом и гривой, мужским лицом и волосами и гротескной улыбкой), «анталоп» (с головой тигра, кустистой шерстью и рогами, которыми он пилит деревья — рис. 16). Топселл не был натуралистом, он был священнослужителем и в значительной степени полагался на авторитет предшественников, в частности Томаса Маффета и Конрада Геснера, из трактата которого заимствовал многие изображения. Он повторяет легенды, связанные с животными: «слоны, как говорят, по своему обычаю поклоняются солнцу и луне», «обезьяны боятся улиток», а «рог единорога чудесно помогает против отравы».

Заглавие издания 1658 г. звучит так: «История четвероногих зверей и змей, подробно описывающая их истинную природу и строение, их наименования, повадки, предназначение (в природе и в медицине), страны обитания, любовь и ненависть к человечеству и удивительную работу Господа при их сотворении, сохранении и истреблении, вместе с удивительным разнообразием исторических справок из трактатов отцов церкви, философов, натуралистов,

иллюстрированная изображениями и эмблемами, пригодными для студентов всех факультетов и направлений»²⁸⁵.

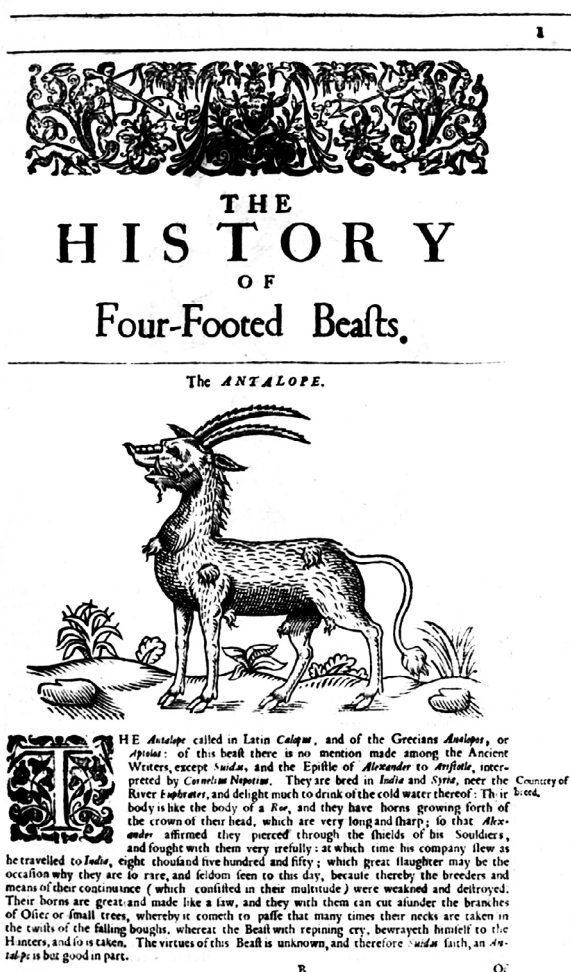

Рис. 16. Изображение анталопы. Эдвард Топселл
«История четвероногих зверей» (1607)

²⁸⁵ History of Four-Footed Beasts and Serpents Topsell Edward, Gessner Conrad, Moffett Thomas. London : Printed by E. Cotes, for G. Sawbridge, 1658.

Отсылка к авторитетам прошлого хотя и считается устаревшей практикой, все еще широко распространена. Характерным примером столкновения стратегий описания может служить спор о свойствах магнита, состоявшийся между английским доктором медицины и писателем Томасом Брауном и шотландским интеллектуалом Александром Россом.

Браун в 1646 г. оспорил мнение, что чесночный сок способен лишать магнит его свойств: «Потому что железная проволока, нагретая докрасна и погруженная в сок чеснока, тем не менее приобретает способность вращаться и притягивается к южному полюсу компаса. Если брусок магнита смазать чесноком или воткнуть в чеснок, он все так же будет притягивать; а намагниченные иглы, если их держать в чесноке, пока они не начнут ржаветь, сохраняют свои свойства притягивать и поворачиваться к полюсу». На что Александр Росс ответил: «Я знаю, что уже говорил об этом, но теперь утверждение, что чеснок ослабляет силу магнита, опровергается доктором Брауном, а до него Батиста Порты; но я не могу поверить, что столько знаменитых авторов, подтверждавших это свойство чеснока, могли обманываться; и поэтому я думаю, что у них был другой вид магнита, а не тот, который есть у нас теперь. У Плиния и других было большое разнообразие магнитов, лучшие из них из Эфиопии. Таким образом, если у некоторых магнитов притягивающая сила ослабляется чесноком, это не значит, что она не ослабляется у всех; и возможно, наш чеснок не столь крепок, как у древних, доставляемый из жарких стран»²⁸⁶.

Т. Браун, сторонник эмпирического метода Фрэнсиса Бэкона, отдавал предпочтение изучению живой природы и материальных останков прошлого, а Росс, последователь идей Аристотеля, опровергал идеи Коперника и написал в 1651 г. трактат «Arcana Microscopii, или Тайны человеческого тела, явленные в анатомической дуэли Аристотеля и Галена, с опровержением вульгарных ошибок Томаса Брауна, сделанных на основе “Естественной истории” Бэкона и книги Харви “De generatione”».

²⁸⁶ Вуттон Д. Указ. соч. С. 249.

Александр Росс опирается в первую очередь на тексты, Т. Браун ищет ответ, проводя опыты и рассматривая природные объекты и произведения человека. В романе «Кольца Сатурна» В. Зебальд писал: «Браун скрупулезно перечисляет предметы, о которых ему было известно, что их погребали вместе с пеплом как оружие и украшение покойников. В составленном им каталоге встречаются самые разные редкости: нож, которым обрезали Иисуса Навина; кольцо возлюбленной Проперция; цикады и ящерицы из агата; рой золотых пчел; синие опалы; серебряные пряжки и застёжки; гребни, щипцы и булавки из железа и рога, губная гармоника из латуни, звучавшая в последний раз при переправе через черную воду Леты. <...> Пурпурный клочок шелка из урны Патрокла, что он означает?»²⁸⁷

Идеи Фрэнсиса Бэкона о том, как должно выглядеть просвещенное общество будущего, лучше всего выражены в его сочинении «Новая Атлантида», опубликованном в 1626 г. и составленном в форме травелога.

Сбившиеся с пути путешественники попадают на неизвестный остров в южном океане, устройство жизни общества на котором поражает их своим благочестием и рациональностью. Главная особенность этой страны — наличие «Общества Соломона», посвященного «изучению творений господних». Целью общества является «познание причин и скрытых сил всех вещей и расширение власти человека над природою, покуда все не станет для него возможным»²⁸⁸. Для этой цели у общества имеется множество сооружений и учреждений: глубокие колодцы, высокие башни, искусственные озера и пр.

Интересно описание имеющихся у жителей острова садов, где посажены «разные деревья и ягодные кусты, служащие для приготовления напитков, и это не считая виноградников»²⁸⁹. В них проводятся всевозможные эксперименты: «заставляем мы деревья

²⁸⁷ Зебальд В. Кольца Сатурна. Английское паломничество / пер. с нем. Э. Венгерова. М. : Новое издательство, 2016. С. 19.

²⁸⁸ Бэкон Ф. Новая Атлантида // Ф. Бэкон. Соч. : в 2 т. М. : «Мысль», 1978. Т. 2. С. 509. (Философское наследие).

²⁸⁹ Там же. С. 511.

цвести раньше или позднее положенного времени, вырастать и плодоносить скорее, нежели это наблюдается в природных условиях»²⁹⁰; «Нам известны способы выращивать различные растения без семян, одним только смешением почв, а также способы выводить новые виды растений, отличные от существующих, и превращать одно дерево или растение в другое»²⁹¹. Представление о том, что из одного вида можно получить другой было в то время еще широко распространено.

Животные же на острове нужны «не ради одной лишь красоты или редкости, но также для вскрытий и опытов; дабы знать, что можно проделать над телом человека». Жители острова умеют создавать животных из смеси различных веществ, зная заранее, «из каких веществ и соединений какое создание зародится».

Также на острове имеются всевозможные производства и места, отведенные для физических опытов: «дома света, где производятся опыты со всякого рода светом и излучением и со всевозможными цветами и где из тел бесцветных и прозрачных мы извлекаем различные цвета»; «дома звука для опытов со всевозможными звуками и получения их»; дома ароматов, «где производятся опыты также и над вкусовыми ощущениями»; дома механики, «где изготавливаются машины и приборы для всех видов движения»; математическая палата, «где собраны всевозможные инструменты, как геометрические, так и астрономические, изготовленные с большим совершенством», и «особые дома, где исследуются обманы органов чувств»²⁹².

По сути, Фрэнсис Бэкон предлагает структуру специализации научного знания, которая, несмотря на многие опровергнутые со временем теории, будет утверждена в будущем. Интересно и его предложение о деятельности ученых, 12 из которых отправляются на поиски новых знаний в другие страны, трое извлекают материал из книг, трое занимаются сбором технических знаний, трое устраивают новые опыты, трое составляют сводные таблицы о результатах, полученных предыдущими группами, трое изучают опыты с точки

²⁹⁰ Бэкон Ф. Новая Атлантида. Т. 2. С. 511.

²⁹¹ Там же. С. 510.

²⁹² Там же. С. 514–515.

зрения их пользы для обучения новым знаниям, трое используют результаты для формирования теорий для новых опытов, трое проводят эти опыты и дают о них отчет и еще трое формируют на основе опытов новые законы и принципы.

На примере Новой Атлантиды отлично видно, какое значение отводится опытному знанию, а также наукам о природе, т. е. о божественных творениях, их устройстве и значении для человека. В виде самостоятельного издания и под собственным заголовком сочинение Бэкона было опубликовано только в 1659 г., за год до открытия «Королевского общества по развитию знаний о природе», девиз которого говорит об основном принципе его деятельности — «Nullius in verba» («Ничего со слов»), отныне только личный опыт может быть основой для достоверного знания, а члены академии, бывшие участники «Незримого колледжа», неофициального объединения естествоиспытателей, станут главными проповедниками этой программы.

Один из идеологов академического движения, Роберт Бойль, утверждал, что только безличные тела могут считаться надежным источником для нового знания. Об эксперименте с погружаемым в воду колоколом он писал: «давление воды, видимым образом воздействующее на неодушевленные тела, которые не имеют никаких предубеждений и не способны что-то укрывать, будет более весомым для людей, не обладающих предвзятым мнением, нежели подозрительные и порой противоречивые свидетельства невежественных ныряльщиков, чьи мнения подвержены колебаниям и сами чувства которых так же, как и чувства простонародья, могут обуславливаться какими-то предрасположенностями либо какими-то другими обстоятельствами и могут легко ввести в заблуждение»²⁹³.

Постепенно и в травелогах, и в описаниях графств все больше внимания уделяется объектам живой и неживой природы. Примером могут служить такие работы, как «Бэконовская Британия» Джошуа Чилдрея (1660), сочинения Роберта Плота «Естественная история Оксфордшира» (1677) и «Естественная история Стаф-

²⁹³ *Shapin S., Schaffer S. Leviathan and the Air-Pump. Princeton : Princeton University Press, 1985. P. 218.*

фордшира» (1686), где, как пишет В. В. Зверева, «древностям» были отведены последние разделы, включенные, «вопреки Бэкону», как уступка собственной склонности и вкусу читателей»²⁹⁴, «Естественная история Уилтшира» (1656–1691) Джона Обри и пр.

Авторам «естественно-научных травелогов» приходилось структурировать природные объекты по главам и сводить всю их совокупность к отдельным группам. Например, сочинение Д. Обри состоит из двух частей. Первая посвящена исключительно природным объектам. В первой главе, озаглавленной «Воздух», идет речь о ветрах, туманах, штормах и звуках. Отдельные главы посвящены минералам, камням, рекам, растениям, животным, птицам, рептилиям и насекомым. Однако имеются главы, посвященные людям, но с точки зрения рождаемости, долголетия, заболеваний и способов их лечения. Вторая часть посвящена творениям людей, к которым относятся сады, луга, архитектурные сооружения, производства, рынки и пр.²⁹⁵

Первая инструкция, содержащая информацию о том, какие природные объекты и в какой последовательности стоит описывать, была опубликована в журнале «Философские труды Королевского общества» Робертом Бойлем в 1665 г.²⁹⁶ Отдельным дополненным изданием она вышла в 1692 г. под заголовком «Общее руководство для естественной истории больших и малых графств, составленное для нужд путешественников и навигаторов покойным эсквайром членом Королевского общества Робертом Бойлем. Допущено к публикации при его жизни по просьбе группы любознательных лиц». Данный текст может служить как символом нового восприятия пространства, так и важным посмертным памятником научной деятельности Р. Бойля.

Первым делом Бойль призывает путешественника зафиксировать свое точное местоположение и связанные с ним характеристики

²⁹⁴ Зверева В. В. Антикварианизм XVI–XVII веков: представление прошлого в контексте научной революции // Образы времени и исторические представления: Россия — Восток — Запад. С. 765

²⁹⁵ Aubrey J. The Natural History of Wiltshire: written between 1656 and 1691. London : Printed by J. B. Nichols, 1847.

²⁹⁶ Boyle R. General Heads for a Natural History of a Countrey, Great or Small, Imparted Likewise by Mr. Boyle // Philosophical Transactions. 1665. Vol. 1. P. 186–189.

пространства — продолжительность дня и ночи, расположение звезд и пр. Затем описать свойства воздуха, его температуру и влажность, светопроводимость, изменения климата в течение всего года сообразно сезонам, метеориты, порождаемые воздухом (в то время считалось, что метеориты — это оптическая иллюзия, вызванная преломлением света в воздухе), в каком порядке они возникают и как долго длится это явление. «И особенно при какой погоде, какие именно их типы наблюдаются». «Какие болезни и эпидемии возникают от воздуха и какие еще распространены в этом графстве». Бойль призывает измерять давление (*Gravity of the Air*) с помощью специального бароскопа для путешественников (*Travelling Baroscope*) и объясняет правила его использования.

Затем путешественник должен рассмотреть все, что связано с водой, в том числе при наличии моря, зафиксировать его давление, соленость, описать обитающих в нем насекомых и рыб, приливы, течения и водовороты. Он должен описать реки, озера, ручьи и родники, а именно прозрачность воды, ее вкус и рыб, населяющих ее, способы их размножения и ловли. Наконец, путешественник должен рассмотреть все, что связано с землей и ее обитателями.

Бойль перечисляет различные природные явления и особенности рельефа, которые необходимо зафиксировать. Касательно обитателей он пишет, что нужно изучить «как коренных, так и тех, которые давно обосновались в этой местности, в частности, их рост, форму, характерные черты, силу, сообразительность, рацион, склонности, которые кажутся не связанными с образованием. Что касается женщин, следует отметить их плодovitость, условия труда, их занятия и рацион; описать болезни мужчин и женщин, свойственные им по природе или связанные с их питанием, воздухом и всем, что могло бы стать их причиной»²⁹⁷. Схожим образом Бойль рекомендует описывать произрастающие в этой местности растения и обитающих в ней животных.

²⁹⁷ Boyle R. General Heads for the Natural History of a Country Great or Small Drawn out for the Use of Travellers and Navigators / Imparted by R. Boyle; to which is Added, Other Directions for Navigators, etc. with Particular Observations of the Most Noted Countries in the World. London : Printed for John Taylor and S. Hedford, 1692. P. 9.

Ранних антиквариев XVII в. также интересовали не только надгробия и памятники, медали и монеты, но и природные объекты и явления. Однако в последней четверти века они начинают в духе наставлений Бэкона и рекомендаций Бойля все большее внимание уделять природным характеристикам графств, а не родословным знатных семейств и устройству местной власти. В сочинении Д. Чилдрея «Бэконовская Британия», а точнее «Британия по Бэкону», совмещаются хорографические и антикварные традиции, заложенные У. Кемденом и натуралистические модели описания пространства, предложенные Ф. Бэконом.

В предисловии Д. Чилдрей пишет: «Моя цель — служить Содружеству учащихся, которое очень нуждается в том, чтобы такие истории, как эта, были написаны и служили надежным фундаментом, на котором строятся те аксиомы, которые делают нас настоящими учеными и знающими людьми в философии. Насколько мог, я выполнил Заветы моего Учителя, лорда Бэкона, и в знак признательности (за то что получил от него первый свет на этом пути) дал Книге название “Британия по Бэкону”; даже скорее, потому что труд будет служить дополнением к общему каталогу знаний, о котором идет речь в конце его “Нового Органона”. Я не окончательно распрощился с вопросами древности, родословными и т. п., которыми занимались многие из наших соотечественников, например, ученый Кемден в “Британии”, мистер Дагдейл в “Описании Уорикшира”, мистер Кинг в “Королевской долине”, мистер Ламбард в “Прогулке”, мистер Филпот в “Обозрении Кента” и другие. Но я решился описать пещеры в Уилтшире, потому что не нашел упоминания о них ни у одного из наших антиквариев. Я всегда старался выяснить историю происхождения описываемых редкостей, имея перед собой пример лорда Б., который в своей “*Sylva Sylvarum*” всегда совершал подобные этиологические экскурсии»²⁹⁸.

Так на протяжении XVII в. изменялись стратегии описания пространства в Англии. К последней четверти века сформировался

²⁹⁸ Childrey J. *Britannia Baconica: or, The Natural Rarities of England, Scotland, & Wales*. London : Printed for the author, and are to be sold by H. E. at the sign of the Grey-hound in St. Pauls Church-yard, 1662 [Electronic resource]. URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/ebo/A32843.0001.001/1:3?rgn=div1;view=fulltext> (accessed: 05.04.2020).

новый описательный язык, который отвергал заимствования из сочинений авторитетов, не основанные на личном опыте, наделял характеристиками документальности физические тела и проведенные эксперименты. А образы прошлого служили не более чем одним из множества источников сюжетов для описания пространства.

В то же время попытки описать пространство как единый цельный конструкт предпринимались все реже и имели скорее художественный или пропагандистский оттенок. Научные журналы — издающийся с 1665 г. журнал королевского общества «Философские труды» (*Philosophical transactions*) или появившийся всего за несколько месяцев до него во Франции «Журнал ученых» (*Journal des Savants*) фиксировали на своих страницах наблюдения за отдельными явлениями реальности, вроде ловли китов в Шотландии или описания наблюдаемых в Оксфорде молний.

Пространство становилось все более фрагментированным и требовало от исследователей все больших познаний в отдельных областях знания. В то же время интерес к физическим образцам привел к появлению новых специализированных орудий, наличие которых, в свою очередь, моделировало образ исследователя и означало его принадлежность к определенному направлению. Например, первое упоминание о геологическом молотке встречается в 1696 г., баночка для сбора ботанических образцов возникает в 1704 г., сачок для ловли бабочек в 1711 г.²⁹⁹ Инструменты и приборы не только влияют на специализацию знания, но и определяют саму возможность наблюдения за реальностью.

Член Королевского общества Роберт Гук опубликует в 1665 г. работу «Микрография», которая в очередной раз изменит представление о реальности. Телескоп Галилея нанес сокрушительный удар по геоцентрической модели, но на протяжении большей части XVII в. не было особой разницы, какую из теорий предпочесть. И геоцентрическая теория Птолемея, и гелиоцентрическая Коперника и даже геогелиоцентрическая теория Тихо Браге, в которой Солнце и Луна вращаются вокруг Земли, а все остальные планеты —

²⁹⁹ Allen D. E. The Naturalist in Britain: A Social History. Princeton : Princeton University Press, 1994. P. 4.

вокруг Солнца, были в математическом смысле примерно равны, и положение планет рассчитывалось достаточно точно согласно любой из этих теорий. Только появление мощного телескопа и открытие новых характеристик космоса вывело теорию Коперника на первое место. Микроскоп же продемонстрировал, что люди никогда не замечали того, что находилось у них под носом, а «Микрография» Гука распространила эту идею по всей Англии.

Накопление образцов природного мира привело к появлению и уточнению систематик и таксономий. Британский пастор и натуралист Джон Рэй (1627–1705) первым возвел таксономию в разряд самостоятельных биологических дисциплин. В ботанике он выстроил систему, основанную на структуре и внешнем виде плодов, цветов, листьев и других частей растения, образуя тем самым одну из первых систем биологической классификации, известной нам по работам Карла Линнея, описавшего в 1735 г. структуру природы в виде таксономии: тип — класс — отряд — семейство — род — вид. Первые естественные систематизации содержали много курьезных, на первый взгляд, ошибок, например, К. Линней относил носорога, слона, моржа, ленивца, муравьеда и броненосца к одному отряду *Bruta* (тяжелые животные) в силу того, что все они: «передних зубов совсем не имеют, ноги снабжены крепкими ногтями. Походка тихая, тяжелая. Питаются большей частью плодами и пищу свою раздавливают». Также не до конца было ясно, стоит ли относить к живым существам минералы.

Сам Линней составлял таксономию, опираясь «на известное интуитивное чувство, на скрытый инстинкт натуралиста: я не могу дать основания для своих порядков, — говорил он — но те, кто придет вслед за мной, найдут эти основания и убедятся, что я был прав»³⁰⁰.

Благодаря классификациям, природные объекты получили не только свои наименования, но и заняли места относительно друг друга. Пространство становилось все более многоуровневым, а его описание начинало требовать особого профессионального знания и навыков работы в собственном исследовательском поле.

³⁰⁰ Рохлина М. Л. Линней и его «Система природы» // Наука и жизнь. 1936. № 6. С. 47.

3.2. Россия

В России в конце XVII в. первые печатные карты только появляются. Библейская картина мира по-прежнему является единственной возможной для подавляющего большинства населения, но и она представлена во множестве интерпретаций и толкований ввиду отсутствия достаточного количества книг и тем более людей, владеющих грамотой.

О допетровском времени Феофан Прокопович писал: «Не ведаю, во всем государстве был ли хотя бы один цирклик (цикуль), а прочего орудия и имен не слыхано: а есть ли бы где некое явилось арифметическое и геометрическое действие, то тогда волшебством нарицано»³⁰¹.

Освоение пространства в России и публикация работ, наподобие сочинений С. У. Ремезова, происходили бы и дальше, но полномасштабные реформы Петра Первого кардинально преобразовали интеллектуальную жизнь страны. Вместо постепенного освоения и преобразования известных территорий Петр Первый создает в России новый и уникальный смысловой центр, от которого новые модели в дальнейшем должны будут распространиться по всему государству. Санкт-Петербург становится символом нового подхода к восприятию и описанию пространства. Центром новой столицы будут уже не кремль с соборной площадью, а адмиралтейство, биржа, открытый обозрению царский дворец и Академия наук с музеем, обсерваторией, анатомическим кабинетом, библиотекой, университетом и залами для собраний и занятий³⁰².

Систематического образования Петр Первый не имел, но на его представление о новой системе знаний повлияло посещение европейских стран, в том числе Англии в 1698 г. О том, что именно интересовало Петра Первого в поездке, можно судить, зная о его визите в хранилище и лабораторию Королевского общества, где находились различные «диковинки», королевскую обсерваторию

³⁰¹ Кузнецова Н. И. Социокультурные проблемы формирования науки в России (XVIII — сер. XIX в.). М. : Едиториал УРСС, 1999. С. 20.

³⁰² Там же. С. 15.

в Гринвиче, Бодлеанскую библиотеку, театр Шелдона, часовню Тринити-колледжа и Музей Эшмола в Оксфорде. В Англии им были приобретены магниты, часы, маленькие глобусы, математические инструменты, стеклянная трубка, ртуть, медицинские инструменты, чучела крокодила и меч-рыбы и пр.³⁰³ «Дивно всякому было легко рассуждающему, где он и от кого тако умудрен был, понеже ни в какой школе, ни в какой академии не учился, но академии были ему грады и страны, республики и монархии, и дома царские, в которых гостем бывал; учителя были ему, хотя и сами про то не ведали, и к нему приходящие послы, и гости, и его, его угощающие, потентаты и управители»³⁰⁴.

В Гринвиче вместе с астрономом Джоном Флемстидом Петр наблюдал за прохождением Венеры, в Кенсингтонском дворце заимствовал устройство ветрового прибора, соединенного с флюгером на крыше и указывающего направление ветра, а позднее установил подобный в Летнем дворце у Невы. Там же художником Годфри Кнеллером был сделан его портрет, где в правой руке он держит подозрную трубу, на заднем плане изображен парусный флот.

Заместитель хранителя музея Эшмола в Оксфорде Уильям Уильямс вспоминал его визит так: «Он приехал в город около десяти часов вечера в пятницу, и говорили, что он выпил две бутылки бренди и четыре хереса. Он был [нрзб.] утром в библиотеке, на конвокации, в театре, а из музея, где он пробыл немногим более четверти [часа], он отправился в часовню Тринити. Обнаружив, что его узнали, и его кортеж стал больше, чем он то разрешил, за счет студентов и горожан, обступивших его со всех сторон, он повернулся назад и немедленно удалился из города. Это было около 11 часов»³⁰⁵.

³⁰³ Вольская Т. В. Естественнаучные интересы Петра I в Лондоне во время великого посольства 1697–1698 годов // Вестн. современной науки. 2016. № 10–1 (22). С. 57–61.

³⁰⁴ Прокопович Ф. Слово на похвалу блаженные и вечнодостойныя памяти Петра Великаго // Петр Великий. Pro et Contra : Антология. Личность и деяния Петра I в оценке русских мыслителей и исследователей. СПб. : РХГИ, 2003. С. 79–80.

³⁰⁵ MacGregor A. The tsar in England: Peter the Great's visit to London in 1698 // The Seventeenth Century. 2004. Nr 19. P. 123.

В Лондоне Петр проводил собеседования и нанял около 60 человек для службы в России, среди них старшего корабельного плотника, инженера-гидравлика, капитана и математика Генри Фархварсона, будущего основателя Школы математических и навигацких наук в Москве. Любовь Петра к кораблестроению и плотницкому делу, над которой посмеивались как его современники, так и будущие историографы, говорит о новом восприятии пространства и новой картине мира, которую в России еще только начинали усваивать.

Англичане и другие иностранцы участвовали в строительстве каналов, облегчавших путь к Санкт-Петербургу, поскольку до их прокладки «путь, по которому обыкновенно совершалось сообщение, был чрезвычайно тягостный и медленный; во многих местах встречались отмели, где необходимо было дожидаться прибытия воды вследствие дождей; в других местах суда часто натывались на скалы, подводные камни, и вдребезги разбивались о них, а груз гибнул или, быв спасен, все-таки становился негодным к употреблению. В тех же местах, где сообщение производилось по сухому пути, весьма трудно было найти корм для лошадей, и то по весьма дорогой цене»³⁰⁶.

Прибыв в Россию, зарубежные специалисты столкнулись с многочисленными трудностями. «К великому удивлению моему (удивлению, истекавшему из непривычки к подобного рода неисправности, я, по приезде моем на место, не нашел ни людей, ни заготовленного материала для работы. Со мной и с Мистером Лукой Кенеди обращались самым грубым образом, угрожая нам каторгой и виселицей, а виновником всего этого был Лорд Голицын»³⁰⁷.

Автор первого напечатанного в России в 1703 г. учебника «Арифметики» Леонтий Теляшин (Магницкий) начинал работать в учи-

³⁰⁶ *Перри Д.* Состояние России при нынешнем царе. В отношении многих великих и замечательных дел его по части приготовления к устройству флота, установления нового порядка в армии, преобразования народа и разных улучшений края // Чтения императорского Общества Истории и Древностей Российских. М. : Университетская типография, 1871. № 1. С. 27.

³⁰⁷ Там же. С. 21–22.

лице как помощник учителя математики шотландца Фархварсона. О функциях арифметики можно судить по стихотворному обращению к читателю в издании «Арифметики» Магницкого, где сказано: «Та пути в небе решит и на море, / Еще на войне полезна и в поле. / Обще всем людям образ дает знати, / Дабы исправно в размерах ступати»³⁰⁸.

Одна из основных задач, возлагаемая на арифметику в Школе математических и навигацких наук — умение верно определять свое местоположение в пространстве. На фронтисписе первой части «Арифметики» изображены Пифагор и Архимед (рис. 17). В одной руке Пифагора — весы, в другой — табличка с арабскими цифрами, возле него расположены тюки товаров, арабские цифры, сундук со счетной доской абаком и письменные принадлежности. В руках Архимеда — армиллярная сфера и таблица с расчетами, возле — глобус с парусным судном, циркуль и угол для определения местоположения. Пифагор символизирует торговлю и пешие путешествия, Архимед — навигацию и мореплавание. Сверху в картуше надпись: «Арифметика Политика сих и другая Логистика. И многих иных издателей в разна времена писателей». Данное издание должно было стать существенным подспорьем в деле освоения и фиксации пространства, но, как уже говорилось, первый официальный атлас Российской империи будет издан только в 1745 г. преимущественно трудами иностранцев, состоящих на службе в Российской академии наук.

Усилиями Петра Первого в России возникнет ряд учреждений, нацеленных не только на освоение пространства и нужды навигации и торговли, но и его изучение. Именно при Петре в Москве в 1706 г. откроется первый ботанический сад «Аптекарский огород», а в 1714 г. — «Аптекарский сад» в Санкт-Петербурге. Конечно, и до этого в России существовали так называемые аптекарские огороды, но их назначение было сугубо прикладным и заключалось в обслуживании личных потребностей владельца.

³⁰⁸ Магницкий Л. Ф. Арифметика. М. : Печатный двор, 1703.

Рис. 17. Фронтиспис «Арифметики» Магницкого (1703)³⁰⁹

³⁰⁹ Магницкий Л. Ф. Арифметика.

Не менее показателен открытый в 1714 г. первый в России музей — Кунсткамера³¹⁰. «В основу систематизаций были положены самые современные научные исследования. Млекопитающие были расположены в соответствии с систематизацией английского ученого Рея, птицы — по классификации другого английского натуралиста Виллигби»³¹¹. Однако еще долго придется убеждать общество, что необычные и поразительные природные объекты являются не «сатанинскими отродьями», а уникальными творениями Господа.

Важнейшим институтом, взявшим на себя обязанности по изучению пространства России, становится начавшая свою работу в 1725 г., уже после смерти Петра Первого, Российская академия наук. Когда Петр поинтересовался у лейб-медика Блюментроста, сколько человек понадобится для организации академии, он назвал пятерых: астронома, географа, анатома, натуралиста и химика³¹². 22 января 1724 г. Петр утвердил проект Блюментроста. «Сие, — восклицает Шумахер, — есть подлинное начало Санкт-Петербургской академии!»³¹³ В 1725 г. в Санкт-Петербург прибывают 16 ученых — один француз, трое швейцарцев, остальные — немцы³¹⁴. Среди них братья Бернулли (механик и физиолог), исследователь древностей Г. З. Байер, физик Г. Б. Бильфингер и др. Их средний возраст — 24 года, но именно им предстоит развить в России новую систему знаний, основанную на опыте и эксперименте.

При академии были созданы ботанический сад, физический кабинет, астрономическая обсерватория и пр. Разумеется, Академия наук была не единственным учреждением, в чьи задачи входило исследование пространства. Медицинская коллегия отправляла

³¹⁰ Басаргина Е. Ю., Иодко О. В., Щедрова И. М. Кунсткамера (1714–1836): к 300-летию первого академического музея [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ras.ru/kunstkamera/f27eca03-bd7c-4706-943a-22da91f03f2c.aspx> (дата обращения: 22.04.2020).

³¹¹ Там же. С. 36.

³¹² Кузнецова Н. И. Социокультурные проблемы формирования науки в России (XVIII — сер. XIX в.). С. 34.

³¹³ Пекарский П. История Императорской академии наук. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1870. Т. 1. С. 184.

³¹⁴ Кузнецова Н. И. Социокультурные проблемы формирования науки в России (XVIII — сер. XIX в.). С. 38.

исследователей на поиски «растений, животных и минералов, имеющих лекарственные свойства», Сенат вел «масштабные съемки Европейской территории страны», а морское ведомство занималось картографией морей.

В 1718 г. Д. Г. Мессершмидт по указу Петра Первого отправляется в Сибирь «для изыскания всяких раритетов и аптекарских вещей: трав, цветов, корений и семян и прочих принадлежащих статей в лекарственные составы». Он изучает памятники древности, зарисовывает и делает чучела животных, изучает географию, филологию, этнографию и историю. «Из Тобольска он послал каталог растений с их зарисовками, зарисовки и чучела некоторых птиц, образцы минералов, коллекцию бабочек, описание и чертеж Кунгурской пещеры»³¹⁵. «В начале, кроме самого Мессершмидта, экспедиция не располагала исследовательским штатом: не было даже писаря или сколь-нибудь сведущего помощника. Мессершмидта сопровождали два солдата и двое слуг, не считая погонщиков»³¹⁶, позднее отряд экспедиции пополнится, в том числе к ней присоединится рисовальщик К. Шульман.

Но единственными правообладателями результатов экспедиционных исследований будут оставаться политические институты. «Промемория» из Академии наук от 6 января 1728 г. сообщала: «Понеже опасно, ежели доктор Мессершмидт отпущен будет в свое отечество, чтоб он не публиковал о книгах, о описании и о курьезных вещах. О чем медицинская канцелярия да благоволит взять с него сказку, с присягой...»³¹⁷

Освоение пространства значительно ускорилось при Петре Первом, но его изучение, т. е. исследование его характеристик, не связан-

³¹⁵ Виртуальный музей истории Академии наук : сайт. URL: <http://virtmus.aran.ru/ru/page&id=B6DE407E-E71C-48D6-8CCD-B8F20B3F5A93> (дата обращения: 16.04.2020).

³¹⁶ Александровская О. А., Широкова В. А., Романова О. С. и др. Ломоносов и академические экспедиции XVIII века. М. : РТСофт, 2011. С. 13 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ras.ru/lomoexpedition/f58eac8f-58e7-46a5-a238-93fd3c0c698a.aspx> (дата обращения: 08.04.2020).

³¹⁷ Кузнецова Н. И. Социокультурные проблемы формирования науки в России (XVIII — сер. XIX в.). С. 72.

ных с государственными нуждами, в полной мере было развернуто Академией наук. Исследование пространства, его фиксация в виде изображений и коллекционирование физических объектов с самого начала были важными задачами, вставшими перед академиками. Именно в этом заключалась цель Петра Первого, а позднее и многих членов академии.

Первый русский адъютант (помощник профессора) физического направления академии М. В. Ломоносов писал: «Сколько пользы происходит от географии человеческого роду, о том довольно известно... Едино представление положения государства, а особливо своего отечества производит в сердце великое удовольствие. Колми же паче оное больше быть должно, когда из того действительную общую и собственную для себя пользу усмотреть можем»³¹⁸.

Ломоносов одним из первых в России постарался разграничить знание теологическое и философское: «Создатель дал роду человеческому две книги. В одной показал свое величество, в другой — свою волю. Первая — видимый сей мир, им созданный, чтобы человек, смотря на огромность, красоту и стройность его здания, признал божественное могущество по мере себе дарованного понятия. Вторая книга — Священное Писание. В ней показано создателево благоволение к нашему спасению». И вторя словам Фрэнсиса Бэкона, Ломоносов заключает: «Нездороворассудителен математик, ежели он хочет божескую волю вымерять циркулем. Таков же и богословия учитель, если он думает, что по псалтире научиться можно астрономии или химии»³¹⁹. Идея о том, что новое знание может быть парадоксальным, постепенно закреплялась в русском обществе: «Ведь нам не заказано ни у птиц летать, ни у рыб плавать перенимать, к чему мы не способны от природы, то делать нашим искусством. Хотя бы кто и целые корабли по воздуху пускать хотел, то его для такого намерения за сумасбродного почитать еще не надобно»³²⁰.

³¹⁸ Александровская О. А., Широкова В. А., Романова О. С. и др. Ломоносов и академические экспедиции XVIII века. С. 7.

³¹⁹ Цит. по: Уткина Н. Ф. Естественнонаучный материализм в России XVIII века. М.: Наука, 1971. С. 48.

³²⁰ Там же.

За XVIII в. Академии наук удалось организовать две камчатских экспедиции 1725–1730 гг. и 1733–1743 гг., ряд «Больших экспедиций» 1768–1774 гг., в том числе П. С. Палласа в Оренбургский край и Сибирь, И. И. Лепехина в Оренбургский край, И. П. Фалька по европейской России и Поволжью, С. Г. Гмелина в Астраханский край, на Кавказ и в Персию, а также ряд экспедиций последней четверти века — В. Ф. Зуева из Петербурга в Херсон в 1781–1782 гг., Н. Я. Озерецковского по Ладожскому и Онежскому озерам в 1785 г. и П. С. Палласа по южным провинциям Российской империи 1793–1794 гг.

За время экспедиций была собрана колоссальная визуальная и материальная база. Петр Первый прекрасно понимал, какую роль в развитии знания о мире играют изображения и физические объекты. В 1717 г. им был приобретен альбом гравера и энтомолога Марии Сибиллы Мериан. А ее дочь Доротея Мария вместе с мужем Георгом Гзелем поступили на русскую службу и до конца жизни обучали учеников академического университета рисунку и гравированию, используя труды Марии Сибиллы в качестве пособия³²¹.

В инструкции для рисовальщиков Второй камчатской экспедиции, составленной Доротеей, сказано: «Растения, чей облик ботанику захочется иметь запечатленным, должно принести свежесобранным художнику, и чем скорее, тем лучше, дабы они не успели высохнуть, с тем чтобы художник был в состоянии изобразить их с цветками, корнем, семенами и т. д., как бы живыми. При этой работе художников должно призывать, чтобы они обдумали, как длину и ширину каждого побега обозначить»³²².

За время второй камчатской экспедиции было собрано и составлено в Санкт-Петербург множество уникальных объектов. Шведский ученый Карл Берк, присутствовавший при вскрытии прибывших в столицу тюков, пишет, что «видел много хорошо набитых маленьких птичек и четвероногих зверей; всевозможные фигуры, медные и железные, а также орудия, найденные в курганах;

³²¹ Александровская О. А., Широкова В. А., Романова О. С. и др. Ломоносов и академические экспедиции XVIII века. С. 11.

³²² Там же. С. 12.

различных богов, которым еще поклоняются язычники в тех уголках страны. Боги представляют собой лица из дерева или меди, другие же — просто из черной овечьей шкуры, растянутой на толстом войлоке, с синими жемчужинами, вшитыми вместо глаз, и с выстриженной на голове шерстью для придания какого-то сходства с лицом. Красивейшими были несколько собраний фигур с китайской границы, выточенных из прекрасного прозрачного камня. Среди одежд самыми странными мне показались мантии нескольких колдунов и колдуний из невыделанных кож, со множеством вшитых ремешков, свисающих на спине и рукавах (почти как лакейские шнуры), и кусочков железа и латуни, привязанных к ним; последние производят ужасный шум. Много подобных свисающих ремешков также на головных уборах»³²³.

Но наиболее важный вклад, внесенный академиками в развитие знаний — это формирование образа ученого, его идентичности, а также начало анализа мыслительных стратегий аборигенов-«дикарей», который повлияет на дальнейшую литературу, основанную на описании особенностей человеческого сознания. Ученые упорядочивали и систематизировали мир, изобретали новые метафоры для описания увиденного, проводили бесчисленные связи между природными объектами, человеческими племенами и вербальными значениями.

В процессе взаимодействия естественно-научных исследовательских программ и традиционных описательных практик в среде ученых возникает необходимость очерчивания границ собственных научно-философских установок, встает вопрос об отношении ученого сообщества к традиционному мировоззрению.

Леонард Эйлер в сочинении «Письма к немецкой принцессе о разных физических и философских материях» замечает: «Поскольку крестьянин считает, что один предмет красный, другой — синий или зеленый, то философ сможет отличиться, только если будет утверждать обратное; поэтому-то он говорит, что цвета представляют собой нечто нематериальное и что в предметах не содержится ниче-

³²³ Басаргина Е. Ю., Иодко О. В., Щедрова И. М. Кунсткамера (1714–1836): к 300-летию первого академического музея. С. 119.

го, относящегося к цветку. <...> Они говорят, что предмет кажется нам того или иного цвета, если он отражает лучи соответствующей разновидности. Другие, которым это мнение кажется слишком примитивным, утверждают, что цвета существуют только в нашем ощущении. Это — наилучший способ скрыть свое невежество, ибо в противном случае простые люди смогли бы подумать, что ученый понимает природу цветов не лучше, чем они. Но в настоящее время, если послушать, что говорят ученые, то можно подумать, что они являются обладателями глубочайших тайн, хотя на самом деле они знают не больше крестьянина, а может быть, еще меньше»³²⁴. В этом письме 1760 г. Эйлер ставит важный для последующей эпохи вопрос о границах понятия научного. Сможет ли ученый достичь уровня крестьянина, вся жизнь которого зависит от верного понимания природных явлений?

Одним из первых произведений, задающим вопросы об истоках естественно-научных представлений у «простолюдей» и «дикарей» является диссертация профессора Московского университета Д. С. Аничкова «Рассуждение из натурального богословия о начале и происшествии натурального богочитания», представленная в 1769 г. Аничков отмечает, что мифопоэтические описания часто ставят философов, пытающихся найти их истоки, в тупик, «ибо откуда-то рождается, что иной облаку безводному и восходящей в превыспренных местах туче всякое благоговение воссылает со трепетом, когда, напротив того, другой, ставши на холме с жезлом железным, ругается смертоносной молнии и презирает колеблющий звуком небеса и землю гром»³²⁵.

Опираясь на современное естественно-научное знание, Д. С. Аничков пытается выявить истинные корни традиционного представления о мире. Он выделяет три основные причины мифических воззрений: «Нам нетрудно будет доказать, сколь натурально невежественные народы от страха, привидения и от удивления делают себе премножество разных богов из всякого непостижимого

³²⁴ Эйлер Л. Письма к немецкой принцессе о разных физических и философских материях. СПб. : Наука, 2002. С. 63.

³²⁵ Аничков Д. С. Религиозно-философские сочинения. Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2015. С. 4.

явления, сбывающегося в натуре»³²⁶. В отличие от Эйлера, Аничков отрицает наличие рационального начала в мифопоэтических описаниях: «Дикие народы в знании вещей почти немногим превосходят животных, от которых они, живучи в натуральном состоянии, и сами еще научаются многому»³²⁷. Он не только отмечает вымышленный характер мифопоэтических образов, но и признает, что носителями данной оптики вымышленные образы и явления будут восприниматься как естественные и очевидные. Причины этому он ищет в анатомии человека: «Внезапно воскипевшее от страха в артериях кровообращение и сильное притом случившееся биение сердца, соединенное с ужасным трепетанием всего тела, довольно в состоянии воспричинствовать в оптических нервах такую перемену, от которой и глаза человеческие не могут представлять являемых во время страха вещей, в собственном и натуральном их виде. Разум в таком случае уступает сам воображению и, будучи сим преодолен, признает за существо, какого, кроме как токмо в мыслях человеческих, нигде в натуре не обретается»³²⁸.

Д. С. Аничков делает характерный для дальнейших исследований шаг, начав анализировать человеческое восприятие с анатомических позиций. Воображение, расцениваемое им как инструмент рецепции, может в результате сильного страха переменить «и самое зрение натуральное в человеке». Примеры мифопоэтических описаний по большей части заимствованы им из античной истории, но в то же время не отрицается, что и в его время традиционные практики широко распространены. В качестве примера он приводит описание смерти профессора Рихмана от молнии в 1753 г., когда «невежды» и «дряхлые умом старухи» утверждали, что это ангел ударил профессора огненной проволокой, дабы тот не пытался постичь тайну грома и молний, и признает, что и в его время много «заблуждающихся в брянских лесах» и «непросвещенных на севере».

Все экземпляры этой диссертации были сожжены в Москве на Лобном месте за вольнодумие. Донесение, направленное в Синод,

³²⁶ Аничков Д. С. Религиозно-философские сочинения. С. 11.

³²⁷ Там же. С. 12.

³²⁸ Там же. С. 16.

сообщало, что Аничков явно восстает «противу всего христианства, опровергает священное Писание, богознамения и чудеса, рай, ад и дьяволов, сравнивая их с натуральными и небывалыми вещами, а Моисея, Самсона и Давида — с языческими богами; в утверждение того приводит безбожного Эпикура, Люкреция, да всескверного Петрония»³²⁹.

Но он был не единственным, кто задавался подобными вопросами. Участникам академических экспедиций приходилось собирать данные у аборигенов и, соответственно, определять их достоверность. Интересны рассуждения на эту тему участника Второй камчатской экспедиции С. П. Крашенинникова, приводимые им в сочинении «Описание земли Камчатки»³³⁰, изданном в 1755 г.

В тексте Крашенинникова приводится обзор самых различных элементов пространства от перечня поселений и подвластных народов, животных и растений до замечаний о быте и мировоззрении, в нем встречается ряд черт, характерных для академических текстов. Крашенинников не просто описывает пространство, он пытается вывести закономерности на основе суммы известных фактов. Обнаружив зависимость расположения одного берега горной речки от другого «во всех между горами простирающихся долинах, особливо же узких, где оное весьма ясно видимо», он предполагает, что «сие может несколько служить к подтверждению мнения господина Бургета, которой, подобное сему приметя на горах Альпийских, не усумнился заключить, что такому расположению гор, долинами разделенных, во всем свете быть должно»³³¹.

Животные им не просто описаны, но включены в систему отношений, получив место в общей, хотя еще достаточно примитивной, классификации: «под именем водяных зверей заключаются здесь те животные, которые на латинском языке амфибия называются, для того что оные, хотя по большей части и в воде живут, однако

³²⁹ Кузнецова Н. И. Социокультурные проблемы формирования науки в России (XVIII — сер. XIX в.). С. 54.

³³⁰ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки // С. П. Крашенинников. Полн. собр. ученых путешествий : в 8 т. СПб. : Императорская академия наук, 1818. Т. 1; 1819. Т. 2.

³³¹ Там же. Т. 1. С. 14.

и плодятся около земли, и нередко на берега выходят. Чего ради киты, свинки морские и подобные им, которые никогда не выходят на берег, а от многих причисляются к зверям, не принадлежат к сей главе, но к следующей, в которой о рыбах писано будет: ибо все нынешние писатели о рыбах в том согласны, что кит не зверь, но сущая рыба»³³².

Фрэнсис Бэкон призывал рассечь и анатомировать мир, теперь это происходит буквально. Крашенинников упоминает эксперименты Стеллера с отрезанием конечностей у животных или с выкалыванием глаз морскому коту: «слепой кот на всех других нападал без разбору, не выключая и тех, кои защищали его сторону, за что и все на него устремились как на общего неприятеля, и он не мог получить спасения ни на земле, ни на море»³³³. Но помимо собирания образцов, их систематизации и проведения «бесчеловечных экспериментов», ученые анализировали сведения, добытые у местных народов, и пытались определить их достоверность.

В любом травелогe первым делом указываются сведения о местонахождении автора. Путешественнику в условиях, когда пространство еще не наделено устойчивыми метафорами, приходится заимствовать слова из языка местных народов и пытаться как-то охарактеризовать их. Крашенинников пишет, что слово «Камчатка» объяснялось казаками существованием воина Кончата, жившего при реке и давшего ей название. Однако с такой трактовкой он не был согласен, говоря, что «от природных жителей» река называется Уйкоаль³³⁴.

От названия места зависит сумма коннотаций, связанных с ним в дальнейшем. «Южной конец Камчатского мыса называется Лопаткою по некоторому сходству с человеческою лопаткою»³³⁵. «Хребты, простирающиеся к востоку и западу, во многих местах выдались в море на немалое расстояние, чего ради и называются носами». Имянаречение — важный акт освоения реальности, связанный еще с первичным актом осознания мира.

³³² Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. Т. 1. С. 367.

³³³ Там же. С. 402.

³³⁴ Там же. С. 8.

³³⁵ Там же. С. 2.

Для Крашенинникова слова являются только знаковыми формулами, обозначающими реальные объекты. Для местных же народов слово не только обозначает реальность, но и моделирует ее. Примером служит запись Крашенинникова о том, что местные жители связали необычайно сильные холода с его приездом, «ибо они студента называют своим языком шакаиначь, то есть студеной, и по смешному своему разуму так рассуждают, что при студеных не можно быть теплой погоде»³³⁶. Схожий пример мы видим в описании Курильских хребтов, которые курилы называют «Когач». Крашенинников замечает, что «сим именем называют они и спинки у рыбы, и чрез то по своему замыслу думают изъяснить покрытое морем его качество»³³⁷. Принося рыбе дань и колдуя, курилы рассчитывают благополучно перебраться через хребты, что демонстрирует возможности дискурса довести над ритуальными практиками. И хотя данное восприятие не кажется Крашенинникову логичным или рациональным, он не готов отнести их целиком к области вымысла и суеверий.

В преданиях местных народов природные объекты часто наделены антропоморфными чертами. Горы могут перемещаться с места на место в поиске более комфортных условий или не желая соседствовать с «точащими» их духами. Места, представляющие собой опасность — «кипячие воды», «горелые сопки», камчадалы населяют опасными духами, а «огнедышащие горы» — душами умерших. Крашенинников приводит «басню» о том, как гора Алаида переселилась из центра озера из-за того, что другие горы непрестанно жаловались на нее. Гора ушла в море в поисках уединения, но оставила свое сердце, которое так и стоит посреди Курильского озера³³⁸. Это же предание объясняет и причины возникновения р. Озерной: «Вода из озера устремилась за горою и проложила себе дорогу».

Крашенинников неоднозначно характеризует данные описания. Он замечает, что так как «старики и женщины почитают все вышеописанное за истину — об удивительных их воображениях рассуждать можно»³³⁹, при этом указывая на то, что молодые люди

³³⁶ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. Т. 1. С. 261.

³³⁷ Там же. С. 144.

³³⁸ Там же. С. 148

³³⁹ Там же. С. 149.

над этими преданиями лишь смеются. В то же время он не отрицает, что предания могут быть основаны на катаклизмах, произошедших в реальности: «Басни камчадалские, сколь ни глупы, однако их, по моему мнению, вовсе презирать нельзя: потому что в них без сомнения заключается некоторое известие о древней перемене сих мест, которая по причине многих огнедышащих гор и частых преужасных трясений земли и наводнений и поныне нередко примечается»³⁴⁰.

Метафоры, связанные с антропоморфизацией объектов, проникают в речь ученых и остаются в ней. Например, Крашенинников называет горы огнедышащими, якобы они действительно «дышат» огнем³⁴¹. При этом модели объяснения причин извержения огня у местных народов могут кардинально различаться. По одной из камчадалских версий гору населяют души умерших, питающихся китовым жиром. Китов они ловят под землей, а горит гора, когда покойные китовыми костями «юрты свои топят»³⁴². С. П. Крашенинников не готов принять или отвергнуть данную трактовку, не указав причин ее возникновения: «В утверждение мнения своего объявляют они, будто некоторые из их народа сами в горе бывали, и видали житие своих сродников»³⁴³.

Рассуждая об истоках подобных воззрений, он ссылается на записки Стеллера, где также приведен рассказ про духов гамулов, обитающих в горе и занимающихся варкой китов. Стеллер пишет: «Почему они то знают? Старики их, объявляют они, завсегда в том их уверяли. А в вящее доказательство приводят китовы кости, которых на всех огнедышащих горах много находится». И далее С. П. Крашенинников делает вывод: «Что касается до разности в объявлении камчадалов, тому удивляться не должно, ибо редкие из них люди согласно говорят об одной вещи»³⁴⁴.

Он отмечает расхождение в описаниях, делая вывод, что местные народы не слишком озабочены поиском истоков своих воззрений,

³⁴⁰ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. Т. 1. С. 149.

³⁴¹ Виноградов В. В. История слов / отв. ред. акад. РАН Н. Ю. Шведова. М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 1999. С. 402.

³⁴² Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. Т. 1. С. 282.

³⁴³ Там же.

³⁴⁴ Там же. С. 283.

в то же время указывая, что «возгорание» порождает суеверия не только среди камчадалов, но и среди казаков, которые видят в нем предзнаменование скорого кровопролития и доказывают это былыми примерами, «а притом утверждают, что чем доле и сильнее она горит, тем и больше крови проливается»³⁴⁵.

Представления камчадалов Крашенинников сопоставляет со взглядами «старинных греков», говоря, что они «на басни такие ж художники» и находя общие черты в описаниях божеств, например, что «почитают их за родных братьев, так же как древние греки и римляне»³⁴⁶ или что «бога вообще называют они дустехтичъ, которое имя некоторым образом и почитают так, как афиняне неведомого бога»³⁴⁷.

Хотя Крашенинников и наделяет описания жителей Камчатки коннотациями наивности, он соглашается со Стеллером в том, что «любопытство сего народа, знание силы в травах и употребление их в пищу и лекарство и на другие потребности столь удивительно, что большего не токмо в других отдаленных диких народах, но и в самых политических не можно надеяться»³⁴⁸. Ощущается неоднозначность его позиции. С одной стороны, он склонен критиковать местные «басни», с другой — искать в них рациональное начало и пытаться применять их в деле изучения мира.

Крашенинников не упускает случая демонстрации практических выгод новых методов познания. Услышав про горячие источники, считающиеся бесовским жилищем, он со спутниками решает отправиться туда и показать свою власть над этим местом. В травелог он вспоминает, как они «в ключах лежали, воду пили и мясо вареное в них ели»³⁴⁹ и прославились как удивительные люди, которым и враги навредить не могут, т. е. переубедить камчадалов не удалось, скорее сами участники экспедиции были наделены необычайными свойствами.

³⁴⁵ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. Т. 1. С. 284.

³⁴⁶ Там же. Т. 2. С. 100.

³⁴⁷ Там же. С. 103.

³⁴⁸ Там же. С. 328.

³⁴⁹ Там же. Т. 1. С. 293.

Он приводит многочисленные примеры местных легенд. По мнению жителей Камчатки, гром возникает от того, что некий Кутка, или Билучей, перетаскивает лодки с реки на реку. Без объяснений не обходятся и другие природные явления, обилие которых позволяет Крашенинникову признать, что местные жители философствуют «по смешному своему разуму и любопытству, и ничего без изъяснения не оставляя»³⁵⁰. Он называет их описательные стратегии своеобразной философией, однако смешной и, видимо, не имеющей никаких оснований. Как пример того, с какой скоростью складываются новые «басни», им приведена история про оторванную водой часть острова, про которую «камчадалы тотчас сложили баснь, будто оной острожек разорен от морских касаток по причине произошедшей между ими и камчадалами ссоры за ножик»³⁵¹.

Крашенинников противопоставляет мифопоэтические и христианские практики описания реальности, объясняя обилие суеверий многобожием и рассчитывая, что вскоре «тщанием всемилостивейшие нашей государыни императрицы Елисаветы Петровны и высокоmaterним ее о всех подданных попечением» христианство по всему Северному морю распространится.

Некоторым суевериям Крашенинников старается дать рациональное объяснение. Он отмечает, что ящериц местные считают подземными шпионами, от которых грозит смерть каждому, кто с ними столкнется и отпустит живьем. Те, кто не смог поймать ящерицу, впадают в печаль, ожидая смерти, которая, по словам Крашенинникова, «иногда от уныния их и последует к вящему утверждению прочих в суеверии»³⁵². Само суеверие, по его словам, может служить причиной смерти, воздействуя на внутреннее состояние того, кто в него верит, т. е. в его работе прослеживается попытка «психологического» объяснения определенных мировоззренческих практик.

Не меньший интерес представляют собой сделанные им описания животного и растительного мира. Например, описание бакла-

³⁵⁰ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. Т. 1. С. 269.

³⁵¹ Там же. С. 65.

³⁵² Там же. С. 493.

нов, которых Крашенинников называет их латинским названием — урил. По словам местного населения, языка у урилов нет, поскольку они променяли его каменным барабаном на белое перье, «что на шее и на ногах имеют». Крашенинников замечает: «Однако то неправда, ибо они и по утрам и по вечерам кричат, и звук их издали уподобляет Стеллер трубному голосу, а вблизи нирнбергским робятам в трубы трубящим»³⁵³. Видно, что зачастую авторам приходилось выдумывать собственные метафоры, дабы полнее передать описываемую ими действительность.

Материалы и образцы, собранные за время экспедиций, способствовали формированию нового представления о пространстве. Экземпляры растений пополняли широко распространившиеся к этому времени частные ботанические сады, первым из которых является ботанический сад Г. А. Демидова в Соликамске, заложенный, предположительно, в 1731 г.

От участника Второй камчатской экспедиции Стеллера Демидов узнает о деятельности ботанического сада на Васильевском острове в Санкт-Петербурге, основанном в 1735 г. и о его директоре И. Аммане, который в 1739 г. издает первый ботанический атлас растений России, написанный на латыни и содержащий 35 гравюр. Амман в ходе переписки с К. Линнеем получает различные книги, в том числе «Систему природы», где представлена новая система таксономического членения объектов живой природы.

Наличие систематизаций и атласов позволяет ботаникам пополнять свои коллекции, исходя из знаний о конкретных видах. Демидов по рекомендации Стеллера отправляет Линнею посылку с засушенными уральскими растениями, семенами и корневищами, пополняет коллекцию за счет посылок от Иоганна Лерхе, изучающего флору Персии и Астрахани, Трауготта Гербера, директора Аптекарского огорода, и др., а в 1743 г. И. Гмелин и С. Крашенинников оставляют ему образцы собранных за время экспедиции семян сибирских и камчатских растений³⁵⁴.

³⁵³ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. Т. 1. С. 472.

³⁵⁴ Баньковский Л. Ботанический сад Григория Демидова // Наука и жизнь. 2007. № 2. С. 28.

В заметке от декабря 1742 г. в «Путешествии в Сибирь» И. Г. Гмелин пишет о Демидове: «Он так же большой любитель естественных наук, особенно науки о растениях, большое количество которых он не только сушит в бумагах, но и содержит изящный сад, который стоит ему немалых расходов; и в котором для этой страны есть поистине королевская оранжерея. Многим местным жителям это не понятно. Но он сумел вырваться из предрассудков, и его не беспокоит мнение ни единого человека, кто бы сказал ему: к чему такие расходы? Какой от этого получается доход? Он знает, что ему позволено иметь это невидное удовольствие от божьих созданий»³⁵⁵.

Изучение природных объектов остается привилегией небольшой прослойки общества. Это связано не столько с затратностью, сколько с отсутствием у большинства населения представления о новых практиках фиксации и описания. Большинство заметок академических путешественников изданы на латыни или на немецком языке, многие из них не переведены до сих пор.

И. Г. Гмелин оставил описания растительного и животного мира Сибири, обширные сведения по геологии и этнографии. В работе «Путешествие в Сибирь» он фиксирует пройденное расстояние, описывает города, которые он посетил, деревни и заводы, указывая фактическое количество ключевых строений и церквей, доход населения, качество производства и особенности торговли, но и его интересует ход мыслей представителей отдельных сообществ: «По описаниям моих рассказчиков я пришел к выводу, что староверы живут в каком-то своем, только им понятном мире. Они ходят с видом как будто у них в голове только молитвы». Но все же работа с природными объектами была важнее: «Заводы, руды, растения, птицы доставляли много работы. Это было важнее, чем общение с людьми. Рассматривая предметы неживой природы, мой здравый ум становился намного острее»³⁵⁶.

Особенно интересны ему редкости и необычные явления: «Господин Демидов владеет магнитом из этой горы, который весит

³⁵⁵ Гмелин И. Г. Путешествие в Сибирь / отв. ред. Е. В. Смирнов; пер. с нем. Д. Ф. Криворучко. Соликамск, 2012 [Электронный ресурс]. URL: <https://uraloved.ru/starosti/gmelin-puteshestvie-v-sibir> (дата обращения: 11.04.2020).

³⁵⁶ Там же.

13 фунтов или 40 русских фунтов. Я его видел среди редкостей в городе Невьянске, а в доме господина государственного советника есть пушка весом в пуд»³⁵⁷.

Как и Крашенинников, Гмелин старается найти рациональное объяснение необычным явлениям и обрядам: «Во время обряда на вершине горы у охотничьего дротика должна часто показываться женская фигура в богатом вогульском одеянии. Никто не смел туда приблизиться, но вскоре неожиданная невидимая сила сбивала ее на землю (может, это был помощник священника с недюжинной силой)»³⁵⁸.

Рассуждая о цветных прожилках в камне, он делает важное наблюдение: «Кажется, природа почти раскрыла себя: из сероватого, голубоватого, черноватого камень постоянно переходит в зеленый, а зеленый переходит в асбест. Как я себе это представляю: серый камень создан так с самого начала. За длительное время он превращается в зеленоватый волокнистый, а затем через время становится асбестом»³⁵⁹. Для Гмелина факт трансформации объектов во времени уже не является чем-то неординарным, да и границы времени уходят в прошлое на неопределенное расстояние.

Однако для большинства его занятия кажутся довольно бессмысленными и не имеющими прикладного значения. Автор сожалеет, что солеварни «принадлежат частным лицам, у которых при подобных проверках возникают удивление и различные мысли о том, какие цели эти исследования имеют. Интерес этих людей направлен только на понятие собственной выгоды, и никто из них не может себе представить, что можно заниматься исследованиями только исходя из интереса изучения природы». «Таможенники осмотрели все снаружи; когда они никаких запрещенных товаров не обнаружили, на их лицах можно было прочесть, что растения, минералы и другие природные предметы вызывали у них отвращение»³⁶⁰.

Путешественники академических экспедиций 1760-х гг. продолжают включать в свои описания как заметки естественно-на-

³⁵⁷ Гмелин И. Г. Путешествие в Сибирь.

³⁵⁸ Там же.

³⁵⁹ Там же.

³⁶⁰ Там же.

учного характера, так и этнографические обзоры, уделяя внимание историческим памятникам и артефактам. Участник академической экспедиции 1768–1774 гг. И. П. Фальк не только фиксирует сведения о географических объектах, населении, производстве и торговле, но изучает остатки мегалитов и переписывает надписи с надгробий.

Рациональное объяснение местных преданий также является для него одной из важных задач. Легенда о находящемся возле Сызрани месте, где земля расщепляется и из нее выходят огненные языки, объясняется им тем, что горный берег содержит много горючего шифера и смолы, а глинистые пласты — много колчедана. И этим «оное явление весьма удобоизъяснимо»³⁶¹. Не вызывает у него доверия и легенда об основании города на берегу Ахтубы, связанная с тем, что супруга хана Вохани из ревности бросила в озеро столько сахара, «что на оный слетелись все птицы из окрестных мест», после чего это место стало излюбленным у охотников. «Странное происхождение города»³⁶², — заключает он. В остальном же травелог Фалька скорее соответствует травелогам освоения, в которых фиксация естественных феноменов и явлений произведена с целью сделать текст полезным для нужд государства.

Схож по описательным стратегиям и травелог И. Лепехина, предпринявшего путешествие по «провинциям Российского государства» в 1768–1769 гг. Объяснения местных жителей, лежащие за пределами научной описательной парадигмы, фиксируются им в значении рассказней простолюдинов. О встреченном им лекаре он пишет: «Сколько он унижал наше трудами и порядочным учением приобретенное искусство врачевания, столь много выхвалял покойной бабушки своей лечебник и неудобопонятную его пользу»³⁶³. Лепехин иронично называет его «Арзамасский Ипократ», отсылая к античному образу, как и в эпизоде, когда он жалеет, что не имеет Дедаловых крыльев, чтобы быстрее добраться до цели.

³⁶¹ Фальк И. П. Записки путешествия академика Фалька // Полное собрание ученых путешествий : в 8 т. СПб. : Императорская академия наук, 1824. Т. 6. С. 106.

³⁶² Там же. С. 126.

³⁶³ Лепехин И. Записки путешествия академика Лепехина // Полное собрание ученых путешествий : в 8 т. СПб. : Императорская академия наук, 1821. Т. 3. С. 78.

Лепехин пересказывает приводимое лекарем описание лихорадки, в которой тот видел «не знаю каких-то девять крылатых сестер, неприязненных человеческому роду, которые в земных челюстях содержатся на цепях, и когда их спускают, тогда без милости нападают на людей», на основании чего лекарь делает вывод, что чем больше больных, тем лучше, ибо они, «перелетая от одного больного к другому, не так долго трясут»³⁶⁴. Подобные описания не вызывают у Лепехина ничего, кроме усмешки. Однако он не рассчитывает, как это делал Крашенинников, что распространение христианства позволит искоренить суеверия, напротив, сожалеет, что жители деревень стараются объяснять происходящие явления божественным промыслом, сняв с себя таким образом всякую ответственность, а на задаваемые вопросы «не отвечали, кроме что, кто может знать Божескую волю и ей противиться».

Однако путешественник и сам зачастую отказывается от поиска объяснений наблюдаемых явлений. Рассуждая об обнаруженных под землей костях мамонта, И. Лепехин замечает, что нет однозначного толкования их происхождения. Одни видят причину во Всемирном потопе, есть и те, кто называет их просто «игрушками природы», пишет он, но «исчислять их доказательства как не нужно, так и скучно бы было»³⁶⁵. «Если бы судьба определила нам прожить по крайней мере столетие, и если бы в оное время случай открыл погребенные в самом Петербурге издохших слонов кости, без сомнения ни с малым бы нашим удивлением слышали многих умников рассуждения, проницающие в самую глубочайшую древность земного шара»³⁶⁶.

За сто лет до Лепехина английские путешественники также задавались вопросом о происхождении различных костей и окаменелостей. «Исторические древности — руины, обломки, находки из земли, а также природные древности — окаменелости и раковины — заставляли исследователей строить гипотезы об облике того мира, частью которого они были»³⁶⁷. Физические объекты меняли

³⁶⁴ Лепехин И. Записки путешествия академика Лепехина. С. 80.

³⁶⁵ Там же. С. 303.

³⁶⁶ Там же. С. 305.

³⁶⁷ Зверева В. В. Антикварианизм XVI–XVII веков: представление прошлого в контексте научной революции. С. 768.

представление о прошлом, в особенности о далеком прошлом, позволяя реконструировать образы представителей дописьменных культур и образ мира в прошлом. Материальные предметы становились важнейшим объектом изучения и понимания мира, являясь одновременно и единичными образцами реальности, и объектами, на основе которых эта реальность моделируется.

Важной характеристикой материального объекта служит время его возникновения. Христианская точка зрения говорила, что мир был создан в 5508 г. до н. э., однако это противоречило новым данным. В. В. Зверева приводит пример из травелога Роберта Плота «Естественная история Оксфордшира»³⁶⁸, опубликованного в 1677 г. Ему тоже пришлось ломать голову, размышляя о происхождении огромных костей, обнаруженных на окруженном водой острове. Чтобы проверить местную легенду о том, что это были останки слонов римского императора Клавдия, он отправился в Оксфорд и сопоставил найденные кости с костями слона, но они оказались совершенно иными. Ему ничего не оставалось, кроме как, вооружившись Библией, заявить, что это остатки древних людей, которые могли быть крупнее современных³⁶⁹.

Английские путешественники на протяжении XVII в. спорили о происхождении таинственных раковин морских животных на вершинах гор. Одни отстаивали идею Всемирного потопа, другие — землетрясения или идею, что это вовсе не окаменелости, а обычные камни причудливой формы. Вопросы вызывали и встречающиеся мегалиты. Один только Стоунхендж породил бесчисленное количество теорий о своем происхождении и назначении. Член Королевского общества Уолтер Чарлтон в 1663 г. издает в Лондоне книжку «Гигантские хоры, или Самая известная древность Британии, называемая в народе Стоунхендж». В предисловии помещено стихотворное посвящение Р. Ховарда под заголовком: «Моему достойному другу, доктору Чарлтону, в честь его превосходного открытия, что “Стоунхендж” служил племени даннов для

³⁶⁸ Plot R. The Natural History of Oxford-shire. London : Mr. Moses Pits at the Angel in St. Pauls Church-yard, 1677.

³⁶⁹ Зверева В. В. Антикварианизм XVI–XVII веков: представление прошлого в контексте научной революции. С. 768.

инаугурации королей, а не являлся римским храмом, как предполагал мистер Иниго Джонс»³⁷⁰. В нем есть такие строки: «Твой Стоунхендж стал не менее велик, / Где Храм мог быть, там ныне Трон возник. / Монархии мы преданы давно, / Должны запомнить навсегда одно, / Осанну истинную восклицали там, / Не для Богов лишь, но и Королям»³⁷¹.

В отличие от У. Чарлтона Джон Обри в работе «Британский памятник»³⁷² готов расстаться с традиционным представлением об историческом времени и отнести происхождение Стоунхенджа к глубокой древности, предположив, что его творцами были представители дописьменной друидической культуры. «Эти древности так безмерно стары, что их не достигает ни одна книга»³⁷³.

Отказ от библейской даты творения мира означал грандиозные перемены в восприятии места человека во времени и в пространстве. Границы космоса стремительно расширялись со времени изобретения телескопа, а теперь и прошлое перестало быть очевидным и простым. Вместе с изменением временных границ встал вопрос о трансформациях, происходящих с человеком. Когда же тогда жили Адам и Ева, как давно случился Потоп и возможно ли существование древних, не упоминавшихся в Библии цивилизаций?

Требовались новые описательные стратегии, чтобы представить пространство с учетом трансформаций в прошлом. Обри пишет: «Давайте представим, что это была за страна во времена древних бриттов, какова была природа почвы — болотистая, лесистая земля, особенно подходящая для произрастания дубов. Можно заключить, что северной границей был тенистый мрачный лес, и что жители

³⁷⁰ *Charleton W. Chorea Gigantum, or the Most Famous Antiquity of Great-Britan...* London : Printed for Henry Herringman, 1663 [Electronic resource]. URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A69727.0001.001/1:4?rgn=div1;view=fulltext> (accessed: 10.05.2020).

³⁷¹ Ibidem.

³⁷² *Aubrey J. Monumenta Britannica, or, A Miscellany of British Antiquities* : In 2 p. / ed. J. Fowles. Sherborne : Dorset Pub. Co., 1980–1982. (Рукописный вариант составлен в 1665–1693 гг.)

³⁷³ Цит. по: *Зверева В. В. Антикварианизм XVI–XVII веков: представление прошлого в контексте научной революции. С. 770.*

были дикими, почти как звери, чьи шкуры служили им единственным одеянием... Я думаю, что они были в два или три раза менее дикими, чем жители Америки»³⁷⁴.

В 1707 г. Эдвард Ллуйд опубликует первый том «Британской археологии», упомянув в предисловии о своем пятилетнем странствии по Англии во имя преумножения знаний³⁷⁵. Помимо описания археологических древностей он приводит обширный англо-ирландский словарь, поскольку собирание слов и их систематизация играют в это время не меньшую для понимания мира роль, чем коллекционирование физических объектов³⁷⁶.

Мир и пространство приобретали новые значения в результате экспериментальных практик, для которых создавалось специальное оборудование. Члены Королевского общества изобретали новые и модифицировали уже имеющиеся устройства, некоторые из них, например, микро- и телескопы позволяли человеку увидеть мир таким, каким он не был никогда прежде. А различные барометры и термометры давали возможность зафиксировать и соответственно обозначить существование давления и температуры, хотя воздух в XVII в. еще представлял собой загадку. Считалось, что это некий вдыхаемый и выдыхаемый эфир, каким-то образом поддерживающий жизнь в организмах. Только в XVIII в. английский и французский физики Д. Пристли и А. Лавуазье докажут, что воздух — это не единое вещество, а сумма газов.

Трансформация в восприятии времени и необходимость составления классификаций заставляли исследователей думать о возможных изменениях, происходящих в природе. В случае отказа от библейской трактовки существенным становился вопрос о происхождении человека. Уже Карл Линней рассуждает о возможном родстве человека и обезьяны. Эта идея вызвала волну неодобрения, в том числе среди исследователей. К. Линней пишет Гмелину: «Неудобно то, чтобы я помещал человека среди

³⁷⁴ Там же.

³⁷⁵ *Lhuyd E. Archaeologia Britannica: an Account of the Languages, Histories and Customs of Great Britain, from Travels through Wales, Cornwall, Bas-Bretagne, Ireland and Scotland. Oxford : Printed at the theater for the author, 1707. Vol. 1. P. b.*

³⁷⁶ *Ibid. Vol. 1. P. 299.*

антропоморфных, но человек познает самого себя. Давайте оставим слова, для меня все равно, каким бы названием мы ни пользовались, но я спрашиваю у тебя и у всего мира родовое различие между человеком и обезьяной, которое (вытекало бы) из основ естественной истории. Я самым определенным образом не знаю никакого; если бы кто-либо мне указал хотя бы единственное... Если бы я назвал человека обезьяной или, наоборот, на меня набросились бы все теологи. Может быть, я должен был бы это сделать по долгу науки»³⁷⁷.

В России утверждение нового представления о пространстве встречало сопротивление как со стороны церкви, так и государственной власти, не всегда допускавшей свободу мысли и научного творчества. Идея природы как самостоятельного, не зависящего ни от божественных, ни от политических предубеждений объекта в России XVIII в. существовала скорее благодаря отдельным исследователям, для которых научные достижения были важнее государственных почестей. В XVIII в. это были преимущественно иностранцы, приехавшие в Россию в надежде воспользоваться ее неосвоенностью и совершить выдающиеся открытия в области биологии, ботаники, геологии и пр.

О том, с какими трудностями сталкивались новые идеи в России, можно судить на примере истории теории Коперника. При Петре Первом, когда поощрялось распространение знаний из самых различных областей, печатались, пускай и с рядом трудностей, астрономические листы и даже научные трактаты, например, «Космотеорос» Гюйгенса, которого, однако, в 1717 г. вместо заказанных 1 200 было напечатано всего 30 экз.

Директор петербургской типографии Аврамов в одном из писем сообщает: «и по прибытии Его Величества, рассмотрел я оную книжищу, во всем богопротивную. Вострепетав сердцем и ужаснувшись духом и горьким слез рыданием, пал перед образом Богоматери, боясь печатать и не печатать, но по милости Иисуса Христа, скоро положился в сердце моем: для явного обличения тех сумасбродов безбожников, явных богоборцев, напечатать под крепким моим

³⁷⁷ Рохлина М. Л. Линней и его «Система природы». С. 47.

присмотром, вместо 1200 книг только 30, и оные запечатав, спрятал до прибытия государева»³⁷⁸.

Вплоть до начала правления Екатерины Второй революционные научные идеи продолжали встречать серьезное сопротивление. Только при Екатерине теория Коперника перестала быть официально запрещенной, а в 1786 г. ее официально включили в школьную программу³⁷⁹. Но в научной среде эта теория была достаточно распространена, о чем можно судить по стихотворению М. Ломоносова, написанному в 1761 г., где он приводит доказательство теории от лица некоего повара: «Что в том Коперник прав, / я правду докажу, на Солнце не бывав. / Кто видел простака из поваров такого, / который бы вертел очаг кругом жаркого?»³⁸⁰

Несмотря на то, что практики научного описания пространства приживались в России с большими трудностями и в значительной степени оставались результатом изысканий единичных авторов, научные экспедиции дали России как понимание собственного географического устройства, так и знание о народах, на ее территории проживающих. Деятельность ученых оказала значительное влияние и на русский язык, реформированием которого занялся еще Петр Первый. «Не только идеи и “матрицы” мысли были завезены. Бурно развивался самый русский язык — обогащался лексикой, изменял свои устные и письменные формы, используя для калькирования и звуковые ряды западно-европейских языков, и новую научно-техническую терминологию»³⁸¹.

Академические путешественники, для многих из которых русский не был родным языком, составляют словари и фиксируют новые значения слов. Ярким примером служит словарь П. С. Палласа, руководителя экспедиции 1768–1774 гг., за время которой им был собран значительный материал по флоре, фауне, геологии и этно-

³⁷⁸ Кирсанов В. Избранные труды. Воспоминания коллег и друзей. Стихи. Рисунки / В. Кирсанов; сост.: Н. В. Вдовиченко, О. А. Хазова. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2010. С. 43.

³⁷⁹ Там же. С. 54.

³⁸⁰ Ломоносов М. В. Избранные произведения : в 2 т. М. : Наука. 1986. Т. 2. С. 275.

³⁸¹ Кузнецова Н. И. Социокультурные проблемы формирования науки в России (XVIII — сер. XIX в.). С. 59.

графии. Как и участниками других академических экспедиций конца 1760-х гг., им были собраны многочисленные сведения о культуре и обычаях народов России, которые впоследствии будут изданы в различных книгах, например, в сочинении «Исторические известия о монгольском народе» (1776–1801). Но главным его трудом считается сочинение «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы», первый том которого издан в 1787 г. Словарь был представлен в виде тезауруса, где к каждому слову русского языка приведены аналоги на языках мира.

Систематизация слов была связана как с традицией, так и с личным представлением Палласа о классификациях и иерархии понятий. В предисловии он пишет: «Искусные в знании языков усмотрят сами, что в сем сочинении наблюдаемо было, сколько можно, чтобы показать приметное сродство различных наречий». Первым располагалось слово «Бог», представленное на 200 языках, затем «Небо», далее термины родства, части человеческого тела, абстрактные понятия, названия природных явлений и пр. То, что на первом месте в словаре стоит слово «Бог», можно воспринимать как дань религиозной картине мира и как символ единства человечества на земле. В словаре языков мира И. Х. Аделунга «Митридат, или Общее языкознание», издававшегося в Берлине с 1806 г., приведен перевод молитвы «Отче наш» на 500 языках.

Христианские практики и научное знание переплетались в России довольно интересным образом. Е. Н. Ивахненко замечает, что на момент внедрения европейских описательных практик в России еще не сложилось школы рационального богословия: «Поэтому влияние “духовной цензуры” сводилось не к попыткам опровержения научной аргументации ученых, а к тем мировоззренческим выводам, которые из них делались. Делались же они часто людьми далекими от подлинной науки и европейской образованности»³⁸².

Показательно, что в открывшемся в 1755 г. Московском университете лекции по физике читались на философском факуль-

³⁸² Ивахненко Е. Н. Образование, наука и религия в русском Просвещении: в поисках компромисса. Ч. 2 // Вестн. РГГУ. Сер. Философия. Социология. Искусствоведение. 2019. № 3 (2). С. 208.

тете и относились скорее к разряду математических дисциплин, а не к наукам об окружающем мире. Так, летопись университета за 1791 г. сообщает, что после смерти проф. И. А. Роста опытная физика и прикладная математика будут преподаваться раздельно³⁸³.

Уникальность взаимодействия научных и традиционных практик «формировалась под влиянием разнообразных “техник власти”, а также особой “логики цензуры”, в совокупности оказавших на ход развития научного знания не менее серьезное воздействие, чем эксперименты или гипотезы»³⁸⁴. Естествознание являлось «некоторым родом богословия», поскольку подводило к «высочайшим рассуждениям о Творце вселенной»³⁸⁵. Е. Н. Ивахненко, ссылаясь на популярную в то время формулу немецкого философа Вольфа «все имеет причину, для чего она есть», пишет: «Православное богословие в таком виде получило дополнительный рациональный ресурс со стороны “естественной телеологии”, науки о том, как “все возможно через Бога”»³⁸⁶.

Математика в середине XVIII в. играла в научной жизни существенную роль, влияя на химические дисциплины и разделы физики, например, механику. Однако роль механики становилась к концу века все более прикладной. Химия и физика встали перед необходимостью объяснения многочисленных явлений, с трудом фиксируемых человеческими органами чувств. Среди ученых шли споры о природе тепловых, электрических и магнитных явлений. «Обращение естествоиспытателей в поисках субстанции физических и химических явлений к флюидам или силовым сферам, имеющим иные свойства и характеристики, нежели материальная субстанция, принятая в системе механистического атомизма, вполне убедительно выглядело дополнительным аргументом в пользу идеалистической философии»³⁸⁷. Иными словами, ученые столкнулись с необходимо-

³⁸³ Шевырев С. П. История имп. Московского университета, написанная к столетнему его юбилею, 1755–1855. М. : Университетская типография, 1855. С. 237.

³⁸⁴ Ивахненко Е. Н. Образование, наука и религия в русском Просвещении: в поисках компромисса. Ч. 2. С. 210.

³⁸⁵ Там же. С. 212.

³⁸⁶ Там же.

³⁸⁷ Уткина Н. Ф. Естествонаучный материализм в России XVIII века. С. 124.

стью объяснения явлений, которые невозможно ни уловить, ни измерить, по крайней мере пока для этого не изобретены специальные приборы. Микроскопы и телескопы показали, что человеческий глаз не способен улавливать многие наблюдаемые явления. Барометры и термометры показали необходимость использования приборов для фиксации и измерения характеристик окружающего мира.

В 1687 г. в работе «Математические начала натуральной философии» Исаак Ньютон отказывается от объяснения причин выведенной им силы тяготения, т. е. гравитации. «Это сила происходит от некоторой причины, которая проникает до центра Солнца и планет без уменьшения своей способности и которая действует не пропорционально величине поверхности частиц, на которые она действует (как это обыкновенно имеет место для механических причин), но пропорционально количеству твердого вещества, причем ее действие распространяется повсюду на огромные расстояния, убывая пропорционально квадратам расстояний... Причину же этих свойств силы тяготения я до сих пор не мог вывести из явлений, гипотез же я не измышляю»³⁸⁸.

Многие современники восприняли подход Ньютона как вызов, обвиняя его в оккультизме, мистицизме и возвращении в Средневековье, где только и была возможна вера в воображаемое. «Ньютоновское притяжение, по мнению Лейбница, открывало приют для невежества и лености ума, заменяло философию разума, причинности на философию оккультных качеств»³⁸⁹. Д. Бернулли писал: «Природа тяготения, вероятно, не постижима, и только можно пожалеть, что это начало стоит настолько выше человеческого разумения, что, думается, нет никого, кто был бы в состоянии каким-либо образом его понять»³⁹⁰.

Как бы не воспринимались идеи Ньютона, они открыли путь новым подходам к восприятию реальности. Возник целый ряд флюидных теорий: «Флюиды типа “теплотвор”, “светотвор”, “флогистон”, “электрическая материя” представлялись последними

³⁸⁸ Уткина Н. Ф. Естественнаучный материализм в России XVIII века. С. 118.

³⁸⁹ Там же. С. 119.

³⁹⁰ Там же.

физическими сущностями, о природе которых ставить вопросы не имеет смысла»³⁹¹. Все это вело к утрате математикой статуса основополагающей науки в деле постижения пространства. Геометрические измерения и фактическая схематизация стали казаться слишком узконаправленными и не отражающими полную картину устройства мира.

Философы начинают разрабатывать программы, включающие новые данные из области естественных наук. Кант считал, что пространство — это «априорная форма созерцания, его невозможно мыслить, но оно не дается и через ощущения. Оно само есть условие познания чувственного мира»³⁹², а Шеллинг, что такие «деятели» природы, как свет, магнетизм, электричество, лишенные “всякого следа материальности”, доказывают существование “мирового духа”»³⁹³.

В российской философской мысли можно встретить схожий поиск новых ориентиров, связанный не столько с открытиями в области физики и химии, сколько с созданием особого научно-религиозного синтеза. Например, секретарь Сената Я. П. Козельский в сочинении «Философические предложения» в 1768 г. описывает такой инструмент познания реальности, как душа: «Разум есть способность человеческой души представлять себе явственно истины»³⁹⁴; «Действие то, когда душа представляет себе и понимает вещи, называется познание (*cognitio*)». При этом важную роль в восприятии реальности играет воображение: «Способность души нашей, чтоб представлять себе отсутствующие вещи так, как присутствующие, называется воображение»³⁹⁵; «Как посредством чувствования понимаем мы присутствующие вещи, так чрез воображение

³⁹¹ Уткина Н. Ф., Ничик В. М., Шкуринов П. С. и др. Русская мысль в век Просвещения. М. : Наука, 1991. С. 148.

³⁹² Гайденко П. П. Эволюция понятия науки: Становление и развитие первых научных программ. С. 246.

³⁹³ Уткина Н. Ф. Естественнонаучный материализм в России XVIII века. С. 124.

³⁹⁴ Козельский Я. П. Философские предложения // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в. : в 2 т. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1952. Т. 1. С. 457.

³⁹⁵ Там же. С. 459.

представляем себе и возобновляем вид прежде понятых вещей; а чрез память познаем, что понятия, которые снова производим чрез воображение, суть те, которые мы прежде имели»³⁹⁶.

Отныне путешественников будут волновать чувства и образы. Механическая модель мира утратила авторитет, и физические объекты начали терять былую привлекательность, перестав быть уникальными элементами реального мира. Возможно, поэтому исчезнет Ботанический сад Демидова и химическая лаборатория Ломоносова. Изучение мира останется уделом узкой группы специалистов, а опыты и эксперименты станут восприниматься скорее как развлечение, а не постижение божественных тайн. Начинается эпоха, когда понимание мира будет зависеть в первую очередь от субъективных ощущений самого автора.

³⁹⁶ Козельский Я. П. Философские предложения. Т. 1. С. 459.

Глава 4

ПОНИМАНИЕ МИРА

4.1. Великобритания

Изменения в моделях научного описания XVII–XVIII вв. легитимизировали роль воображения в литературе путешествий, отстаиваемую авторами на протяжении предшествующих столетий. Филипп Гоув отмечает важную характеристику воображаемых путешествий, написанных до конца XVIII в.: «Автор может объявить в заголовке или подзаголовке, что он написал басню, восточную сказку, юмористический рассказ или исторический роман, но он вряд ли скажет, что его путешествие было воображаемым»³⁹⁷.

Одним из ранних примеров воображаемого травелога служит изданное в 1590 г. путешествие Эдварда Уэбба «Редкие и чрезвычайно удивительные вещи, которые довелось увидеть англичанину Эдварду Уэббу в его непростых странствиях в таких городах, как Иерусалим, Дамаск, Вифлеем и Галилея, а также в землях Иберии, Египта, Греции, России и Пресвитера Иоанна...»³⁹⁸. Показательно, что автор настаивает на документальности своего сочинения. В обращении к читателю он пишет: «Возможно, некоторые глупцы будут утверждать, что здесь только ложь и выдуманные басни, на что я им отвечу, что все сказанное мной, в чем они сомневаются или считают недостоверным, они могут легко уточнить у меня лично, либо справиться у величайших путешественников и торговцев,

³⁹⁷ Babcock G. P. The Imaginary Voyage in Prose Fiction, 1700–1800: a History of its Criticism and a Guide for its Study, with an Annotated Checklist of 215 Imaginary Voyages from 1700 to 1800. New York : Columbia UP, 1941. P. 5.

³⁹⁸ Webbe E. The Rare and Most Wonderfull Things Which Edw. Webbe an Englishman Borne, Hath Seene and Passed in His Troublesome Travailes. London : Printed by Ralph Blower, 1590.

которые, несомненно, подтвердят истинность сказанного здесь и даже сообщат больше, поскольку я уже не в силах вспомнить всего произошедшего со мной за время моих трагичных злоключений»³⁹⁹. В тексте описываются обычаи и особенности политического устройства в странах, которые он посетил, а также необычные явления и удивительные животные, формируется гибридный образ пространства, в котором превалируют политические отношения и обитают фантастические существа, подобные тем, которых описывал Джон Мандевиль в середине XIV в.

О своем пребывании в татарском плену он пишет: «Я заметил одну важную вещь. Их дети никогда не открывают глаза раньше, чем через девять дней и девять ночей после рождения», на застолье во дворце пресвитера Иоанна замечает: «Когда Пресвитеру Джону накрывают стол, у всех окрестных продавцов не остается соли, но когда разрезают лепешку, над ней скрещивают два ножа и высыпают по лезвиям горстку соли и не грамма больше», а про реку в Сирии сообщает, что в ней «множество рыбы, но ни один иудей не может поймать ее, а христиане и турки вылавливают несметное количество»⁴⁰⁰.

Травелог Уэбба содержит несколько гравюр, служащих наглядным подтверждением сказанного автором (рис. 18). На одной изображен бородатый «дикарь», о котором говорится, что он служит диковинкой при дворе пресвитера Иоанна, при этом отмечается, что еще одного такого можно увидеть в Константинополе. «Он весь покрыт волосами, носит накидку и ест мясо осужденных преступников». На двух других гравюрах изображены единорог и слон. «В парке при дворе Пресвитера Иоанна я одновременно увидел шестьдесят и семнадцать живых единорогов и слонов, и они были настолько ручными, что с ними можно было играть, как с ягнятами»⁴⁰¹.

В духе травелогов второй половины XVI в. Уэбб уделяет особое внимание формированию образа чуждых ему культур — мусульман, католиков и москвитян, предстающих в негативном свете. Он замечает, что москвитяне «одеты как турки или татары — в меховые

³⁹⁹ *Webbe E.* Op. cit.

⁴⁰⁰ *Ibidem.*

⁴⁰¹ *Ibidem.*

шапки и шубы», и отдельно описывает их жестокость: «должнику наносят столько ударов деревянным молотком по лбу и голеним, сколько назначит судья, у турок есть похожее наказание, только должников бьют по пяткам прутьями». «Благородные люди находятся под стражей вместе с детьми и родственниками, а по наступлению морозов, (эта страна ужасно холодна), в реке выдалбливается прорубь. Сначала туда бросается глава семьи, затем жена, а затем дети и остальные родственники, таким образом не остается никаких наследников, и имущество раздается по усмотрению императора»⁴⁰².

Рис. 18. Иллюстрации из травелога Э. Уэбба (1590)⁴⁰³

Фиктивность путешествия Уэбба не вызывает сомнения. Х. Хайм указывает на неточности в упоминаемых Уэббом датах, а также на отсутствие в тексте профессиональной лексики, которую Уэбб, называющий себя артиллеристом, должен был включить, описывая

⁴⁰² Webbe E. Op. cit.

⁴⁰³ Ibidem.

сражения: «В книге нет ни одного предложения, которое не могло бы быть написано человеком, никогда не покидавшим Лондон, с помощью текста Мандевиля и ему подобных»⁴⁰⁴.

Так или иначе образы в тексте Уэбба отсылают к реально существующим пространствам. Автор настаивает на их реальности и моделирует образ этой реальности в сознании читателя, готового поверить в их достоверность и приобщиться к знанию о географическом устройстве мира.

Совсем другая стратегия описания дана в путешествии по России дипломата Томаса Смита в 1604 г.,⁴⁰⁵ авторство которого приписывается драматургу Джорджу Уилкинсу⁴⁰⁶. Поэтические образы пронизывают текст, формируя как образ пространства, так и образ самого автора: «...желая всего хорошего каждому, кому по сердцу море, сам я всегда предпочту оставаться на суше и оттуда уж созерцать “одно из трех красивейших зрелищ на свете — корабль на всех парусах”, то “вздымающийся” (по выражению моряков), подобно льву, ставшему на задние лапы, то привскакивающий и приседающий, словно русский медведь во время травли превосходными английскими псами»⁴⁰⁷.

Это сочинение отличается от предшествующих целым набором характеристик, таких как диалог с читателем, рефлексия письма, наличие ссылок на других авторов и полемика с ними: «...но мысль, что в драгоценных трудах стольких славных писателей, как, например, мистера Ричарда Гаклейта, уже говорилось о ней [Волге] с достаточною подробностью, побуждает меня отказаться от описания как самой реки, так равно и города, сославшись на тех, которые уже делали подобного рода описания, в особенности же на правдивое

⁴⁰⁴ Hime H. W. The Travels of Edward Webbe // The English Historical Review. 1916. Vol. 31. Is. 123. P. 464–470.

⁴⁰⁵ Sir Thomas Smithes. Voiage and Entertainment in Rushia. London : J. Roberts and W. Jaggard, Nathanyell Butter, 1605.

⁴⁰⁶ Palmer A., Palmer V. Who's Who in Shakespeare's England: Over 700 Concise Biographies of Shakespeare's Contemporaries. London : Published by Palgrave Macmillan, 1999. P. 231.

⁴⁰⁷ Сэра Томаса Смита путешествие и пребывание в России / пер. и прим. И. М. Болдакова. СПб. : Типография В. С. Башлачева, 1893. С. 11.

описание доктора Флетчера, бывшего некоторое время послом при нынешнем царе»⁴⁰⁸.

Автор завуалированно заявляет об особой роли воображения в описании реальности: «Или, наконец, я мог бы пуститься в описание разных мысов и песчаных отмелей, рифов и скал, островов и водоворотов и пр. Но все это предметы для чуждого мне языка, на котором люди не краснеют фантазировать, как истые поэты <...>. Но я охотно воздерживаюсь от всякого подражания поэтам, хотя и вполне признаю их высокое значение, памятуя, какими проклятиями осыпает достопочтенный автор “Апологии поэзии” тех, кто не почитает поэтов»⁴⁰⁹.

Он пишет о своей непричастности к поэтическому кругу, осуждая поэтов за смешение фактов и недостоверность информации, но и намекает на их особую роль в формировании образа реальности, ссылаясь на произведение Филипа Сидни «Апология поэзии», в котором раскрыта выбранная автором стратегия: «Лишь поэт, презирающий пути любого рабства, воспаряет на своем вымысле, создает, в сущности, другую природу. Он создает то, что или лучше порожденного Природой, или никогда не существовало в Природе, например Героев, Полубогов, Циклопов, Химер, Фурий и прочих. Так он идет рука об руку с Природой, не ограниченный ее дарами, но вольно странствующий в зодиаке своего воображения. Природа никогда не украсит землю столь богато, как это сделали поэты, ее реки не будут красивее, деревья плодоноснее, запах цветов нежнее, ей не сделать нашу безмерно любимую землю еще прекраснее. Ее мир — это медь, которую поэты превращают в золото»⁴¹⁰. Не фиксация личных наблюдений, а создание новых поэтических образов является, по версии Сидни, одним из ключевых преимуществ поэтического воображения. Фактически постулируется возможность создания новой реальности, не ограниченной никакими границами известного мира — пространства, существующего только в воображении автора и в его текстах.

⁴⁰⁸ Сэра Томаса Смита путешествие и пребывание в России. С. 13.

⁴⁰⁹ Там же.

⁴¹⁰ Сидни Ф. Астрофил и Стелла. Защита поэзии / под ред. Л. И. Володарской. М.: Наука, 1982. С. 153.

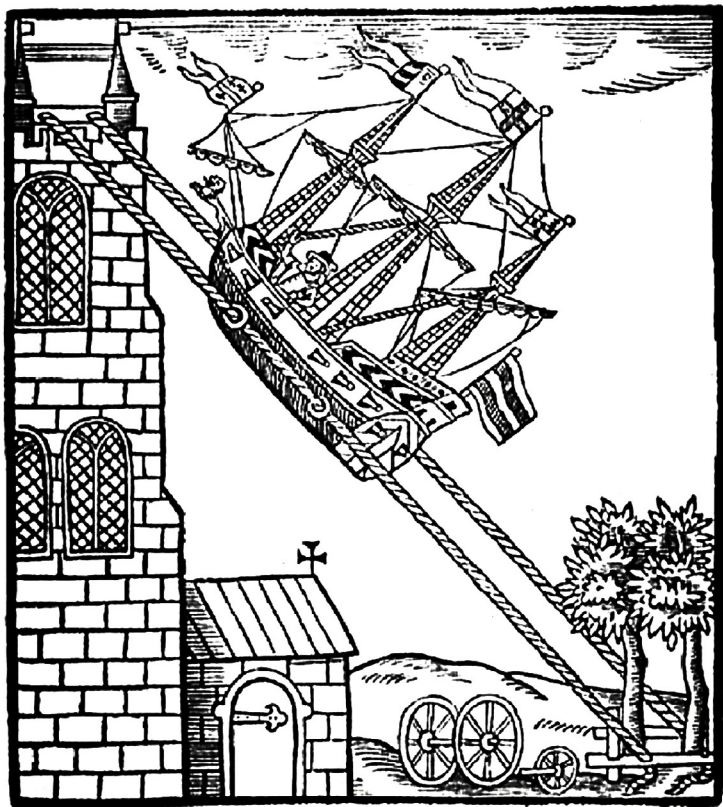
В «Безумных путешествиях» авторы играли с реальностью, придавая ей дополнительные характеристики. В «Правдивом отчете...» о странствии Уильяма Буша 1607 г. путешественник вознамерился добраться на судне до Лондона по воздуху, земле и воде (рис. 19). «Многие друзья, ученые, священники и прочие сошлись, дабы уберечь его от опасного начинания, считая затею авантюрной, цель опасной, а его самонадеянность вопиющей, и видя великий грех в его уповании на божью милость в столь странной и неслыханной дерзости. Но разве мог кто-либо отговорить его от столь удивительного начинания? Он чувствовал на себе милостивую руку Господа, готового сопутствовать ему во всех делах, особенно в этом путешествии»⁴¹¹.

Антони Никсон, записавший историю путешествия Буша, не ставит под вопрос ее достоверность, но уверяет нас, что даже те, кто имел дело с «наиопытнейшими мореплавателями земли», включая ветеранов северо-западного прохода и плаваний в Индию, никогда не смогли бы сообщить о чем-то похожем на то, что устроил этот джентльмен»⁴¹². Подобные травелоги конструируют особую физическую реальность, придавая пространству новые и порой невероятные коннотации. У. Буш на тросах поднимает корабль высоко над землей на радость толпе, на следующий день к кораблю приделываются специальные шасси и начинается путешествие по суше. После многих злоключений Буш добирается до Темзы и проделывает по воде оставшийся путь до Лондона. События, хотя и являются воображаемыми, тем не менее вписаны в границы известных многим путешественникам территорий и соотносятся с ними, дополняя их образ.

⁴¹¹ *Nixon A. A. True Relation of the Admirable Voiage and Trauell of William Bush Gentleman: who with his Owne Handes without any other Mans Helpe, Made a Pynace, in which he Past by Ayre, Land, and Water: from Lamborne, in Bark Shire, to the Custome House Key in London. 1607. London: T[homas] P[urfoot] for Nathaniel Butter, 1608 [Electronic resource]. URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A07956.0001.001/1:4?rgn=div1;view=fulltext> (accessed: 14.05.2020).*

⁴¹² *Ibidem.*

A true Relation of the Trauels of M. Bush,
a Gentleman : who with his owne handes without
any other mans helpe made a Pynace, in which hee past by
Ayre, Land, and Water : From Lamborne, a place in Bark Shire,
to the Custome house Key in London. 1607

London printed by T.P. for Nathaniel Butter, 1608.

Рис. 19. Фронтиспис сочинения «Правдивый отчет
о путешествии М. Буша» (1608)⁴¹³

⁴¹³ Nixon A. A. Op. cit.

Одним из первых английских путешествий, совершенных за пределы известных континентов, является опубликованный на латыни ок. 1607 г. травелог Джозефа Холла «Мир другой и все такой же»⁴¹⁴. Герои отправляются в плавание в южные воды на судне «Фантазия», посещая вымышленные земли: Крапулию, Вирагинию, Моронию и Лавернию. При этом описание каждой из земель предваряется ее географической картой, подчеркивающей достоверность описания (рис. 20).

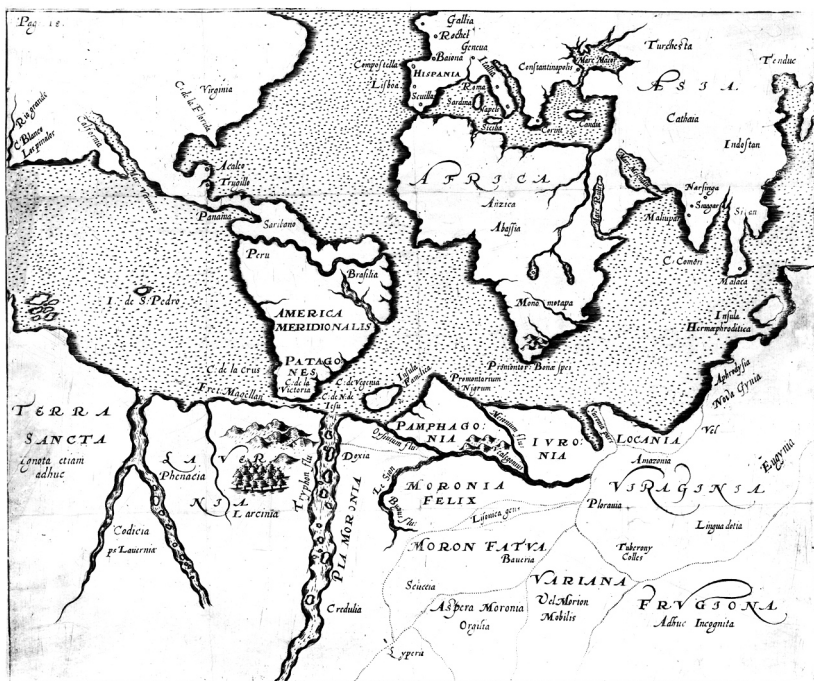

Рис. 20. Карта из сочинения Д. Холла
«Мир другой и все такой же» (1607)⁴¹⁵

⁴¹⁴ Hall J. *Mundus alter et idem* / ed. H. J. Anderson. London : G. Bell & Sons, 1908 [Electronic resource]. URL: <https://archive.org/details/mundusalteretid00andegoog/page/n91/mode/2up> (accessed: 18.05.2020).

⁴¹⁵ Hall J. *Mundus Alter et Idem*. Hannover : by Mercurius Britannicus, 1607.

В начале книги главный герой со своими друзьями — Питером Бероальдом и Адрианом Дроугом — обсуждают заграничные путешествия. Бероальд, много путешествовавший прежде, выражает к ним презрение, ведь намного лучше отправиться, по примеру Колумба, в дальние моря на поиск новых континентов и народов. Сперва друзья пытаются его разубедить, доказывая, что ничего, кроме островов, населенных дикими животными, еще более дикими людьми и монстрами, подобными циклопу Полифему, способному сожрать их живьем, им обнаружить не удастся. Но жажда приключений побеждает, и друзья отправляются на поиски неведомой южной земли «*Terra Australis Incognita*».

А дальше следует описание земель, населенных обжорами, дураками и пьяницами, где «овцы вырастают из земли и немедленно начинают пастись, а рыба сама бросается на леску, как, по словам Лукиана, души — на лодку Харона»⁴¹⁶. С одной стороны, Южный океан в начале XVII в. все еще оставался загадкой, и читатель охотно представлял таинственных людей и существ, населяющих его, с другой, читателя уже не могло удивить, что и в том мире живут такие же дураки и пьяницы.

Античные традиции описания продолжали укореняться в английской литературе на протяжении XVII в. Считается, что большое влияние на английскую поэзию путешествий оказала сатира Горация «Путешествие в Брондизиум»⁴¹⁷. Текст Горация служит примером травелога, описывающего пространство с позиций освоения, т. е. содержит сведения о качестве пути и расстояниях, продаваемых товарах и знаменитых исторических событиях, но в то же время в тексте Горация имеются элементы сатиры — описание злоключений, произошедших с путешественниками: «Двадцать четыре потом мы проехали мили — в повозке, / Чтобы прибыть в городок, которого даже и имя / В стих не вместишь; но узнают его по приметам: / Здесь продается простая вода; но хлеб превосходный, / Так что заботливый путник в запас нагружает им плечи»; «Вот мы

⁴¹⁶ Ibidem.

⁴¹⁷ Дуклау А. В. «Путешествие» как жанр английской поэзии XVII–XVIII вв. // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. СПб., 2010. № 2 (Сер. 9: Филология. Востоковедение. Журналистика).

приехали в Рубы, устав от пути чрезвычайно, / Длинной дорога была и испорчена сильно дождями. / День был на утро получше; но в Бариум, рыбой обильный, / Хуже дорога пошла»⁴¹⁸.

Нельзя сказать, что именно этот текст оказал ключевое влияние на английские поэтические травелоги, но то, что в травелогах путешественники часто сравниваются с античными героями — бесспорно. Характерным примером вписывания образов античной мифологии в реальное пространство служит эпиграмма Бена Джонсона «О знаменитом путешествии» (1616), где отважные герои проделывают путь по узкому каналу р. Флит, протекающей через Лондон: «Стой Греция! Не молви невпопад, / Как Геркулес с Тесеем плыли в ад. / Орфею и Улиссу мало веры, / Троянским войнам, музам и химере. / У нас отважный Шелтон есть и Хейден смелый, / Не на словах герои, а не деле. / Что Ахерон им, Стикс или Коцит, / Пред ними мир иной открыт, / Где грязь, зловоние и призрачные тени, / Тела все в стружьях и на каждом по гангрене. / Что Цербер, коли есть Собачий остров, / Что фурии, когда бранятся все так просто. / Без парусов шла лодка напролом, / А в ней мошенники похлеще, чем Харон. / Эпоха Греции угасла быстро, / Поэты были там, у нас — авантюристы»⁴¹⁹.

Сопоставляя топонимы Лондона с образами из античной мифологии, Бен Джонсон создает особый мир — многоуровневое пространство, не противоречащее реальному, но преобразующее его. Все вокруг героев напоминает о греческом образе ада — извозчики сопоставляются с кентаврами, брань и ругательства исходят не иначе, как от гарпий, их окружают смрад и зловоние, но, «как храбрые Кастор и Поллукс», они продолжают свой путь.

Стихотворная форма описания путешествия становилась в Англии все более популярной. В стихах написано «Северное путешествие» Ричарда Корбета, представляющее собой поэтическую интерпретацию путешествия антиквариев в поиске свидетельств прошлого, написанное ок. 1621 г. на латыни и изданное в 1647 г. В Лестершире

⁴¹⁸ Квинт Гораций Флакк. Полное собрание сочинений. М. ; Л. : Academia, 1936. С. 225.

⁴¹⁹ Anderson R. A Complete Edition of the Poets of Great Britain... London : Printed for John and Arthur Arch, 1795. P. 547.

герои пытаются отыскать могилу Ричарда III, в Ноттингеме осматривают руины замка, в Босворте выслушивают историю о знаменитой битве 1485 г. и т. д. Но от текстов хорографов и антиквариев травелог Корбета отличается наличием поэтических образов природы и рассуждений о скоротечности времени и краткости человеческой жизни, а роль фантазии актуализируется в сцене, где заблудившиеся путники рассуждают о том, что с верного пути их сбивают не иначе как феи.

Схожие стратегии описания встречаются в травелогах Кэтрин Филиппс «Морское плавание из Тэнби в Бристоль, начатое 5 сентября 1652 года», Чарльза Коттона «Бурлеское плавание в Ирландию» (1674) и в его же «Путешествии в Пик»⁴²⁰.

Ряд стихотворных травелогов написан поэтом Джоном Тейлором. В прологе травелога «Развеселое путешествие на паромной лодке, или в Йорк за мои деньги. Порой опасное, порой ужасное, с парой весел, морем из Лондона» (1622), он пишет: «Намерен плавание я сложить в стихи, / От Лондона до Йорка. Помоги, / Нептун всесильный, страннику в пути / сквозь волны беспокойные пройти. / О городах, манерах расскажу, / И путь свой достоверно опишу»⁴²¹.

В сочинении «Открытие нового пути, на барке к цели от Лондона в Солсбери. Или путь на запад, наихудший или наилучший из когда-либо предпринятых» (1623) Тейлор описывает пройденные города, дополняя их образ особым поэтическим ореолом, возвышенным или ироническим, но однозначно отличающимся от образа, создаваемого хорографами и антиквариями⁴²². В травелоге 1649 г. «Странствие за странностями запада, предпринятое Джоном Тейлором. Как он прошел 600 миль от Лондона до горы в Корнуолле, и дальше до края земли и обратно», перечислив около 20 своих

⁴²⁰ Дуклай А. В. «Путешествие» как жанр английской поэзии XVII–XVIII вв.

⁴²¹ Taylor J. A very merry wherry-ferry-voyage: or Yorke for my money sometimes perilous, sometimes quarrellous, performed with a paire of oares, by sea from London. London : Imprinted by Edw : All-de, 1622 [Electronic resource]. URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A13519.0001.001?view=toc> (accessed: 10.05.2020).

⁴²² Taylor J. A new Discovery by Sea, with a Wherry from London to Salisbury. Or, a Voyage to the West, the Worst, or the Best That e're was Exprest. London: Printed by Edw: Allde for the author, 1623 [Electronic resource]. URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A13478.0001.001?view=toc> (accessed: 18.04.2020).

путешествий, 71-летний поэт подытоживает: «Успел я север, юг с востоком обойти. / Закончу ж западом скитания свои»⁴²³.

Стоит упомянуть и масштабную топографическую поэму М. Драйдена «Поли-Ольбион», первые 18 песен которой были опубликованы в 1612 г. (рис. 21). Образы пространства и времени тесно переплетены в ней за счет персонификации природных объектов. Реки излагают исторические события, произошедшие на их берегах, леса и горы воспевают Англию, ее природу и историю. На фронтисписе Великобритании предстает в виде девушки, драпированной в географическую карту. Географической картой сопровождается и описание каждого региона. Уильям Холл, гравировавший фронтиспис и 19 карт для издания «Британии» Кемдена 1607 г., изобразил регионы сообразно поэтическому видению М. Драйдена. Острова, реки, горы и леса предстают на картах в человеческом облики, что подчеркивает символическое значение текста.

В обращении к читателю Драйден пишет: «Для дальнейшего понимания моей поэмы у вас есть три особых подсказки. Во-первых, это аргумент, направляющий через деяния, воспетые музой Шира. Во-вторых, карта, живо очерчивающая горы, леса, реки и долины, изображенные в различных позах, демонстрирующих их любовь, восторги и естество» (рис. 22). Третьим подспорьем Драйден называет иллюстрации, помогающие разобраться в сложных местах текста и «объясняющие трудные моменты истории»⁴²⁴.

В поэтических травелогах воображение играет ключевую роль, но пространство продолжает описываться в значении реального. Осознание вымышленности пространства кажется невозможным в условиях недоосвоенности и недоизученности реального мира, главенства эмпирики и опыта в деле его постижения и восприятии мышления как дара, полученного человеком от всемилостивого творца.

⁴²³ *Taylor J.* Wandering to See the Wonders of the West, London, Mr. Ashbee's occasional facsimile reprints, 1869 [Electronic resource]. URL: <https://babel.ha.thitrust.org/cgi/pt?id=uc1.31175035205031&view=1up&seq=4> (accessed: 22.04.2020).

⁴²⁴ *Drayton M.* Poly-Olbion. London : Printed by Humphrey Lownes, 1612 [Electronic resource]. URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A20847.0001.001?view=toc> (accessed: 09.05.2020).

Рис. 21. Фрагмент фронтисписа «Поли-Ольбиона» М. Драйдена (1612)

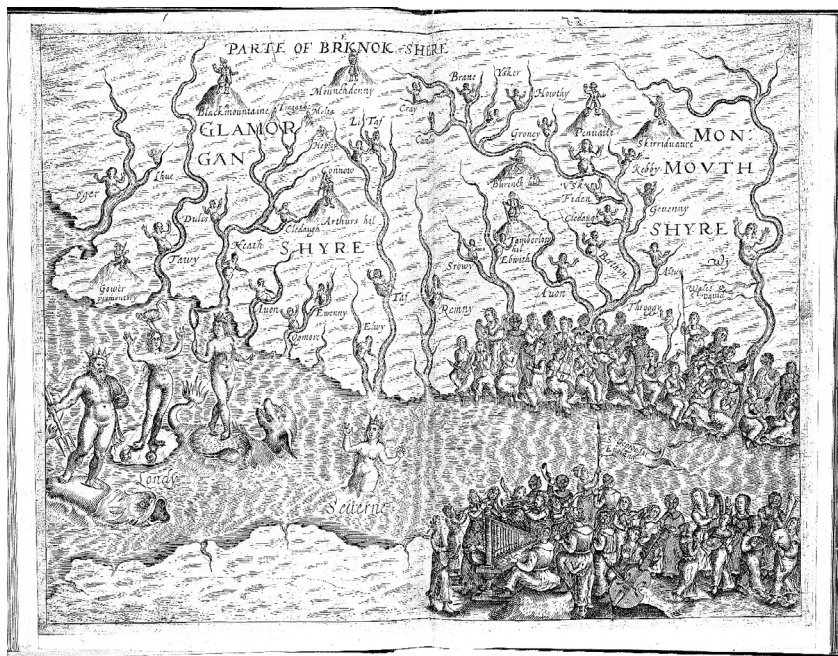

Рис. 22. Пример оформления карты из «Поли-Ольбиона» М. Драйдена

Однако трансформация описательных стратегий, произошедшая в связи с формированием научного знания и оформлением стратегий описания естественных феноменов мира Ф. Бэкона и Р. Бойля, отражена и в художественных текстах. Примером служит сочинение Афры Бен «Оруноко», опубликованное в 1688 г. В тексте рассказывается о чернокожем принце Оруноко и его жене Имоинде, схваченных британцами и доставленных на Суринам, где с ними знакомится дочка губернатора, от лица которой и идет повествование. Весь сюжет построен вокруг борьбы Оруноко за свою свободу и свободу своей жены. Его старания оказываются тщетны, и история заканчивается в духе трагедий Шекспира — Оруноко перерезает горло жене и погибает от рук отряда, обнаружившего его на восьмой день, скорбящего над ее телом.

Бен так же, как и предшествующие авторы, называет свое повествование «правдивой историей». Она пишет: «Если какие-то вещи и покажутся вам романтическими, я умоляю, ваша светлость,

учесть, что эти страны во многом настолько отличны от наших, что тут встречаются невероятные чудеса, по крайней мере, такими они предстали перед нами в своей новизне и необычности»⁴²⁵. И хотя первые биографы Бен признавали, что она могла быть дочерью генерала-лейтенанта Суринама, нет никаких свидетельств о ее благородном происхождении, упоминаний о восстании рабов или реальном существовании Оруноко.

Сложно отнести произведение к определенному жанру в связи с обилием раскрываемых тем и отсутствием у автора установки на подражание конкретной традиции. В тексте поднимаются вопросы аболиционизма и феминизма, приводятся политические характеристики правления Якова II, личные воспоминания автора, а также описания Нового Света в духе бэконинского травелога. «Это и мемуары, и во многих смыслах — роман, но это и травелог, в котором дана натуральная история Суринама. Научные описания встроены в текст как строительный раствор между кирпичами истории»⁴²⁶.

Хотя Бен выстраивает повествование вокруг жизни королевского раба, она дает обширный обзор географии, флоры, фауны, местного населения и т. д. О размерах континента она сообщает, что они точно не известны, «но говорят, что он простирается с востока на запад. С одной стороны — до Китая, с другой — вплоть до Перу». О погоде пишет: «Всегда весна, всегда апрель, май, июнь», с чем она связывает обильную растительность: «апельсины, лимоны, цитроны, фиги, мускатные орехи». О повстречавшемся ей броненосце она сообщает: «я могу сравнить его разве что с носорогом, поскольку на нем белая броня, прилегающая так, что он может двигаться будто на нем совсем ничего нет». Про марышек пишет, что это такая обезьянка размером с крысу или с хорька, но гораздо деликатнее, а лицом и ручками напоминает человека».

Добравшись до лагеря туземцев, она описывает в деталях их внешность, одежду, обычаи, удивление при виде европейцев,

⁴²⁵ *Bohls E. Travel Writing 1700–1830. Oxford : Oxford University Press, 2005. P. XXII.*

⁴²⁶ *Hayden J. A Travel Narratives, the New Science, and Literary Discourse, 1569–1750. Farnham : Ashgate Publishing Ltd., 2013. P. 123.*

и проводит эксперимент, позволив туземцам рассмотреть их отряд: «Мы позволили им рассматривать нас со всех сторон, и нам казалось, они никогда не смогут восхититься нами сполна».

Как истинный исследователь своего времени, она фиксирует и записывает местные слова: «Амора, тагуами» — означает что-то вроде: «Как поживаете? Добро пожаловать!», а также коллекционирует редкие изделия, например, перья с головных уборов индейцев, которые очень высоко ценились в XVII в.⁴²⁷

Джуди Хайден замечает, что описание Суринама в произведении Бен соответствует инструкции для путешественников, составленной Бойлем, но публикация документального в чистом виде отчета о путешествии была для нее невозможна в связи с низким статусом женщины в академическом сообществе этого времени⁴²⁸.

В XVIII в. воображаемое путешествие станет одним из основополагающих сюжетов художественной литературы Англии. Многие авторы подражали травелогам как в связи с их популярностью, так и от того, что данная форма помогала избежать обвинений в искажении действительности при воспроизведении уже устоявшихся образов пространства. Однако размытость жанровых границ вызывает многочисленные трудности при идентификации подобных текстов.

Филип Гоув, составивший в 1941 г. каталог европейских воображаемых путешествий XVIII в., состоящий из 215 наименований, отмечает, что его создание осложнялось отсутствием строгого определения жанра. В библиотеках воображаемые травелоги были отнесены к разделу художественных путешествий, что еще больше затрудняло их поиск.

Гоув приводит письмо с ответом на вопрос о жанровом своеобразии подобных текстов, полученным из Библиотеки Конгресса: «Различие между разделами “Воображаемых путешествий”, “Утопий” и “Робинзонад” очевидно, по крайней мере — двух последних. В утопиях описан идеал социального общества, идеал государства, основанного на идее всеобщего блага, наподобие текстов Платона и Томаса Мора. “Робинзонады” — это, конечно, истории, подобные

⁴²⁷ *Hayden J. Op. cit. P. 130.*

⁴²⁸ *Ibidem.*

путешествию Робинзона Крузо, описывающие приключения потерпевшего кораблекрушение на необитаемом острове. «Воображаемые путешествия» могут включать вымышленные отчеты воображаемых путешественников о реальных или вымышленных землях и морях и прочие темы»⁴²⁹.

Подобный ответ может только запутать исследователя, но действительно, определение травелога, если в заголовке не указано слово *voyage*, *traveling* или *wandering*, существенно затруднено. «Путешествия Гулливера» Д. Свифта (1726) породили термин «Гулливериана», путешествие Робинзона (1719) Даниэля Дефо — термин «Робинзонада», при этом многие тексты XIX в. являлись одновременно и робинзонадами, и воображаемыми путешествиями⁴³⁰.

Гулливер и Робинзон Крузо стали образцовыми героями, с которыми впоследствии сопоставлялись герои многих травелогов, хотя примеры схожих описательных стратегий встречались и прежде. Несмотря на сходство репрезентативных моделей Робинзона и Гулливера, их авторы используют различные литературные стили и стратегии. Пол Артур сообщает нам следующее: «У Дефо события разворачиваются в границах возможного, у Свифта вымышленные миры служат основанием для острейшей сатиры и философского поиска»⁴³¹. В связи с этим так сложно дать воображаемому травелогу однозначную характеристику: «Воображаемые путешествия могут быть целостными или отрывочными, реалистичными или абсолютно фантастическими. Они могут описывать ночные кошмары или быть рыцарским романом, могут раскрывать философскую или научную догму, быть сатирой или забавной шуткой, революционными или утопичными»⁴³².

Примером романа первой четверти XVIII в., содержащим в себе черты травелога, является «Молль Флендерс» Д. Дефо (1722)⁴³³. Автор обыгрывает как образы пространства, придавая им значе-

⁴²⁹ Babcock G. P. The Imaginary Voyage in Prose Fiction, 1700–1800. P. 6.

⁴³⁰ Longley P. A. Virtual Voyages: Travel Writing and the Antipodes, 1605–1837. London : Anthem Press, 2010. P. 16.

⁴³¹ Ibid. P. 17.

⁴³² Ibidem.

⁴³³ Defoe D. Moll Flanders. Oxford : Oxford University Press, 1998.

ние реальных, так и образы времени, заканчивая роман фразой: «Написано в году 1683».

Основной сюжетной линией является жизнь Молль Флендерс от рождения и до смерти. Героине приходится часто переезжать с места на место, давая автору возможность выстроить пространство повествования сообразно географическим реалиям. Речь о происходящих событиях ведется как в травелоге или в мемуарах — от лица героини. Ей не важна социальная, экономическая, политическая обстановка, ее скорее волнует, как будет складываться в том или ином месте ее жизнь.

Выбор на роль главной героини неблагородной и не очень образованной девушки позволил автору показать, каким видится пространство с точки зрения простого человека. Ее совершенно не волнует, какие исторические или научные характеристики имеет окружающая ее реальность, ей гораздо важнее, как она смотрится в седле и насколько хороша ее карета.

Однажды ей придется отправиться в Вирджинию: «Я не собираюсь давать подробный отчет о нашем путешествии, долгом и полном опасностей. Ни я, ни мой муж не вели дневников. Вот все, что я могу сказать — после ужасного плаванья, пережив пару страшных штормов, мы встретились с чем-то еще более пугающим. Я имею в виду пиратов, забравших почти все наши припасы, а самое страшное, что они едва не забрали с собой моего мужа. Лишь мои мольбы спасли его. Так вот, после всех ужасов мы, наконец, прибыли в Вирджинию, на реку Йорк, и отправились на нашу плантацию, где были встречены матерью моего мужа со всей возможной заботой и участием»⁴³⁴.

На обратном пути ее также волнует не окружающий мир, а собственные переживания за сохранность груза и вопрос получения за него полной суммы. Сам путь описан предельно кратко: «мы попали в шторм», «мы прибыли в порт». Город Бат она характеризует как «место довольно элегантно, дорогое и полное ловушек»⁴³⁵. «Это был не Редрифф, где я могла общаться с каким-нибудь честным ка-

⁴³⁴ Defoe D. Moll Flanders. P. 85.

⁴³⁵ Ibid. P. 106.

питаном или теми, с кем обсуждала достойные условия матримонии. Я была в Бате, где мужчины находят любовниц, но очень редко ищут жен»⁴³⁶. В какую бы поездку не отправилась героиня, ее волнуют две вещи — ее внешний вид и сохранность денег.

Молль не имеет никаких предубеждений перед миром, она уверена, что «с деньгами мы везде дома», и мир, судя по ее описаниям, в общем-то везде одинаков. Эта черта присуща многим героям Д. Дефо. Они не имеют особых привязанностей, мир для них служит пространством, в котором протекают их жизни, а религиозные или национальные различия уходят на второй план. Робинзон в «Серьезных размышлениях» сообщает: «Пятница был протестант, его отец — язычник и людоед, а я испанец-католик. Я допускал в своих владениях полную свободу совести»⁴³⁷.

Герой другого романа Дефо, капитан Синглтон, на уговоры вернуться в Англию отвечает: «Я дома. Здесь мое жилище. Всю мою жизнь иного не было у меня. Я воспитывался приходом из милости. Так что у меня нет желания куда бы то ни было возвращаться, богатым ли, бедным ли, ибо мне возвращаться некуда. — Как, разве ты не англичанин? — Я думаю, что англичанин. Вы же слышите, что я говорю по-английски. Но из Англии я уехал ребенком, и возвращался туда с тех пор, как стал взрослым, всего один раз. Да и то меня обманули и провели и так дурно со мной обошлись, что мне безразлично, увижу ли я ее еще раз или нет...» — «И никакого чувства к стране, в которой ты родился!» — «Не более, нежели к острову Мадагаскару»⁴³⁸.

Роман «Молль Флендерс» изобилует географическими наименованиями: Фостер Лейн, Петтикоут Лейн, Стрэнд, Холборнский виадук и пр. Упоминаются и различные строения Лондона: Биллингсгейт, Темпл-Бар, Хикс-Холл, Больница св. Екатерины и т. д. Таким образом, за счет соотнесения с реальными объектами произведение Дефо обретает черты документальности.

⁴³⁶ Defoe D. Moll Flanders. P. 106–107.

⁴³⁷ Елистратова А. Английский роман эпохи Просвещения. М.: Наука, 1966. С. 121.

⁴³⁸ Там же. С. 133.

В «Серьезных размышлениях Робинзона Крузо»⁴³⁹ Дефо выступает против вымышленных историй, выдаваемых за правду, но положительно отзываясь о жанре притчи: «это совсем другое дело; в отличие от тех, кто шутит с истиной, здесь все задумано и исполнено ради доподлинно поучительной и праведной цели, и мораль прилагается верно. Таковы исторические притчи в Священном Писании, таков “Путь паломника” и таковы, одним словом, приключения вашего друга-скитальца, Робинзона Крузо»⁴⁴⁰.

Жизнь Молль Флендерс также можно рассматривать как притчу, а контраст с традиционными формами травелога подчеркивает это отличие. Можно даже назвать этот текст антитравелогом, в котором внешний мир имеет второстепенное значение, но этот роман служит и маркером происходящей трансформации в восприятии реальности, где личные переживания героя и его взгляд на мир играют более важную роль в понимании реальности, чем схематическое описание мира.

В начале XVIII в. разгорелся спор между Готфридом Лейбницем и английскими философами о свойствах пространства, роли Бога в его существовании, возможностях его познания и значении в этом деле человеческой души. В 1690 г. Джон Локк публикует работу «Опыт о человеческом разумении», где отстаивает мнение, что только непосредственный физический опыт, полученный от взаимодействия органов чувств с реальными объектами, может быть основанием знания: «Огонь может жечь наше тело, производя на него не большее действие, чем на полено, если движение не сообщится мозгу и там, в уме, не будет вызвано чувство жара или идея боли, в чем и состоит действительное восприятие»⁴⁴¹. Душа для Локка есть вместительница идей, но, в отличие от Лейбница, идеи не являются вечными сущностями, связанными с душой с момента ее возникновения, а усваиваются с опытом, «но так как наиболее

⁴³⁹ *Defoe D. Serious reflections during the life and surprising adventures of Robinson Crusoe: with his vision of the angelick world. London : Printed for W. Taylor, at the Ship and Black-Swan in Pater-noster-Row, 1720.*

⁴⁴⁰ Цит. по: *Елистратова А. Указ. соч. С. 107.*

⁴⁴¹ *Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Дж. Локк. Сочинения : в 3 т. М. : Мысль, 1985. Т. 1. С. 93.*

знакомые с самого начала идеи различны в зависимости от различных обстоятельств первого вступления детей в мир, то порядок, в каком различные идеи впервые попадают в ум, тоже очень разнообразен и неопределен, да и не особенно важно знать его»⁴⁴².

Он выделяет два возможных источника познания: «внешние материальные вещи как объекты ощущения и внутреннюю деятельность нашего собственного ума как объект рефлексии»⁴⁴³. Гарантом постижения совершенных истин через органы чувств служит сотворивший их Господь: «Кто может усомниться в возможности для бога передать чудесным духам, своим непосредственным служителям, свои совершенства в такой степени, какая ему будет угодна и какую сотворенные и конечные существа способны воспринять!»⁴⁴⁴ В соответствии с идеями Фрэнсиса Бэкона Локк утверждает, что знание должно строиться на фактах, а не на гипотезах. «Но кто не хочет себя обманывать, тот должен строить свои гипотезы на фактах и доказывать их чувственным опытом, а не предрешать факты на основании своих гипотез, т. е. потому, что он предполагает, что это так»⁴⁴⁵.

Проблемой, которую стремятся разрешить философы этого времени, служит вопрос о человеческом мышлении во сне, пространстве сна и его связи с реальностью. Сон, будучи воображаемым пространством, фактически подрывает идею способности адекватного видения мира и ставит под вопрос существование объективной реальности как таковой. Джон Локк не может однозначно разрешить эту дилемму и только утверждает, что постоянное мышление во сне бессмысленно и мудрый творец не стал бы расходовать впустую этот дар на «постоянное мышление без воспоминания о мыслях, без всякого доброго дела для себя или других, без всякой пользы для какой-либо другой части творения»⁴⁴⁶.

Г. Лейбниц, признавая фактическое отсутствие возможности отличить реальность от фантазии, все же утверждает, что предсказание явлений и их понимание являются основными признаками

⁴⁴² Локк Дж. Опыт о человеческом разумении. С. 194.

⁴⁴³ Там же. С. 154.

⁴⁴⁴ Там же. С. 202.

⁴⁴⁵ Там же. С. 158.

⁴⁴⁶ Там же. С. 162.

реальности: «Ведь даже если бы сказали, что вся эта жизнь не более чем сон, а наблюдаемый мир не более чем фантазма, то я бы ответил, что этот сон или эта фантазма были бы достаточно реальны, если бы мы, хорошо пользуясь разумом, никогда не обманывались ими»⁴⁴⁷. Лейбниц не только признает возможность существования воображаемого пространства, но и уравнивает его в правах с реальным: «абсолютно никаким аргументом не может быть доказана данность тел и ничто не мешает тому, чтобы нашему уму представлялись некие хорошо упорядоченные сновидения, которые признавались бы нами истинными и вследствие согласованности между собой практически были бы равносильны истинным»⁴⁴⁸.

Бог для него не гарант существования реальности, а скорее залог согласованности жизни человека и воображаемого пространства: «что, если бы природа наша вдруг не была способна к восприятию реальных явлений? Тогда, наверное, Бог заслуживал бы не столько обвинения, сколько признательности; ибо производя такие явления, которые, не будучи реальными, во всяком случае были бы согласованными, он гарантировал бы нам, что они в любом случае жизни равнозначны реальным. А что, если бы вся эта краткая жизнь была не более как неким продолжительным сном и, умирая, мы пробуждались бы?»⁴⁴⁹

О роли интуиции у Лейбница В. Ф. Асмус пишет: «Лейбниц полагал, что “первичное отчетливое понятие мы можем познать только интуитивно”», что «мы не имеем идей даже относительно тех предметов, которые мы познаем отчетливо, если мы не пользуемся интуитивным знанием»⁴⁵⁰.

Показательна полемика между Лейбницем и английским священнослужителем и философом С. Кларком, отстаивающим идеи

⁴⁴⁷ Лейбниц Г. В. О способе отличия явлений реальных от воображаемых, 1705–1707 // Электронная библиотека ИФ РАН : сайт. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/antology/document/HASH01b6fa6334431b530ac8fe77> (дата обращения: 24.04.2020).

⁴⁴⁸ Там же.

⁴⁴⁹ Там же.

⁴⁵⁰ Асмус В. Ф. Проблема интуиции в философии и математике (Очерк истории: XVII — начало XX в.). М. : Мысль, 1965. С. 19.

И. Ньютона. Об идеях Ньютона Кларк писал: «в универсуме вещи для него не отображения, образующиеся посредством определенных средств или органов, а реальные вещи, созданные самим Богом и воспринимаемые им во всех местах, где бы они ни находились, без помощи какого-либо средства»⁴⁵¹. Лейбниц же называет абсолютное пространство идолом «некоторых современных англичан»: «Эти господа, таким образом, утверждают, что пространство — реальное абсолютное существо, но это приводит их к большим трудностям. Ибо кажется, что это существо должно быть вечным и бесконечным. Поэтому некоторые считают, что оно является самим Богом или по крайней мере его атрибутом, его неизмеримостью»⁴⁵². В то же время Лейбниц утверждает, что пространство вечно и нет смысла в споре о времени его основания: «Так как Бог ничего не делает без основания, а здесь невозможно указать основание для того, почему он не создал мир раньше, то отсюда следует, что он или вообще ничего не создал, или сотворил мир до всякого определенного времени, т. е. что мир вечен»⁴⁵³.

В текстах философов этого времени встречается достаточно много расхождений, часто одни их теории могут противоречить другим, поздние работы кардинально отличаться от более ранних и т. д. Но важно, что и Локк, и Лейбниц признают душу основным инструментом познания, пускай и спорят о ее местонахождении в теле: «Утверждение, будто душа рассеивается в мозгу, так же необъяснимо, как и то, что она рассеивается по всему телу — различие только в степени»⁴⁵⁴. Роль интуиции и Бога как ее гаранта в деле познания становится одной из основополагающих тем философских дискуссий, как и вопрос о реальности пространства, в том числе пространства сновидений.

Одним из первых авторов в английской литературе путешествий, уделявшим внимание субъективному восприятию пространства, был Генри Филдинг. «С елизаветинских времен Филдинг был пер-

⁴⁵¹ Лейбниц Г. В. Переписка с Кларком и Н. Ремоном. 1713–1716 // Г. В. Лейбниц. Сочинения : в 4 т. М. : Мысль, 1982. Т. 1. С. 431.

⁴⁵² Там же. С. 451.

⁴⁵³ Там же.

⁴⁵⁴ Там же. С. 453.

вым, кто внес поэтическое воображение в прозу. То, что он начал с пародий на Ричардсона, может свидетельствовать о понимании им неспособности “Памелы”, эпистолярного романа, удовлетворить потребность своего времени»⁴⁵⁵. Имеется в виду писатель Сэмюел Ричардсон, легитимизировавший в середине XVIII в. роль воображения и субъективизма в художественных произведениях. «С. Ричардсон был совершенно нечувствителен к красотам природы и не любил ее описывать, — но он выдвинул на первое место психологический анализ и заставил английскую, а затем и всю европейскую публику живо интересоваться судьбою героев и особенно героинь его романов»⁴⁵⁶.

В воображаемом травелоге «Путешествие на тот свет и обратно», изданном в незавершенном виде в 1743 г., Филдинг не только создает оригинальный образ загробного мира, но и описывает его с точки зрения бесплотных духов. Он не настаивает на документальности произведения, но ставит под вопрос его авторство: «То ли рассказанное на следующих страницах было грезами, или видением, некоего весьма набожного и праведного мужа; то ли эти страницы были впрямь написаны на том свете и переправлены к нам, по мнению многих (на мой взгляд, чересчур приверженных суеверию); то ли, наконец, как полагает решительное большинство, они творение образцового обитателя нового Вифлеема, — все это не суть важно, да и трудно сказать наверняка»⁴⁵⁷.

Травелог начинается со смерти главного героя «первого декабря 1741 г. у себя на квартире в Чипсайде». Иронично обыгрывая философские споры своего времени, Филдинг отмечает, что душа героя не смогла сразу найти выход из тела, но в конечном итоге вышла вон через ноздри и, прыгнув в окно, не воспарила, а рухнула на землю.

⁴⁵⁵ Грин Г. Филдинг и Стерн // Путешествия без карты / пер. с англ., сост. О. А. Алякринский; предисл. С. И. Бэлзы. М.: Прогресс, 1989. С. 360.

⁴⁵⁶ Веселовский Ю. Сентиментализм в западноевропейской и русской литературе // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб.: Семеновская типо-литография (И. А. Ефрона), 1900. Т. 29 а. С. 537.

⁴⁵⁷ Филдинг Г. Путешествие на тот свет и обратно // Г. Филдинг. Избранные сочинения / пер. В. Харитонов. М.: Худож. лит., 1989. С. 35.

В загробный мир герой вместе с попутчиками отправляется на карете, фиксируя свои впечатления: «Всю упряжку, как выяснилось, заездил до смерти какой-то станционный смотритель; и кучер, этот жалкий комок нематериальной субстанции, при жизни удостоившийся возить Великого Петра, или Петра Великого, — он тоже пал от голода духовного и телесного»⁴⁵⁸. Филдинг полемизирует с Джоном Локком о возможности увидеть духов при свете дня: «Распространено мнение, что духи, подобно совам, видят в темноте, более того: только в темноте и сами становятся видимы. По этой причине многие даже здравомыслящие люди из страха перед такими гостями оставляют на ночь зажженную свечу, дабы те не были видны. Обратно этому мистер Локк решительно утверждал, что и при свете дня дух так же ясно виден, как в самую темную ночь»⁴⁵⁹.

Вопрос о достоверности сновидений доведен до абсурда в сцене, когда пассажиры рассказывают о причинах своих смертей и один из духов приходит в ужас при упоминании оспы: «Оспа! Господи помилуй! Надеюсь, тут никого нет с оспой? Я всю жизнь от нее берегся, и пока бог миловал. — Все, кто не спал, расхохотались над его страхами, и джентльмен опаматовался и, смущаясь и даже с краской на лице, повинился: — Мне приснилось, что я живой»⁴⁶⁰.

В городе болезней, сопоставляемом с Гаагой, герою необходимо навестить болезнь, от которой последовала его смерть, но господа, которые должны были проводить его и его спутников, отказались это сделать: «Удивившись такому образу действий, мы тотчас вызвали хозяина, и тот, выслушав нас, от души расхохотался и объяснил причину: мы не расплатились с джентльменами в ту самую минуту, как они вошли, а здесь именно такой порядок»⁴⁶¹.

Описание подражает предшествующим травелогам, в то же время высмеивая распространенные клише, хотя большая часть произведения посвящена рассказу Юлиана Отступника и Анны Болейн о своих злоключениях как при жизни, так и на том свете. В данном случае исторический ракурс роднит воображаемое путешествие

⁴⁵⁸ Филдинг Г. Путешествие на тот свет и обратно. С. 32.

⁴⁵⁹ Там же. С. 33.

⁴⁶⁰ Там же. С. 34.

⁴⁶¹ Там же. С. 36.

Филдинга с текстами антиквариетов, но отсылки к современным философским дебатам придают ему особые черты.

Интересен и более поздний травелог Филдинга «Дневник путешествия в Лиссабон», написанный на борту «Королевы Португалии» в июле-августе 1754 г. и изданный в 1755 г. — уже после его смерти⁴⁶². Данный текст отразил в себе ряд свойственных тому времени черт восприятия и описания пространства.

Уже из предисловия становится ясно, что цель путешествия этого периода — не освоение или изучения пространства — все это сделано прежде, а фиксация любопытных для читателя характеристик этого пространства: «Природа, как и всякий талантливый человек, не всегда безупречна в своих произведениях, а посему путешественник, которого можно назвать ее комментатором, не должен рассчитывать, что повсюду найдет предметы, на которые стоит обратить внимание»⁴⁶³.

Пространство освоено, карты составлены, что остается путешественнику, кроме как фиксировать особенности повседневной жизни жителей других стран и отмечать плюсы и минусы в устройстве своей собственной. Данная задача предполагает документальность изложения, вписанную в реальное пространство. Рассказы о путешествиях в вымышленных мирах постепенно теряют читательскую аудиторию, которой теперь куда приятнее провести время над юмористическим описанием какого-нибудь несуразного персонажа. Постепенно формируется миф о познании пространства и его законов. Воображаемые миры, выдаваемые автором за реальные, уже не могут никого удивить или убедить.

Поэзия признается важным инструментом формирования реальности, но статус поэта в познании мира не может уравниваться со статусом ученого: «В самом деле, горы, реки, герои и боги в большей мере обязаны своим существованием поэтам: Греция и Италия так изобилуют первыми, потому что они произвели такое множество последних, а те, даря бессмертие каждому малому

⁴⁶² Филдинг Г. Дневник путешествия в Лиссабон // Г. Филдинг. Избранные сочинения / пер. М. Лорие. М.: Худож. лит., 1989.

⁴⁶³ Там же. С. 573.

холмику и подземному ручью, оставили самые благородные реки и горы в такой же тьме, в какой пребывают восточные и западные поэты, их воспевающие»⁴⁶⁴.

Мир, как реальный, так и вымышленный, является Филдингу вполне объяснимой и очевидной реальностью — поэты во все времена искажали действительность не во имя правды, а из-за тщеславия: «По сравнению с огромностью их гения, которую они не могли выразить, не добавив к факту вымысла, границы природы казались им слишком тесными, да еще в такое время, когда нравы человеческие были слишком просты, чтобы найти в них разнообразие, которое они с тех пор так тщетно предлагали на выбор самым ничтожным поэтам»⁴⁶⁵.

Вымысел, выдаваемый за правду, предстает у Филдинга проявлением слабости, коварства и нахальности, поскольку описание не должно противоречить фактам, противным «честью бога, зримому порядку вещей, известным законам природы, истории былых времен и опыту наших дней». Отныне к вымыслу «никто не может отнестись с пониманием и верой».

Филдинг не отрицает красот поэтического восприятия и субъективного взгляда на вещи, как раз наоборот, текст, по его мнению, должен быть изящен, но описывать он должен реальные события и явления: «каждый факт опирается на правду, а это, уверяю вас, относится и к нижеследующим страницам; а раз это так, хороший критик и не подумает упрекнуть автора за всяческие украшения слога или даже сюжета, он скорее пожалел бы, если бы автор не прибегнул к ним, коль скоро во время чтения не получил бы всего удовольствия, на какое мог рассчитывать»⁴⁶⁶.

Описание пространства должно быть не только изящно и достоверно, оно должно быть полезно: «один намек я должен дать благосклонному читателю, именно: если он не найдет в этой книге ничего занятного, пусть помнит, какую общественную пользу она принесет»⁴⁶⁷. В первую очередь, Филдинг называет себя граждани-

⁴⁶⁴ Филдинг Г. Дневник путешествия в Лиссабон. С. 606.

⁴⁶⁵ Там же. С. 575.

⁴⁶⁶ Там же. С. 577.

⁴⁶⁷ Там же. С. 578.

ном, чьи описания основаны на правде. Но если мир представляется изученным и известным, куда может автор приложить свое воображение?

Воображение становится ключевым инструментом описания, но описания реальности и человека, живущего в ней, его страстей, причуд, положительных и отрицательных черт характера. Понимание мира отныне возможно только путем познания человека. Филдинг описывает матросов, капитана, врачей, хозяйку гостиницы и пр., уделяя непосредственно геометрическому пространству всего несколько абзацев, переданных сообразно авторскому чувству прекрасного: «Ни облачка не было в небе, все наше внимание поглотило солнце. Оно садилось в неописуемом великолепии, и пока горизонт еще сверкал его славой, глаза наши обратились в другую сторону и увидели луну, которая как раз была полной и поднималась, являя собой второе, что показал нам творимый мир. По сравнению с этим мишурный блеск театров или роскошь королевского двора даже детям показались бы неинтересными»; «Пока я разглядывал этот город, так непохожий на другие виденные мною города, мне пришло в голову, что, если бы человека перенесли сюда из Пальмиры, а других городов он сроду не видал бы, в сколь роскошном виде предстала бы ему эта архитектура?»⁴⁶⁸

В 1766 г. опубликовано «Путешествие по Франции и Италии» Тобиаса Смоллета⁴⁶⁹, составленное в виде писем и больше похожее на тексты, написанные с целью освоения. Автор характеризует устройство городов, занятия местных жителей и с особой тщательностью выводит отрицательные стороны посещаемых им мест.

Смоллет, как гражданин Англии, осуждает обычаи и пороки других народов и стран, политических образований, из которых и состоит описываемый им мир: «Парижанин отдает предпочтение умерщвленной плоти; житель Леджиболи не станет есть рыбу, пока она полностью не протухнет; “цивилизованные” жители Камчатки пьют мочу своих гостей, которые их споили, а вот Нова-Зембланы

⁴⁶⁸ Филдинг Г. Дневник путешествия в Лиссабон. С. 651.

⁴⁶⁹ Смоллет Т. Путешествие по Франции и Италии. Фрагмент / пер. А. Ливерганта // Факт или вымысел? Антология: эссе, дневники, письма, воспоминания, афоризмы английских писателей М. : Б. С. Г.-Пресс, 2008. С. 218.

предпочитают спиртному ворвань; гренландцы едят из одной миски со своими собаками; кафры на Мысе Доброй Надежды мочатся на тех, кому они хотят оказать высшие почести, овечьи же внутренности почитаются у них лакомством самым изысканным»⁴⁷⁰.

Если место не заслуживает авторского внимания, можно сослаться на его известность: «Все эти достопримечательности упоминаются в десятках всевозможных справочников, путевых заметок и руководств, которые Вы наверняка изучали»⁴⁷¹. Автор и его взгляд в данном случае первостепенны, и читателю предстоит узнать, помимо некоторых исторических сведений и курьезов, обо всех обидах автора, его самочувствии и настроении в каждый день пути, большую часть которого оно оставалось на редкость скверным.

Травелог Смоллета, составленный в традиции, уходящей в прошлое, не мог не вызвать иронии критиков, главным из которых стал Лоренс Стерн, создавший в «Сентиментальном путешествии...» образ ученого Смельфунгуса, который «совершил путешествие из Булони в Париж — из Парижа в Рим — и так далее, — но он отправился в дорогу, страдая сплином и разлитием желчи, отчего каждый предмет, попадавший ему на пути, обесцвечивался или искажался. — Он написал отчет о своей поездке, но то был лишь отчет о его дрянном самочувствии»; «— Я расскажу об этом, — кричал Смельфунгус, — всему свету! — Лучше бы вы рассказали, — сказал я, — вашему врачу»⁴⁷².

Лоренса Стерна часто называют основоположником жанра «сентиментального путешествия», где чувства и образы выходят на первый план, а фактическая сторона реальности показана через призму воображения героя. Но вернее было бы считать его популяризатором нового подхода к описанию реальности, элементы которого встречались и в травелогах предшествующих авторов, например, Г. Филдинга.

Стерн наиболее известен девятитомным романом «Жизнь и мнения Тристама Шенди», издававшимся с 1759 г. Фантазии

⁴⁷⁰ Смоллет Т. Путешествие по Франции и Италии. С. 218.

⁴⁷¹ Там же. С. 220.

⁴⁷² Стерн Л. Жизнь и мнения Тристама Шенди, джентльмена. Сентиментальное путешествие по Франции и Италии. М. : Худож. лит., 1968. С. 566.

персонажей и игра со смыслами становятся основными компонентами произведения. О предмете романа сам автор пишет: «Книга эта, сэр, посвящена истории (и за одно это ее можно порекомендовать каждому) того, что происходит в человеческом уме; и если вы скажете о названной книге только это и ничего больше, поверьте, вы будете в метафизических кругах далеко не последним человеком»⁴⁷³. Как и Филдинг, Стерн иронично отзываясь о предметах философских дискуссий, высмеивая как самих философов, так и основные их положения: «остроумие и рассудительность никогда не идут рука об руку на этом свете, поскольку две эти умственные операции так же далеко отстоят одна от другой, как восток от запада. — Да, — говорит Локк, — как выпускание газов от икания, — говорю я»⁴⁷⁴.

Пародируя философское рассуждение, он создает образ жителей Меркурия, души которых видны в их телах невооруженным взглядом, поскольку жара на этой планете «давно уже обратила в стекло тела тамошних жителей (в качестве действующей причины), чтобы их приспособить к климату (что является причиной конечной)» и ни одна «самая здравая философия не в состоянии доказать обратное»⁴⁷⁵.

Рассуждая о том, как именно стоит выписывать характеры героев, Стерн осуждает как их героизацию, так и попытки сугубо математического описания путем перечисления их действий, также он предостерегает от навешивания ярлыков и подстраивания под них фактов, а также от подражания современным художникам, стремящимся зафиксировать реальность с помощью механических устройств наподобие камеры обскура: «Чтобы избежать всех этих ошибок при обрисовке характера дяди Тоби, я решил не прибегать ни к каким механическим средствам, равным образом и карандаш мой не подпадает под влияние никакого духового инструмента, в который когда-либо дули как по эту, так и по ту сторону Альп, — я не стану также рассматривать, чем он наполняется и что из себя

⁴⁷³ Стерн Л. Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена. Сентиментальное путешествие по Франции и Италии. С. 91.

⁴⁷⁴ Там же. С. 178.

⁴⁷⁵ Там же. С. 83.

извергает, или касаться его *non naturalia*, — короче говоря, я нарисую его характер на основании его конька»⁴⁷⁶.

Новые инструменты фиксации реальности уже не требуют от путешественника точности описаний пространства, поскольку ему едва ли удастся превзойти в точности художника, пользующегося специальными устройствами, но область человеческой души и познание человеческой натуры остаются своеобразной *terra incognita*, куда и устремляются путешественники конца XVIII в.

Еще в 1739 г. Дэвид Юм публикует трактат «О человеческой природе», где утверждает, что «почти все науки охватываются наукой о человеческой природе и зависят от нее»⁴⁷⁷, и что впечатления, доставляемые воображением, всегда обладают первенством по сравнению с непосредственным опытом. Эти тенденции отражены в опубликованном в 1768 г. за несколько недель до смерти Стерна «Сентиментальном путешествии по Франции и Италии». Автор не просто описывает пространство с субъективных позиций, в которых его эмоции и переживания занимают первое место, он еще и представляет, каким бы предстало это пространство в глазах разных путешественников, лишая его таким образом твердых оснований и перенося в область воображаемого.

Рассуждая о неприглядном виде встреченных им французов, Стерн замечает: «Путешественник-медик мог бы сказать, что это объясняется неправильным пеленанием, — желчный путешественник сослался бы на недостаток воздуха, — а пытливый путешественник в подкрепление этой теории стал бы измерять высоту их домов — ничтожную ширину их улиц, а также подсчитывать, на каком малом числе квадратных футов в шестых и седьмых этажах совместно едят и спят большие семьи буржуазии»⁴⁷⁸.

Пространство не лишается статуса реального, но оно не может быть объективно зафиксировано и записано. Каждый художник будет придавать ему особые черты, и задача путешественника

⁴⁷⁶ Стерн Л. Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена. Сентиментальное путешествие по Франции и Италии. С. 84.

⁴⁷⁷ Антология мировой философии : в 4 т. М. : Мысль, 1970. Т. 2. С. 578.

⁴⁷⁸ Стерн Л. Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена. Сентиментальное путешествие по Франции и Италии. С. 593.

не описывать увиденное, а попытаться разобраться, какие чувства вызвало оно в нем.

О своем странствии Стерн пишет: «Это скромное путешествие сердца в поисках Природы и тех приятных чувств, что ею порождаются и побуждают нас любить друг друга — а также мир — больше, чем мы любим теперь»⁴⁷⁹. Автор неоднократно бросает вызов механической фиксации реальности и, подав милостыню, пишет: «Поступая так, я чувствовал, что в теле моем расширяется каждый сосуд — все артерии бьются в радостном согласии, а жизнедеятельная сила выполняет свою работу с таким малым трением, что это смутило бы самую сведущую в физике *precieuse* во Франции: при всем своем материализме она едва ли назвала бы меня машиной»⁴⁸⁰.

Плоды воображения путешественника являются не менее важными факторами понимания реальности, чем ее буквальное описание: «Когда путь мой бывает слишком тяжел для моих ног или слишком крут для моих сил, я сворачиваю на какую-нибудь гладкую бархатную тропинку, которую фантазия усыпала розовыми бутонами наслаждений и, прогулявшись по ней, возвращаюсь назад, окрепший и посвежевший»⁴⁸¹.

Разнообразие образов пространства больше не зависит от его фактического устройства, но оно может быть порождено фантазией путешественника и находится в зависимости от порывов его души, которая влияет на отношение к увиденному и выборку фактов, которые с помощью пера и чернил будут запечатлены на бумаге. Утирая слезы возлюбленной, герой Стерна рассуждает о метафизической природе своего восприятия, которое больше не может быть объяснено ни математически, ни эмпирически: «когда я это делал, я чувствовал в себе неопишемое волнение, которое, я уверен, невозможно объяснить никакими сочетаниями материи и движения. Я нисколько не сомневаюсь, что у меня есть душа, и все книги, которыми материалисты наводнили мир, никогда не убедят меня в противном»⁴⁸².

⁴⁷⁹ Стерн Л. Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена. Сентиментальное путешествие по Франции и Италии. С. 615.

⁴⁸⁰ Там же. С. 544.

⁴⁸¹ Там же. С. 617.

⁴⁸² Там же. С. 642.

Пространство, разделенное на политические субъекты, теряет свою целостность и в то же время обретает статус познанного и определенного. Географические и этнографические открытия все меньше волнуют умы читающей публики, становясь скорее предметом обсуждения в кругу специалистов, которых только и может волновать, насколько одна гора выше другой и чем традиции одного племени отличаются от традиций другого. Тем более публику не может заинтересовать повествование о путешествии в вымышленном пространстве, написанное в значении документального. Воображаемые путешествия, «не являясь ни историческими, ни художественными, а необычным союзом того и другого фиксировали и отражали особый момент в истории мореплавания и открытий, когда границы известного мира стремительно расширялись и доверившийся автору читатель стремился приобщиться к открытиям. Когда этот момент прошел, вымышленные путешествия потеряли связь с реальностью, прежде исправно им служившей, но не приобрели достаточно прочных связей с художественной литературой, чтобы обратить на себя внимание критиков»⁴⁸³.

Путешествия продолжают публиковаться и пользоваться популярностью, но основной предмет описания в них — человеческие жизни, проходящие в определенной политической реальности, страсти людей и их переживания, но постепенно жанр романа начнет куда лучше отражать эту действительность, и необходимость в путешествии героя отпадет вовсе.

В 1812 г. Генри Уэббер издаст в Эдинбурге собрание повестей под заголовком «Популярные истории, включая воображаемые мореплавания и путешествия», сообщая, что «склонность к удивительному была основным компонентом почти всех разделов литературы и науки в предыдущие столетия, но ее заменил возросший интерес к эмпирическому знанию»⁴⁸⁴.

К XIX в. складывается представление о примерно одинаковом устройстве жизни на всей планете, которая уже не может удивить ни невероятными явлениями, ни диковинными созданиями. В 1770 г.

⁴⁸³ Longley P. A. Virtual Voyages: Travel Writing and the Antipodes, 1605–1837. P. 1.

⁴⁸⁴ Ibid. P. 134.

Австралия, став владением британской короны, окончательно заменяет собой известный некогда мифический континент на юге, населенный антиподами. Вскоре там появится первый город, который в целом будет мало чем отличаться от любого другого города Британской империи. Так уйдет в прошлое один из последних регионов, населенных фантастическими существами.

Стерну приходится для сопоставления с жителями Земли вообразить обитателей Меркурия, но едва ли кто сможет воспринять данное описание иначе, чем забавную шутку: «Больше всего удивляет то, что литературная форма, имевшая читательскую аудиторию и востребованность на рынке более чем два столетия, исчезает практически бесследно»⁴⁸⁵. Конец воображаемых путешествий предвещал собой конец травелогов как таковых. Записки местных жителей, переселенцев и путеводители казались гораздо более точными источниками сведений о регионах Земли, а обо всем остальном можно было узнать из газет или романов.

4.2. Российская империя

Схожий путь в конце XVIII — начале XIX в. проходит развитие представлений о пространстве и стратегиях его описания в Российской империи. Философы пытались приспособить к российской действительности европейские модели реальности и разрешить для себя вопрос об отношении эмпирического и душевного (трансцендентального) восприятия.

В «Философических предложениях», изданных в 1768 г., Я. П. Козельский выделяет три типа познания: историческое, философическое и математическое: «Когда мы видим, в каком народе мало добродетелей, то это будет познание историческое; когда мы усматриваем, что то происходит от излишнего своеволия одной части того народа и от великого притеснения другой, то это будет познание философическое; а когда мы заключаем, что чем больше будет в том народе с одной стороны самоволия, а с другой утес-

⁴⁸⁵ Longley P. A. *Virtual Voyages: Travel Writing and the Antipodes, 1605–1837*. P. 18.

нения, то тем меньше будет в нем добродетелей, а тем больше пороков, то это будет познание математическое»⁴⁸⁶. Выбирая в качестве примера для описательных моделей устройство народной жизни, автор отражает перемены, происходящие в описании реальности, и отмечает переключение внимания с фиксации природных объектов на людей не в плане политического устройства их жизни, а их внутреннего мира.

Познание, по его версии, проистекает от чувств, которые могут обманывать нас и искажать действительность. Единственную возможность познать истинное устройство мира дает метафизика, которая «содержит в себе онтологию, то есть знание вещей вообще, и психологию, то есть науку о духе, или о душе»⁴⁸⁷.

Метафизическое знание позволяло обратиться к исследованию недоступных органам чувств категорий реальности, в том числе к изучению человеческой души. Т. В. Артемьева пишет: «Включение в область возможного познания гипотетических и принципиально непознаваемых объектов расширяло возможности человека, ибо, “метафизическую”, он не стеснен ни данными чувств, ни результатами опытов, ни отсутствием фактов»⁴⁸⁸. Она приводит характерный пример рассуждения, написанный в анонимном очерке 1784 г.: «Кто может мне истолковать, для чего мои чувства меньше меня обманывают, нежели мой разум? Я розу не принимаю за алмаз; но всякий день малые причины принимаю за великие, а посему мне кажется, что больше находится истины в самих предметах, нежели в моем разуме, который их сравнивает»⁴⁸⁹.

Д. С. Аничков в «Слове о свойствах познания человеческого» (1770) отрицает врожденное знание, но признает недостаточность чувств для понимания реальности: «из презрительного порядка, на-

⁴⁸⁶ Общественная мысль России XVIII века : в 2 т. Т. 1: *Philosophia rationalis* / сост., автор вступ. ст. и коммент. Т. В. Артемьева. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 157.

⁴⁸⁷ Там же. С. 173.

⁴⁸⁸ Там же. С. 18.

⁴⁸⁹ Человек, наедине рассуждающий о неудовершимых пневматологических, психологических и онтологических задачах // Покоящийся трудолюбец. М. : Тип. Моск. ун-та, 1784. С. 72.

блюдаемого между вещами в сем видимом свете, заключаем, что Бог есть един и премудрый; идею духа получаем, когда, исключив все те свойства, какие в телах примечаем, яко то разделение на части, фигуру и проч., присовокупляем к оному разум и волю»⁴⁹⁰. В то же время он относит чувствование, воображение и память к низшей части познания, роднящей человека со скотом, а «разумения, рассуждения, умствования, внимания и отвлечения, единственно одному человеку, поелику разумом одаренному, свойственные»⁴⁹¹. Подобно Дж. Локку, он критикует эмпирические способности и призывает на помощь в деле познания мира разум — этот инструмент человеческой души: «изображение, впечатленное в самых нижних частях моего глаза, чрез посредство оптических нервов и тоненьких одного жилок к самому мозгу или обиталищу душевному переносится, отчего в душе и последует понятие о том мною видимом предмете»⁴⁹².

В докладе «Слово о превратных понятиях человеческих, происходящих от излишнего упования, возлагаемого на чувства» (1779) Д. С. Аничков критикует тех, кто, экспериментируя, надеется понять секреты божественного замысла: «Не открыто нам, говорят они, еще и поныне, и чувствами своими не понимаем мы того, каким образом производится прилив и отлив воды морской, и магнит ли притягивает к себе железо, или обратно, железо магнит. Но сожалительно, когда не понимают они того внутренними своими чувствами, что многого незнание составляет великую часть мудрости и что разум их, как теснейшими пределами ограниченный, в союз всех вещей проникнуть не может»⁴⁹³.

Несмотря на то, что душа считается основным инструментом познания, воображение и вымысел затемняют верное понимание реальности и должны подчиняться логике. С этим связано малое количество воображаемых путешествий конца XVIII — начала XIX в. в России. Примером травелога, в котором герой совершает путешествие в вымышленном пространстве, служит текст В. А. Левшина

⁴⁹⁰ Общественная мысль России XVIII века. Т. 1. С. 57.

⁴⁹¹ Там же. С. 59.

⁴⁹² Там же. С. 60.

⁴⁹³ Там же. С. 110.

«Новейшее путешествие, сочиненное в городе Белеве», частично опубликованное в 1784 г.

Главный герой Нарсим, размышляя о свойствах воздуха, воображает воздушный флот, пригодный для плавания «по этому жидкому веществу» и полета на Луну. Космос, по его словам, не имеет границ и населен по воле творца всевозможными тварями, которых еще предстоит открыть, причем он рассчитывает, что к этим новым «брегам» отправится исследовательская, а не военная экспедиция»: «Брега новыя сей Индии не обагрились бы кровию от исходящих на оныя громоносных бурий: се было бы воинство, вооруженное едиными оптическими орудиями, перьями и бумагою»⁴⁹⁴.

Исследователи рассматривают текст Левшина как социально-политическую утопию, в которой одновременно продемонстрирован естественный образ жизни жителей Луны, не обремененных никакими, кроме моральных, законами и превозносится правление Екатерины Второй в России. Два эти положения, на первый взгляд, противоречат друг другу, вынуждая исследователей по-разному толковать их назначение, объясняя их либо сатирой, либо мерой необходимой, чтобы обойти цензуру⁴⁹⁵.

Важно, что путешествие происходит не в реальном мире, а во сне, хотя рассуждения героя на естественно-научные темы и говорят, что автор не искажал физическую действительность, а, наоборот, использовал формат путешествия на Луну для популяризации концепции, согласно которой планеты удерживаются подле друг друга не за счет силы притяжения, а из-за распространенного повсеместно воздуха: «Понеже, когда б воздух окружал только одни земныя тела, а не занимал всего пространства неба, притягательная сила тел не имела бы ни от чего себе препятствия, и большее тело привлекло бы к себе малое: поелику эфир, быв без воздуха, тонкостию своею не мог бы воспящать сильному действию магнитной

⁴⁹⁴ Левшин В. А. Новейшее путешествие, сочиненное в городе Белеве // У светлого яра Вселенной. М. : Правда, 1988. С. 6.

⁴⁹⁵ Ростовицва Ю. А. Утопия В. А. Левшина «Новейшее путешествие, сочиненное в городе Белеве». Между Eutopia и Utopia // Вестн. Омск. гос. пед. ун-та. Гуманит. исслед. 2017. № 3 (16). С. 113–117.

силы. Таковым образом увидели бы мы Луну, присоединенную к Земле, а оную взаимно к Марсу и так далее»⁴⁹⁶.

Дабы не быть голословным, герой приводит опыт с наполненным водой сосудом и кусочками бумаги, т. е. экспериментально доказывает свою теорию. Его концепция не противоречит идее о Творце, который наполнил пространство воздухом и разместил на нем тверди, и в то же время она сообразна гелиоцентрической системе: «Посему никакая комета не может притянуть к себе Землю нашу: ибо оные так же свои имеют места и равно как все миры плавают в своих кругах по путям, кои устрояет им давление воздуха, отчего и все тела небесные совершают шествие свое около Солнца, яко центра, уподобляющегося средней точке воды, наполненной в сосуде»⁴⁹⁷.

Несмотря на то, что путешественник описывает пространство с научных позиций, а его теории основаны на опыте и эксперименте, образ жителей Луны соответствует идеалу Ж. Ж. Руссо, который утверждал, что научное знание уводит от естественной простоты и незамутненного понимания реальности.

Схожим по построению является воображаемое путешествие «Сон Кидала», представленное в собрании историй М. Д. Чулкова «Пересмешник или славянские сказки»⁴⁹⁸ (1789). Герой во сне отправляется на Луну, но путь его изображен гораздо проще. Автор отмечает только, что воздух охладел и сделался тонок, горы «показались ему такою малою вещью, которую и вблизи едва рассмотреть можно», а «великая твердь» — «шаром, не больше тех, которые мы видим на тверди небесной»⁴⁹⁹. Оба автора членят пространство на регионы по принципу специфики политического управления, транслируя представление о зависимости уровня и качества жизни от политической системы. Пространство, из которого исключены климатические и ресурсные аспекты, кажется чистым листом, где в зависимости от характера власти будет устроена та или иная форма жизни, которая и станет это пространство характеризовать.

⁴⁹⁶ Левшин В. А. Новейшее путешествие, сочиненное в городе Белеве. С. 7.

⁴⁹⁷ Там же. С. 9.

⁴⁹⁸ Чулков М. Д. Пересмешник или славянские сказки. М. : В типографии Пономарева, 1789.

⁴⁹⁹ Там же. Ч. 5. С. 30.

Жизнь лунного общества построена на основании «естественного права», а научное знание заменено на непосредственное постижение тайн мироздания: «мы стараемся больше познавать того, кто создал всю вселенную, какую приносить ему за то благодарность, как прославлять его и просить отпущение нашим согрешениям; наконец, стараемся изведать, что воспоследует с нами по окончании нашей жизни...»⁵⁰⁰ Быть добродетельными и контролировать свои страсти, подчиняя их разуму, — главные цели представителей лунного сообщества ученых, т. е. основная наука в их мире — познание самого себя.

Данная идея воплотилась во многих травелогах конца XVIII в. Герои не столько описывают окружающее пространство, сколько фиксируют свои эмоции, фантазии и сны. Уже в ранней пейзажной лирике заметен сдвиг с описания внешнего на фиксацию собственных чувств, например, Василий Майков в описании усадьбы Чернышева (1776) упоминает и мысленное путешествие, и душевное согласие: «Куда не обращаю взоры, / Везде красы природы зрю, / Чрез рощи, чрез высоки горы / Я в мысли путь себе творю: / Там воды протекают ясны, / С душой владетелей согласны»⁵⁰¹.

М. М. Бахтин связывал возникновение персональных зарисовок природы с развитием камерного, т. е. внутреннего, мира человека: «В камерный мир приватного человека природа входит живописными обрывками в часы прогулок, отдыха, в моменты случайного взгляда на раскрывшийся вид»⁵⁰². А. А. Федоров-Давыдов отмечает связь травелогов и пейзажей: «картины природы играли существенную роль и занимали много места, а часто бывали даже как бы лейтмотивом в литературе путешествий»⁵⁰³.

Одним из первых русских травелогов, сочетающих в себе чувственное описание образов реальности и особое внимание к гражданскому состоянию общества является «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева (1790). Радищев «вместе со Стерном,

⁵⁰⁰ Чулков М. Д. Пересмешник или славянские сказки. Ч. 5. С. 39.

⁵⁰¹ Майков В. И. Избранные произведения. М. ; Л. : Совет. писатель, 1966. С. 256.

⁵⁰² Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. С. 120–290.

⁵⁰³ Федоров-Давыдов А. А. Русский пейзаж XVIII — начала XX вв. : Исследования, очерки. М. : Совет. художник, 1986. С. 19.

конечно, принадлежал к числу “сентиментальных” странников, чья восприимчивость возбуждается малейшим житейским фактом, уносит их в безбрежное море мыслей, сближений, выводов, сочувствий и протестов»⁵⁰⁴. Чувствительность для него есть не просто сосредоточение на эмоциях, но особый ход мысли, позволяющий сформировать представление о жизни народа, его нуждах и характерах. В одной из философских работ Радищев писал: «Когда человек действует, то ближайшая причина к деянию его никогда есть умозрительна, но в чувствовании имеет свое начало, ибо убеждение наше о чем-либо редко существует в голове нашей, но всегда в сердце»⁵⁰⁵. Возможно, во фразе из его стихотворения «Чувствительным сердцам и истине я в страх / В острог Илимский еду», под чувствительными сердцами как раз и следует понимать людей думающих и рассуждающих.

Часто первым русским автором, писавшим в традиции чувствительного, или сентиментального, травелога называют Н. М. Карамзина: «...Карамзин поставил перед странствующим по свободной воле субъектом куда более высокую цель — самопознание и самоопределение в контексте открываемой в путешествии новой реальности»⁵⁰⁶.

Карамзин, знакомый с текстами европейских, в том числе английских, авторов, отмечал, что поэтическое преображение реальности не только не пагубно, но, напротив, служит формированию новых, лучших черт реальности: «Прекрасно то, чего нет, — сказал Ж.-Ж. Руссо. — Пусть! Если это прекрасное всегда от нас ускользает, как легкая тень, поймем его по крайней мере нашим воображением, устремимся в область сладких химер, будем набрасывать прекрасный идеал, обманем сами себя и тех, кто достоин быть обманутым. Ах! Если я не смог найти счастья на земле, может быть, я смогу его живописать — это уже значит быть, в некотором смысле, счастливым»⁵⁰⁷.

⁵⁰⁴ Веселовский А. Н. Западное влияние в новой русской литературе: Ист.-сравн. очерки. 2-е изд., перераб. М. : Рус. товарищество печат. и изд. дела, 1896. С. 119.

⁵⁰⁵ Общественная мысль России XVIII века. Т. 1. С. 19.

⁵⁰⁶ Милюгина Е. Г., Строганов М. В. Русская культура в зеркале путешествий. С. 20.

⁵⁰⁷ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л. : Наука, 1984. С. 456.

О Лоренсе Стерне Карамзин писал: «В каком ученом университете научился ты столь нежно чувствовать? Какая риторика открыла тебе тайну двумя словами потрясать тончайшие фибры сердец наших?»⁵⁰⁸ Он вспоминал о нем и в «Письмах русского путешественника» (1797): «Минуты две искал я ответа на лазоревом небе и в душе своей; в третью нашел его — сказал: “Поедем далее!” — и тростью своею провел на песке длинную змейку, подобную той, которую в “Тристраме Шанди” начертил капрал Трим, говоря о приятностях свободы. Чувства наши были, конечно, сходны. Так, добродушный Трим! Nothing can be so sweet as liberty...»⁵⁰⁹

Путешествие представлялось Карамзину потоком ощущений и эмоций, навеванных окружающим миром, «а кто в описании путешествий ищет одних статистических и географических сведений, тому, вместо сих “Писем”, советую читать Бишингову “Географию”»⁵¹⁰. «Письма русского путешественника» Карамзина, впервые опубликованные в 1797 г., в течение 30 лет были переизданы семь раз.

Чувствование и понимание человеческой природы подразумевало использование психологических приемов. Х. Уайт утверждал, что «XVIII в. не доставало адекватной психологической теории», имея в виду, что уход от средневекового восприятия мира к рациональному осмыслению не оставил места для рефлексии субъективного начала в работах историков. Именно в конце XVIII в. складывается что-то вроде «теории человеческого сознания», в которой разум, как основа истины, не противопоставляется воображению как основе ошибок, и та историографическая практика, в которой «фантазия, либо воображение могли столь же служить открытию истины, сколь и сам разум»⁵¹¹.

Я. П. Козельский отмечал, что историком может быть человек «просвещенного разума, который бы имел дарование изобретательного, а не подражательного духа, который бы был самовидец

⁵⁰⁸ Карамзин Н. М. Сочинения : в 2 т. Л. : Худож. лит., 1984. Т. 2. С. 37.

⁵⁰⁹ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. С. 49.

⁵¹⁰ Карамзин Н. М. Сочинения: в 2 т. Т. 1. С. 79.

⁵¹¹ Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. С. 73.

описываемых им случаев»⁵¹². Под самовидцем стоит понимать того, кто умеет ярко воспроизвести события прошлого в своем воображении и точно их описать. К этому стремился и Карамзин в своих путешествиях.

В травелог «Исторические воспоминания, вместе с другими замечаниями, на пути к Троице и в самом монастыре», опубликованном в «Вестнике Европы» за 1802 г., хорошо видно, как путешественник встраивает образы прошлого в пространство: «Я въехал на гору Волкушу... Русские Патриоты! это место должно быть вам известно»; «Я стал на вершине горы — и воображение представило глазам моим ряды многочисленного войска под сению распушенных знамен»⁵¹³. Время и пространство сведены в одно за счет чувства и воображения, пера и чернил: «Таким образом, два дни прошли для меня в исторических воспоминаниях, делающих места и предметы любопытными».

К началу XIX в. большинство текстов, описывающих пространство, будут составляться в подобном ключе. Из самых известных можно вспомнить, кроме «Писем русского путешественника» Карамзина, «Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду» П. И. Сумарокова (1803–1805), «Путешествие в полуденную Россию» В. В. Измайлова (1805), «Путешествие от Петербурга до Белоозерска» П. Ю. Львова (1804), «Новый чувствительный путешественник или прогулка в А.» П. И. Шаликова (1802) и др. Всего за первое десятилетие XIX в. выходит более 50 переводных и отечественных путешествий⁵¹⁴.

К. Н. Батюшков в сочинении «Прогулка по Москве» (1811) использует схожую стратегию для описания московской панорамы: «Когда вечернее солнце во всем великолепии склоняется за Воробьевы горы, то войди в Кремль и сядь на высокую деревянную лестницу. Вся панорама Москвы за рекою! Направо Каменный

⁵¹² Общественная мысль России XVIII века. Т. 1. С. 172.

⁵¹³ Карамзин Н. М. Исторические воспоминания, вместе с другими замечаниями, на пути к Троице и в самом монастыре // Вестн. Европы. 1802. № 15. С. 214.

⁵¹⁴ Сопиков В. С. Опыт российской библиографии или полный словарь сочинений и переводов, напечатанных на Славенском и Российском языках, от начала заведения типографий до 1813 г. : в 4 ч. Репринт. изд. М. : Нобель Пресс, 2011. Ч. 4.

мост, на котором беспрестанно волнуются толпы проходящих; далее — Голицынская больница, прекрасное здание, дома гр. Орловой с тенистыми садами, и, наконец, Васильевский огромный замок, при-мыкающий к Воробьевым горам, которые величественно довершают сию картину, — чудесное смешение зелени с домами цветущих садов с высокими замками древних бояр; чудесная противоположность видов городских с сельскими видами»⁵¹⁵.

Фиксация пространства путем запечатления собственных чувств оставалась главной описательной стратегией на протяжении первой трети XIX в. Травелог Р. М. Цебрикова «Путешествие из Петербурга в Харьков» (1813–1814) содержит характерные для своего времени рассуждения. Пространство служит полотном, на котором автор запечатлевает оттенки своих эмоций, а душа служит важным инструментом подобного восприятия. Цебриков пишет: «Вы сами знаете, что чувствования и мысли, при взоре на предметы рождающиеся, погружаются в бездну забвения, коль скоро рука с помощью пера или карандаша не переведет их из глубины сердца на бумагу в самую минуту появления их; итак, сие описание мое единственно зависеть будет от памяти, которая в теперешних летах моих ежечасно мне изменяет»⁵¹⁶.

Путешественника не волнует материальный мир, он не занят собиранием редкостей, составлением описаний, созданием словарей или описанием народных традиций, он фиксирует собственные чувства. Примерно в это время путешественник Шарль Дюпати писал: «Другие взяли бы мраморы, медали, произведения натуральной истории: но я привез ощущения, чувства и идеи»⁵¹⁷.

Нет никакой строгой структуры, по которой можно было бы фиксировать эмоции. Нет обязательного прикрепления образов

⁵¹⁵ Батюшков К. Н. Прогулка по Москве // К. Н. Батюшков. Сочинения. М. ; Л. : Academia, 1934. С. 298.

⁵¹⁶ Цебриков Р. М. Путешествие из Петербурга в Харьков / сост., автор вступ. ст. и коммент. В. Ю. Иващенко. Харьков : ХНУ им. В. Н. Каразина, 2013. С. 31. (Сер. «Джерелознавчі зошити»; Тетр. 5).

⁵¹⁷ Цит. по: Шенле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий, 1790–1840 / пер. с англ. Д. Соловьева. СПб. : Акад. проект, 2004. С. 9.

пространства к конкретному времени или даже к конкретной реальности. Воспоминания, сны, представления о будущем — все может лечь в основу повествования. Источник суждений о пространстве — сердце или душа, но настоящее время — не единственное, которым оперирует автор. Прошное порой превосходит своим эмоциональным зарядом сиюминутность настоящего, а память служит источником, из которого чувства и переживания былого извлекаются на свет: «Едва родится мысль, едва оживотворится чувство, как уже внезапно попираются другими мыслями, другими чувствами; не успеешь обдумать одного предмета, как уже представляется множество других, понуждающих делать новые суждения, новые по обстоятельствам соображения...»⁵¹⁸

Суждения не непреложны и только через интуитивное познание возможно приблизиться к истине. Характерен диалог Цебрикова с попутчиком-математиком:

«— Да почему вы считаете математиков неспособными к восчувствованию любовных прелестей?

— Потому что они всегда заняты цифрами, в коих нет ни сердца, ни души.

— Разве количество не есть тело?

— Положим так, но только бесчувственное, бездушное; собирайте ваших количеств в длину, ширину, высоту, сколько вам угодно, все это будут одни неодушевленные цифры»⁵¹⁹.

Математическое измерение утратило статус достоверного — только душа и сердце могут привести к пониманию истины. Даже увиденные в пути сны важнее, чем окружающее пространство, так как сообщают нам об истинной натуре автора.

Путешествие необязательно происходит в настоящем времени — в описание могут быть включены воспоминания о прошлых путешествиях и т. д.: «После нашей беседы удалился я в свою комнату отдыхать; тогда пришло мне на мысль вообразить отроческие мои занятия и прогулки в окрестностях города; между прочим, вспомнил я о путешествиях моих в отстоящий от города на десять

⁵¹⁸ Цебриков Р. М. Путешествие из Петербурга в Харьков. С. 32.

⁵¹⁹ Там же. С. 46.

верст Куряжский монастырь, на богомолье в день святого Георгия весною в мае месяце и в день Спаса летом»⁵²⁰.

При этом мир сохраняет свое единство. Земля населена людьми, пусть и в чем-то различными, но созданными общим творцом: «Пусть в том и в другом от нас более отличаются монголы, китайцы, японцы, индиане, но и сии, а равно и другие народы все суть человеки, сотворенные тем же всемирным Отцом. Богом, которому и мы, и они поклоняются, которого чтят, и коему служат»⁵²¹.

Похожая оптика использована в описании Москвы М. Н. Загоскиным. Некоторые главы произведения «Москва и москвичи» по своему содержанию можно отнести к травелогам. Они построены в виде отчетов о поездках по Москве. Сам феномен путешествия выступает в качестве объекта рефлексии: «У меня и теперь еще волосы становятся дыбом, когда я вспомню про эту каменную мостовую, перед которой всякая городская мостовая показалась бы вам гладким и роскошным паркетом, и эта-то мостовая была для путешественника отдохновением, когда он выезжал на нее, проехав верст триста по дорожной бревенчатой настилке, которую уж, верно бы, Данте поместил в свой ад, если б ему случилось прокатиться по ней в телеге верст полтора или двести»⁵²². Автор в тексте сам моделирует пространство, и у Загоскина нет ни капли сомнения, что ад Данте является искусственным конструктором.

О Московском Кремле Загоскин пишет: «Здесь все напоминает вам и бедствия, и славу ваших предков, их страдания, их частные смуты и всегдашнюю веру в провидение, которое, так быстро и так дивно возвеличив Россию, хранит ее как избранное орудие для свершения неисповедимых судеб своих. Здесь вы окружены древнею русской святынею, вы беседуете с нею о небесной вашей родине»⁵²³. Непосредственно обозреваемое пространство неотделимо от коннотаций прошлого, вплетаемых в описание.

⁵²⁰ *Цебриков Р. М.* Путешествие из Петербурга в Харьков. С. 41.

⁵²¹ Там же. С. 44.

⁵²² *Загоскин М. Н.* Москва и москвичи: Записки Богдана Ильича Бельского. М.: Моск. рабочий, 1988. С. 63.

⁵²³ Там же. С. 128.

Одновременно в тексте чувствуется вызов, бросаемый материальному миру. Загоскин представляет себе общество рабочих как большую и сложную машину со множеством колес и шестерней, которая так и не сможет заработать: «для этого нужна мысль и воля великого художника, под творческой рукой которого все эти бесчисленные колеса будут действовать заодно: станут подымать тяжести, чеканить монету, пряхсть бумагу, ткать узорчатые ковры; как птица, полетят по железной дороге и, как рыба, без весел и парусов, вспашут волны беспредельного океана»⁵²⁴. Творческое начало ставится выше бездушного механического воспроизведения.

Во вставном фрагменте пьесы «Душа в хрустальном бокале» Загоскин пишет о душе: «Ты путем страданий достигла до самопознания; для тебя нет вещественных преград!» Душа покидает тело, стремясь «туда, где нет ни времени, ни пространства, — туда, где конечное, сливаясь с бесконечным, исчезает и в то же время живет новой, непостижимой для нас жизнью!»⁵²⁵

Однако в начале века начинает возникать и все больше работ, критикующих восприятие пространства как объекта, формируемого исключительно воображением зрителя. Профессор Казанского университета А. С. Лубский в «Письмах о критической философии» (1805) писал о пространстве и времени, что они — «необходимые принадлежности бытия вещей, нежели свойство или образ наших о вещах представлений», а «учение критической философии о времени и пространстве прямыми доводами отнюдь не оказано, косвенными не оправдало и пользы в нем никакой не видно»⁵²⁶. Таким образом, опыт, а не воображение — единственное, что может приблизить к пониманию реального физического мира.

Профессор Харьковского университета Г. Ф. Осиповский в речи «О пространстве и времени» (1807) утверждал, что описание пространства, исходя из внутреннего восприятия, само по себе парадоксально. Ведь если реальность конструируется только на основе душевного воображения, то сам смысл в этой субъективной реаль-

⁵²⁴ Загоскин М. Н. Москва и москвичи: Записки Богдана Ильича Бельского. С. 123.

⁵²⁵ Там же. С. 204.

⁵²⁶ Общественная мысль России XVIII века. Т. 1. С. 25.

ности исчезает: «Самое слово “где” не будет тогда иметь никакого вещественного значения, ибо сие слово относится к месту как и части видимого нами пространства, но с несуществованием пространства исчезает вместе и вещественность, понятия о местоположении вещей»⁵²⁷.

Когда лицейский товарищ Пушкина Федор Матюшкин отправляется в 1817 г. в кругосветное плавание, поэт подробно инструктирует его, как писать путевой дневник, с настоящим пожеланием не впадать в рассуждения о чувствах, а записывать «все подробности жизни»⁵²⁸.

Реальность, украшенная чувственными образами, переставала удовлетворять критически настроенных читателей. Возникало все больше сатирических произведений, высмеивающих как манеру письма чувствительных путешественников, так и формат травелога в целом.

Тенденция к упразднению литературного путешествия заметна по количеству публикующихся пародий. Пространство в них доводилось до абсурда за счет игры с местом и временем: «Путешествие NN в Париж и Лондон, писанное за три дня до путешествия» И. Дмитриева (1803), «Путешествие моего двоюродного брата в карманы. Вольный перевод неизвестного автора» (1803), «Чувствительное путешествие по Невскому проспекту» П. Яковлева (1828)⁵²⁹. Использование воображения не означало создания вымышленного мира, напротив, автор сам подчеркивал, что это литературная игра, далекая от реальности и имеющая к ней очень косвенное отношение. Высмеивалось само описание пространства, всегда в той или иной степени основанное на воображении.

Будущий директор Оружейной палаты А. Ф. Вельтман в травелоге «Странник» (1831–1832) совершает путешествие по карте, не выходя при этом из комнаты и даже не вставая с дивана. Решившись отправиться в путешествие, герой приходит к выводу, что для

⁵²⁷ Общественная мысль России XVIII века. Т. 1. С. 26.

⁵²⁸ Шенле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий. С 10.

⁵²⁹ Бахач И. В. Нарративная структура жанра путешествия : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск : Беларус. гос. ун-т, 2004. С. 12.

него понадобятся только голова, решительность и воображение, которые позволяют, не сходя с места, удовлетворять свое любопытство: «Разница между нами и прочими путешественниками будет незначительна: они самовидцы, а вы ясновидец». Его путешествие — это игра с пространством географической карты, метафорически символизирующей мир: «Потрудитесь, встаньте, возьмите Европу за концы и разложите на стол... Садитесь!»; «Итак, вот Европа! Локтем закрыли вы Подолию... Сгоните муху!...»⁵³⁰; «О неосторожность... какое ужасное наводнение в Испании и Франции!.. Вот что значит ставить стакан с водою на карту!.. но думал ли я когда-нибудь, что столкну его локтем с Пиренейских гор?»⁵³¹ На основе реальных объектов автор создает в своем воображении новый мир: «Взоры наши отправляются вдоль по широкой карте. Вот я вожу по ней указательным пальцем. Он могуществен, как перст времени. Хотите ли, подобно ему, я сотру с лица Земли грады, горы, границы царств!.. хотите ли, зажгу Ледовитый океан, обращу Белое море в Черное?»⁵³²

Приготовляясь к обеду, он обставляет пространство красотами, свезенными со всего мира: «Отдаление должно быть величественно. В синеве Шимборазо, как монумент в честь создания мира. За нею, подобно светлой короне с семью золотыми маковками, гора Сюммер — средоточие Вселенной. Подле нее Каркуф, увенчанный Вавилонской башнею. Посредине хребтов водопад Ниагарский. Равнина, простирающаяся от нас до отдаления, должна быть усеяна холмами Цитереиды, пальмы солимскими, кедрами ливанскими, тополями Эрихона, финиками мекскими, апельсинами мальтийскими, каштанами индейскими, гранатами алжирскими, фисташками алепскими, виноградником коринфским»⁵³³.

Весь мир становится собственностью путешественника, его безраздельным владением: «Покойся, покойся, мечтатель! завтра новые силы окрылят твою гордость; завтра снова ты окинешь взо-

⁵³⁰ Вельтман А. Ф. Странник. М. : Наука, 1978. С. 10. (Сер. Литературные памятники).

⁵³¹ Там же. С. 18.

⁵³² Там же. С. 62.

⁵³³ Там же. С. 67.

ром природу и скажешь: все мое!»⁵³⁴ Описание пройденного пути, географического положения, климатических особенностей, проживающего населения, количества уездов и всего прочего автор оставляет географам и специалистам: «я скажу только, что Бессарабия лежит на земном шаре в виде длинной фигуры, склонившей голову свою на отрасль Карпатских гор и призывающей в объятия свои родную Молдавию»⁵³⁵. Вдаваться в исторические экскурсы автор также не видит особого смысла ввиду отсутствия общей правды и разногласий среди историков: «Если б при Фермопилах в 300-х спартанцах столько же было единодушия, сколько в 300-х историках, описавших Марафонскую битву, — погибла бы Греция!»⁵³⁶ «Отклонив внимание и любопытство читателя от Частной и Всеобщей истории, которую в настоящем веке борьбы классицизма с романтизмом не нужно знать, а иногда не должно знать, а иногда стыдно знать, — я иду по кишиневской улице...»⁵³⁷

В 1833 г. О. И. Сенковский публикует состоящие из четырех частей «Фантастические путешествия барона Брамбеуса», где обыгрываются и высмеиваются основные черты травелогов: «Зевая на природу и искусство, съедая с аппетитом жареных щенков и парадоксов, закусывая шаро и бананами, запивая мадерою, перевезенною восемь раз через экватор, какой не пивал и сам Гумбольдт, прусский камергер и всемирный ученый; варя щи вместо дров на мумиях министров и любовниц великого Фараона, я путешествовал фантастически — иначе путешествовать я не умею, — бродил кругом света, по свету и под светом; старался видеть все и наблюдал все, что видел; делал открытия, стряпал замечания, изучал людей, изучал мужчин и женщин и был уверен, что путешествую для образования своего ума и сердца»⁵³⁸.

Путешествие Брамбеуса состоит из серии пародий на разные формы описания пространства. Путешественник, собравшийся

⁵³⁴ Вельтман А. Ф. Странник. С. 39.

⁵³⁵ Там же. С. 29.

⁵³⁶ Там же.

⁵³⁷ Там же. С. 30.

⁵³⁸ Сенковский О. И. Сочинения барона Брамбеуса. М. : Совет. Россия, 1989. С. 35.

описать устройство мира, будет поражен его однообразием: «Еду, еду — и все то же: равнина, лес, болото; болото, лес, равнина; на равнине лесок, за леском рожь; за рожью опять лесок, за леском опять рожь»⁵³⁹; «Ищу поэзии и повсюду встречаю приказную прозу, без правописания. Напрасно проехал я всю Россию: здесь никогда не бывало предметов сильных ощущений. Даже некого обыграть в карты!..»⁵⁴⁰ Однако попав под Одессой в бурю, его бричка превращается во фрегат, бороздящий грязевые просторы, и едва не терпит бричкокрушение: «После двухнедельного грязеплавания бричка моя благополучно бросает якорь в вольной гавани Одессе. Это было ночью, посреди улицы»⁵⁴¹.

Но и в Одессе герой не находит ничего, достойного описания: «Поэзии нет в Одессе; самыми сильными ощущениями называются появление саранчи и мороз в 24 градуса»⁵⁴². Обыгрывая хорографические описания, автор сетует, что и представители разных национальностей все одинаковые, и разговоры их «все тот же вздор в разных переводах», и торговля ведется, только чтоб проиграть заработанное в карты.

Подхватив в Константинополе чуму и еле от нее оправившись, герой решает, что с него достаточно ярких поэтических впечатлений, вроде малороссийской грязи или одесского карантина, и решает податься в ученые. Во время лечения врач рассказывал ему в духе антиквариетов о древностях и медалях, отчего Брамбеус «сделался совершенно тупым, скучным и в то же время почувствовал себя весьма ученым». И чем он становился глупее, тем чувствовал себя учнее: «Я уже не думал, а только помнил, был весь составлен из выписок, примечаний и отметок, и все мои чувства выражал NB — нотабеною»⁵⁴³.

Автор предлагает приобщиться к его учености, прочитав отчет о его научном путешествии: «отрывок небольшой, но такой скучный, такой тяжелый, что сами вы удивитесь моей учености». В сочинении

⁵³⁹ Сеньковский О. И. Сочинения барона Брамбеуса. С. 41.

⁵⁴⁰ Там же. С. 42.

⁵⁴¹ Там же.

⁵⁴² Там же. С. 43.

⁵⁴³ Там же. С. 62.

высмеиваются как стилистические особенности ученого травелога, так и специфика научного знания в целом: «Невозможно представить себе ничего забавнее почтенного испытателя природы, согнутого дугой на тощей лошади и увешанного со всех сторон ружьями, пистолетами, барометрами, термометрами, змеиными кожами, бобровыми хвостами, набитыми соломой сусликами и птицами, из которых одного ястреба особенного рода, за недостатком места за спиной и на груди, посадил он было у себя на шапке»⁵⁴⁴. Всю дорогу буряты принимали ученого попутчика Брамбеуса за шамана, особенно когда слышали его немецкую брань и настойчиво требовали изгнать из них чертей. «Мы хохотали почти всю дорогу»⁵⁴⁵.

Всю дорогу ученый пытался доказать Брамбеусу обоснованность теории большого потопы, изменившего поверхность и народонаселение Земли. Любая теория может быть навязана слушателю, вне зависимости от надежности ее положений: «На другой день я уже был в бреду: мне беспрестанно грезились великие перевероты земного шара и сравнительная анатомия, с мамонтовыми челюстями, мастодонтовыми клыками, мегалосаурами, плезиосаурами, мегалотерионами, первобытными, вторичными и третичными почвами»⁵⁴⁶.

Героям удается чудесным образом обнаружить в пещере на Медвеьем острове посреди Ледовитого океана египетские иероглифы и за неделю расшифровать их, пользуясь методикой Шампольона: «всякий иероглиф есть или буква, или метафорическая фигура, или ни фигура, ни буква, а простое украшение почерка. Ежели смысл не выходит по буквам, то...» Древнее послание, которое удается расшифровать Брамбеусу повествует об истории любви древнеегипетского философа, его страстях и неудачах, связанных с падением кометы и началом великого потопы.

Сенковский создает вымышленное пространство и включает в него для большей иронии еще и вымышленные сюжеты прошлого. Однако в итоге заезжий геолог раскрывает Брамбеусу и немецкому ученому секрет, что про комету всем известно и так, а надписи,

⁵⁴⁴ Сенковский О. И. Сочинения барона Брамбеуса. С. 63.

⁵⁴⁵ Там же.

⁵⁴⁶ Там же. С. 65.

которые они прочитали, — это просто-напросто редкая «глифическая кристаллизация сталагмитов»: «Отделавшись от Шпурцманна, я поклялся не предпринимать более ученых путешествий»⁵⁴⁷.

Заключительная часть произведения представляет пародию сразу на несколько типов описания. В нем есть и элементы безумного путешествия, в котором нарушаются физические законы природы, когда герой проваливается в жерло вулкана Этны и учится ходить вниз головой в мире, расположенном в центре Земли, и сентиментального путешествия, которое доведено до абсурда увлечением героя всеми встречными барышнями, одна из которых оказывается его женой, а также пародия на утопию, когда попытки жителей внутренней части Земли рассказать о своем политическом устройстве наталкиваются на полнейшее равнодушие автора: «я путешествовал вверх ногами по разным подземным государствам: все они стоят опрокидью, хотя в различных положениях, и рассуждают навыворот о своем благоденствии. Я прочитал их политическую экономию и советовал им стоять, как они поставлены, трудиться и не рассуждать. Профессоры политических наук хотели за этот совет побить меня камнем»⁵⁴⁸.

Сочинение Сенковского является многослойной пародией, основной вывод из которой состоит в том, что никому уже не интересны антиквариат, хорографы, ученые или сентиментальные путешественники и их устаревшие описания и описательные стратегии: «Вот и конец моим сказаниям! Теперь извольте купить себе другую книгу: желаю вам много наслаждаться»⁵⁴⁹.

Не менее остро высмеян жанр травелога в сочинении В. А. Соллогуба «Тарантас» (1840). Состоятельный помещик Василий Иванович и молодой франт Иван Васильевич, только что вернувшийся из Франции, обсуждают свои планы. Иван Васильевич заявляет, что хотел бы изучить родину: «Разбирая наши памятники, наши поверья и преданья, прислушиваясь ко всем отголоскам нашей старины, мне удастся... мы дойдем до познания народного духа,

⁵⁴⁷ Сенковский О. И. Сочинения барона Брамбеуса. С. 139.

⁵⁴⁸ Там же. С. 171.

⁵⁴⁹ Там же. С. 174.

нава и требования и будем знать, из какого источника должно воз-
никать наше народное просвещение, пользуясь примером Европы,
но не принимая его за образец»⁵⁵⁰.

Европейские путешествия не привлекают автора по причине
того, что «все уже изучено» и ни в чем нет истинной яркой жизни:
«И вот пошатался я по Европе, видел много трактиров и пароходов,
и железных дорог, осмотрел многие скучные коллекции и нигде
не находил тех живых впечатлений, которых надеялся»⁵⁵¹.

Гражданский долг, убежденность в великой культуре народа и его
силе служат для героя путеводной звездой, но описание образов
пространства требует не патриотизма и гражданственности, а во-
ображения. Путевые впечатления для него — это «всякая всячина»:
«кого видел, что понял и что угадал, наблюдения о нравах, о прос-
вещении, о степени искусства, о движении торговли, о древности
и о современности — одним словом, о целом быте народном»⁵⁵².

Он понимает и жалеет, что путешественники часто искажают
действительность, а «впечатления не всегда носят отпечаток истины
и оттого теряют свое достоинство», т. е. в основе описания должна
лежать достоверная фиксация фактов и развитие знаний о мире,
поэтому он и мечтает создать новое описание России. «Путевые
впечатления за границей никому не нужны, потому что нового
в них ничего быть не может. Но путевые впечатления в России
могут много явить любопытного, в особенности если они будут
руководствоваться одной истиной. Подумайте, какое обильное поле
для изысканий: изучение древних памятников, изучение нашей
прекрасной, нашей великой и святой родины»⁵⁵³.

Попытка механической фиксации пространства едва ли может
к чему-то привести. Поездка в Мордасы открывает перед геро-
ем возможность выполнить свою мечту, «но эта неблагородная
перина, но эти ситцевые подушки, но этот ужасный тарантас!...». Иван Васильевич стремится путешествовать, дабы наблюдать раз-

⁵⁵⁰ *Соллогуб В. А. Тарантас. Путевые впечатления.* СПб. : Изд. Андрея Иванова, 1845. С. 11.

⁵⁵¹ Там же. С. 88.

⁵⁵² Там же. С. 26.

⁵⁵³ Там же. С. 27.

личие городов, но его собеседник замечает: «Да между ними нет различия». Помещик не понимает энтузиазма Ивана Васильевича: «Какое, батюшка, путешествие! Путешествуют там, за границей, в неметчине; а мы что за путешественники? Просто дворяне, едем себе в деревню».

Для описания пространства требуется владение определенными моделями репрезентации, но Иван Васильевич руководствуется исключительно собственным патриотизмом, в связи с чем травелог так и остается неначатым. «Иван Васильевич успел вдоволь надуматься о судьбах России и наглядеться на красоту мужиков, которые, сказать правду, уже начали ему надоедать. В книгу записывать было нечего». Единственное, что оставалось — это дремать, сонно поглядывая в окно: «Иван Васильевич взглядывал на Василия Ивановича. Василий Иванович взглядывал на Ивана Васильевича, и оба садились дремать друг перед другом по несколько часов сряду»⁵⁵⁴.

Герой стремится написать сентиментальный текст о судьбах родины, но не учитывает, что для этого нужно обладать изрядным воображением. Попытка найти достойные сюжеты в реальном пространстве может удался только при наличии описательных схем — академических инструкций, устойчивых традиций описания или хотя бы фантазии: «Посудите сами: можно ли было что писать? Дорога, избы, зрители, все это так неинтересно, так прозаически скучно. Право, записывать было нечего, даже если б и всю спину не ломало»⁵⁵⁵.

Конец эпохи травелогов наступает, когда встает вопрос о достоверности приводимой в них информации. Авторы больше не скрывают, что описываемое ими пространство является вымышленным, но это автоматически относит их произведения к разряду развлекательных и далеких от реальности, образ которой, по представлению читателей, уже хорошо всем известен.

Травелог какое-то время мог оставаться повествовательной формой для художественных произведений, но последующее развитие персонажей и углубление их характеров устранило необходимость в подробном описании пространства, да и образ главного героя, со-

⁵⁵⁴ *Соллогуб В. А. Тарантас. Путевые впечатления. С. 46.*

⁵⁵⁵ Там же С. 48.

вершающего путешествие, потерял актуальность. Ч. Миллз в 1822 г. о воображаемых путешествиях писал: «тяжелый и бесполезный класс беллетристики. Бесполезный, потому что существует только за счет воровства из более оригинальных источников, а тяжелый, потому что то, что изобретено, настолько ограничено и сковано реальностью, к которой он восходит, что самая живая фантазия будет парализована»⁵⁵⁶.

Дело, конечно, не в том, что пространство изучено и говорить больше не о чем, дело в том, что изменились мыслительные установки — была поставлена под сомнение возможность достоверного описания действительности и сформировалось представление о единообразном мире и более того — единообразной Вселенной.

Стругацкие в романе «Обитаемый остров» (1969) напишут: «Взрослые солидные люди в Группу Свободного Поиска не идут. У них свои взрослые солидные дела, и они знают, что все эти чужие планеты в сущности своей достаточно однообразны и утомительны. Однообразно-утомительны. Утомительно-однообразны...»⁵⁵⁷ Мы ничего не знаем о других планетах, но готовы поверить авторам.

В середине XIX в. сведения об отдельных характеристиках пространства можно было получить из специализированных журналов по ботанике, геологии, истории, географии и пр. Позднее путешествие в вымышленном пространстве возродится. Путешествия Жюль Верна к центру земли, на дно океана, на луну и т.д. станут основными образцами жанра научной-фантастики. Авторы будут отправлять героев в далекий космос или в будущее, не рискуя быть обвиненными в обмане или подтасовке фактов.

Кажется, сюда можно было бы отнести и путешествие в прошлое, но, как ни парадоксально, его описание все еще сохраняет пафос достоверности и однозначности, утраченный трaвелогами еще в середине XIX в.

⁵⁵⁶ Longley P. A. *Virtual Voyages: Travel Writing and the Antipodes, 1605–1837*. London : Anthem Press, 2010. С. 134.

⁵⁵⁷ Стругацкий А., Стругацкий Б. Повести. М. : Ибис : ЦДИ, 1992. С. 4.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из вышесказанного, можно сделать вывод, что пространство не существует вне описательных практик и как бы мы не были уверены в том, что нас окружает однозначный и объективный мир, такое представление является явным упрощением. На протяжении истории описательные практики влияли на то, как именно воспринимается и фиксируется реальность.

В отсутствие строгих конвенций, т. е. соглашений внутри общества касательно описательных практик и устойчивых моделей описания, представленных в текстах, описания будут составлять сообразно бытующим в сообществе мифам и преданиям. Известный автору фрагмент мира будет служить его центром, а все, что находится на периферии или за его пределами, будет принимать самые оригинальные формы.

С возникновением и распространением культуuroобразующих текстов, таких как Священное Писание, пространство начинает соотноситься с категориями времени, представленными в них. Текст в данном случае довлеет над личным опытом, а объективность гарантирована откровением, а не личными наблюдениями. Ситуация меняется в эпоху Ренессанса, когда мореплаватели, руководствуясь личным опытом, отправляются на поиски дальних земель и постепенно вырабатывают новые методы фиксации, возникают региональные атласы и карты мира, составляются травелоги и отчеты о путешествиях.

Процесс создания географических карт или травелогов связан с определенным представлением об «объективной» реальности. Именно поиск объективных стратегий восприятия и попытка избежать индивидуальных заблуждений вели к формированию основ для достоверного знания, связанных с моделями фиксации,

выраженными либо в понятии духовного откровения, либо в виде торговых или академических инструкций.

В Англии процесс формирования устойчивых моделей описания, основанных на новом представлении об объективном знании, идет на протяжении XVI в. и связан как с географическими открытиями, так и с новыми практиками фиксации пространства в виде карт и травелогов.

Московское царство становится для Англии государством, в ходе взаимодействия с которым отрабатываются новые методики репрезентации пространства, что касается и первых торговых отчетов середины XVI в., и карт, составленных С. Барроу, А. Дженкинсоном и др. На основе описания Московии и восточных земель формируется собственная идентичность, в том числе благодаря практикам визуальной фиксации пространства в виде карт.

Карта становится одним из атрибутов власти и важным инструментом управления, что создает новое представление о реальности и открывает путь к ее дальнейшему освоению. Пространство в данной модели существует за счет включения его в исторический контекст и дробления на политические единицы.

Таким образом, освоение пространства связано как с формированием собственной идентичности, включенной в географические границы реальности, так и с наделением пространства в пределах этих границ новыми смыслами и значениями. Подобное восприятие формируется за счет составления и распространения географических карт, в которых ключевым объектом служат политические границы регионов, а также за счет описания этих регионов в травелогах, авторы которых делают акцент на принадлежности территорий и их функциональном назначении.

Процесс освоения пространства в Англии происходит в XVI — начале XVII в., начиная с распространения карт при дворе Генриха VIII и вплоть до публикации У. Кемденом масштабного обзора регионов страны. Позднее в Англии возникают описательные практики, нацеленные на фиксацию пространства как независимого объекта — бэкониянские травелоги и тексты, составленные по модели Р. Бойля.

В России формирование устойчивого представления о пространстве начинается во второй половине XVII в. и идет на протяжении XVIII в. Тогда же публикуются и хорографические обзоры регионов, такие как описания Сибири С. У. Ремезова и сочинения участников академических экспедиций.

Процесс освоения пространства в России будет происходить одновременно с процессом его изучения на протяжении XVIII в. Конечно, новые практики фиксации реальности проникают в Россию из стран запада уже в XVI в., но в контексте христианского мировоззрения они принимают своеобразные формы, например, в виде иконографических проекций местности.

Важно, что и в Англии, и в России происходит постепенное смещение акцентов с вербальной информации к визуальным изображениям, а позднее и к физическим объектам, что связано в том числе и с технологическим прогрессом в европейских странах в целом. Подобный переход происходит в английской историографии XVII в., когда изучение и накопление данных о естественных объектах в виде каталогов и коллекций приводит к трансформации представления о прошлом и включению дописанных культур в общий ход человеческой истории.

Вопрос о возможностях анализа дописанных культур и мировоззрения современных дикарей встает и в России в XVIII в., когда европейские научные практики утверждаются на ее территории. Границы научного знания в России этого времени еще только формируются, что требует от интеллектуальной элиты ответа на вопрос, в чем состоит отличие миропонимания дикарей от мировоззрения современных исследователей. На примере травелогов С. Крашенинникова, И. Лепехина, И. Гмелина и других видно, что ответ был далеко не так однозначен, как может показаться, и границы между знанием «научным» и «мифопоэтическим» в России XVIII в. еще только начинают складываться.

Математика как основа рационального знания на протяжении XVIII в. утрачивает свои позиции. Ученые признают существование недоступных для измерения материй, что приводит и к трансформации моделей описания пространства. При сравнении текстов XVII в. с травелогам второй половины XVIII — первой половины

XIX в. очевидна трансформация авторских установок, сделавшая возможным включение в авторский инструментарий наблюдений за собственными ощущениями и обязательную рефлексия.

Сентиментальный травелог становится одним из самых популярных жанров как в Англии, так и в России. Пространство теряет статус независимого объекта, подчиняясь субъективной логике автора. Это видно как на примере английских текстов Г. Филдинга, Л. Стерна и др., так и в России (Р. М. Цебриков, М. Н. Загоскин, К. Н. Батюшков и др.). Теперь не непосредственные объекты нуждаются в описании, а их образы, зависящие от переживаний автора. Обилие текстов, в которых индивидуальное фактически отрицает наличие общего, приведет в конечном итоге к кризису жанра и разделению текстов на «документальные» и «воображаемые».

Однако вплоть до XIX в. функция воображения при фиксации образов пространства являлась неочевидной, позволяя авторам наполнять реальность субъективными характеристиками, метафорами и образами, претендующими на статус достоверных. И хотя роль воображения при составлении травелога акцентировалась английскими авторами еще в конце XVI в., повсеместно о вымышленном характере травелогов заговорили только в XIX в. До этого времени мы не найдем в травелогах замечаний о том, что описываемые события были полностью или в большей степени выдуманы. Сколь удивительными не казались бы нам приводимые авторами сведения, они даны в значении достоверных и объективных.

К XIX в. вместе с развитием технологий трансляции знания становится все сложнее убеждать читателей в существовании необычного, локализованного в земном пространстве. Это приводит к официальному разделению сочинений на документальные и вымышленные, т. е. художественные, что освобождает авторов от необходимости соблюдать границы реализма и в то же время является маркером упадка жанра, поскольку любой травелог в той или иной степени вымышлен, а попытка достоверного описания пространства, не основанная на априорных моделях описания, оканчивается неудачей, что продемонстрировано, например, в повести В. А. Соллогуба «Тарантас».

В результате к середине XIX в. складывается стереотип о том, как должно транслироваться знание о пространстве, выраженное на страницах многочисленных путеводителей. Разделение печатных изданий по специализации также предполагает множественность существующих описаний, затрагивающих отдельные аспекты пространства. Переживания и чувства героя теперь гораздо удобнее выражать в форме романа, где описания пространства и перемещения героя несут далеко не первостепенную смысловую нагрузку. В России это станет причиной роста количества произведений, высмеивающих жанр травелога как такового, например, «Странник» А. Ф. Вельтмана, «Фантастические путешествия барона Брамбеуса» О. И. Сенковского, «Тарантас» В. А. Сологуба и пр.

Формируется представление об освоенности пространства или, по крайней мере, о его единообразии. В то же время осознается необходимая множественность его описаний, когда пространство не может быть представлено в полной мере в одном тексте, как это было в сочинениях путешественников, но может быть выражено только фрагментарно, сообразно используемым стратегиям описания.

Исходя из общего хода развития восприятия пространства в России и Англии XVI–XIX вв., можно сказать следующее:

1. В России и Англии трансформация восприятия пространства шла непараллельно, тем не менее мы можем выделить схожие стратегии фиксации, наслаивающиеся друг на друга в одной и той же последовательности — освоение, изучение, понимание. Это сходство говорит о формировании единой мировоззренческой системы в странах Европы в XVI–XIX вв.

2. Фиксация пространства является важным атрибутом власти и владения, именно упорядочивание и метафоризация образов пространства являются маркерами овладения, что в конечном счете служит созданию мифа о единстве и цельности отдельных территорий.

3. Изучение пространства, не связанное с категориями владения, требует создания особых научных стратегий и инструментов описания, математического аппарата упорядочивания мира, когда природа подчинена не власти, а естественным законам.

4. Представления о естественных феноменах оказывали воздействие на способы репрезентации образов пространства, что выраже-

но в виде теоретического осмысления в философских эссе и научных трактатах. Инструменты фиксации реальности трансформировались вместе с научным знанием, наделяя личные соображения автора достаточной релевантностью для объективного суждения о мире.

5. Понимание реальности как продукта поэтического воображения выявило невозможность единого описания пространства, сделав пространство многомерным и лишив травелоги статуса объективных источников знания о реальности.

Очевидно, что данные процессы невозможно рассматривать только с точки зрения политических, экономических или культурных феноменов. Привлечение наработок из области истории науки, метагеографии, металингвистики и других смежных дисциплин служит перспективным основанием для дальнейшего изучения трансформаций восприятия, что в конечном итоге ведет к пониманию не только процессов, происходящих в прошлом, но и к лучшему пониманию нашей повседневности и явлений настоящего времени.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Адамс К. Первое путешествие англичан в Россию, описанное Климентом Адамом, другом Чанселера, капитана сей экспедиции, и посвященное Филиппу, королю английскому / К. Адамс // Отечественные записки. — 1826. — Ч. 28. — С. 84–103.

Александровская О. А. Ломоносов и академические экспедиции XVIII века / О. А. Александровская, В. А. Широкова, О. С. Романова и др. — Москва : РТСофт, 2011. С. 13 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.ras.ru/lomoexpedition/f58eac8f-58e7-46a5-a238-93fd3c0c698a.aspx> (дата обращения: 08.04.2020).

Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / пер. Ю. В. Готье. — Москва : Соцэкгиз, 1937. — 308 с.

Аничков Д. С. Религиозно-философские сочинения / Д. С. Аничков. — Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2015. — 100 с. — ISBN 978-5-4475-5488-0.

Антология мировой философии : в 4 томах. — Москва : Мысль, 1970. — Т. 2. — 776 с.

Антонов Д. И. Анатомия ада : Путеводитель по визуальной древнерусской демонологии / Д. И. Антонов, М. Р. Майзульс. — Москва : ФОРУМ : НЕОЛИТ, 2014. — 264 с. — ISBN 978-5-9903746-6-9.

Антонова Е. В. Орнаменты на сосудах и «знаки» на статуэтках анауской культуры (к проблеме значения) / Е. В. Антонова // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. История и культура. — Москва : ГРВЛ, 1981. — 184 с.

Асмус В. Ф. Проблема интуиции в философии и математике (Очерк истории: XVII — начало XX в.). / В. Ф. Асмус. — Москва : Мысль, 1965. — 312 с.

Багров Л. История картографии / Л. Багров. — Москва : Центрполиграф, 2004. — 320 с. — ISBN 5-9524-1078-2.

Балла О. Нефотографизмы: преодоление травелога / О. Балла // Homo Legens. 2013. № 4 [Электронный ресурс]. — URL: <http://homo-legens>.

ru/2013_4/kritika/olga-balla-preodolenie-traveloga/ (дата обращения: 10.01.2020).

Банах И. В. Нарративная структура жанра путешествия : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02, 10.01.08 / И. В. Банах. — Минск : Белорус. гос. ун-т, 2004. — 21 с.

Баньковский Л. Ботанический сад Григория Демидова / Л. Баньковский // Наука и жизнь. — 2007. — № 2. — С. 24–31.

Барт Р. Основы семиологии / Р. Барт // Структурализм: «за» и «против»: сборник статей / под ред. Е. Я. Басина, М. Я. Поляковой. — Москва : Прогресс, 1975. — С. 114–163.

Басаргина Е. Ю. Кунсткамера (1714–1836): к 300-летию первого академического музея / Е. Ю. Басаргина, О. В. Иодко, И. М. Щедрова [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.ras.ru/kunstkamera/f27eca03-bd7c-4706-943a-22da91f03f2c.aspx> (дата обращения: 22.04.2020).

Батюшков К. Н. Прогулка по Москве / К. Н. Батюшков // Сочинения. — Москва ; Ленинград : Academia, 1934. — С. 297–309.

Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе : Очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. — Москва : Художественная литература, 1975. — С. 120–290.

Библия. — Москва : Печатный двор, 1663.

Блаженный Августин. Творения : в 4 томах / Блаженный Августин ; сост. С. И. Еремеева. — Санкт-Петербург : АЛЕТЕЙЯ, 2000. — Т. 2. — 751 с. — ISBN 5-89329-213-8

Бондарева А. Литература скитаний / А. Бондарева // Октябрь. — 2012. — № 7. — С. 165–169.

Бэкон Ф. Новая Атлантида / Ф. Бэкон // Сочинения : в 2 томах. — Москва : «Мысль», 1978. — Т. 2. — С. 485–518. — (Философское наследие)

Бэкон Ф. Сочинения : в 2 томах / Ф. Бэкон ; пер. с англ. Н. Федоровой, Я. Боровского. — Москва : Мысль, 1972.

Вальхаузен Иоганн Якоби фон. Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. — Москва : Печатный двор, 1647.

Вельтман А. Ф. Странник / А. Ф. Вельтман. — Москва : Наука, 1978. — 354 с. — (Сер. Литературные памятники).

Вернадский В. И. Избранные труды по истории науки. — Москва : Наука, 1981. — 359 с.

Веселовский А. Н. Западное влияние в новой русской литературе : Историко-сравнительные очерки / А. Н. Веселовский. — 2-е изд., перераб. — Москва : Русское товарищество печатного и издательского дела, 1896. — 273 с.

Веселовский Ю. Сентиментализм в западноевропейской и русской литературе // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. — Санкт-Петербург : Семеновская типо-литография (И. А. Ефрона), 1900. — Т. 29 а. — С. 536–539.

Виноградов В. В. История слов / В. В. Виноградов ; отв. ред. акад. РАН Н. Ю. Шведова. — Москва : Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 1999. 1138 с. — ISBN 5-88744-033-3.

Виппер Б. Р. История европейского искусствознания / Б. Р. Виппер. — Москва : Издательство академии наук, 1963. — 328 с.

Виртуальный музей истории Академии наук : сайт. — URL: <http://virtus.arran.ru/ru/page&id=B6DE407E-E71C-48D6-8CCD-B8F20B3F5A93> (дата обращения: 16.04.2020).

Вольская Т. В. Естественнаучные интересы Петра I в Лондоне во время великого посольства 1697–1698 годов / Т. В. Вольская // Вестник современной науки. — 2016. — № 10–1 (22). — С. 57–61.

Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Л. Вульф. — Москва : Новое литературное обозрение, 2003. — 560 с. — ISBN 5-86793-197-8.

Вуттон Д. Изобретение науки. Новая история научной революции / Д. Вуттон. — Москва : КоЛибри, 2018. — 656 с. — ISBN 978-5-389-11920-8.

Гайденок П. П. Эволюция понятия науки: Становление и развитие первых научных программ / П. П. Гайденок. — Москва : Наука, 1980. — 568 с.

Гамель И. Х. Англичане в России в XVI–XVII вв. : Ч. 1–2 / И. Х. Гамель. — Санкт-Петербург, 1865–1869.

Гмелин И. Г. Путешествие в Сибирь / отв. ред. Е. В. Смирнов ; пер. с нем. Д. Ф. Криворучко. Соликамск, 2012. 86 с. [Электронный ресурс]. — URL: <https://uraloved.ru/starosti/gmelin-puteshestvie-v-sibir> (11.04.2020).

Гмелин И. Г. Путешествие по Сибири, 1733–1743 : в 4 томах. Репринт. изд. 1751–1752 гг. / И. Г. Гмелин. — Санкт-Петербург : Альфарет, 2009.

Гольденберг Л. А. Семен Ульянович Ремезов: Сибирский картограф и географ, 1642 — после 1720 г. / Л. А. Гольденберг. — Москва : Наука, 1965. — 263 с.

Грин Г. Филдинг и Стерн // Путешествия без карты / Г. Грин ; пер. с англ., сост. О. А. Алякринский ; предисл. С. И. Бэлзы. — Москва : Прогресс, 1989. — 456 с. — ISBN 978-5-9697-0493-0.

Данте Алигьери. Божественная комедия / Данте Алигьери ; пер. М. Лозинского. — Москва : Наука, 1967. — 628 с.

Даркевич В. П. Аргонавты средневековья / В. П. Даркевич. — Москва : Наука, 1976. — 192 с.

Дастон Л. Объективность / Л. Дастон, П. Галисон. — Москва : Новое литературное обозрение, 2018. — 584 с. — ISBN 978-5-4448-0932-7.

Декарт Р. Сочинения : в 2 томах / Р. Декарт ; пер. с фр. И. Вдовиной. — Москва : Мысль, 1989. — Т. 1. — 654 с. — ISBN 5-244-00023-3.

Джаксон Т. Н. Imagines mundi: античность и средневековье / Т. Н. Джаксон, И. Г. Коновалова, А. В. Подосинов — Москва : Языки славянских культур, 2013. — 422 с. — ISBN 978-5-9551-0617-5.

Доманска Э. Философия истории после постмодернизма / Э. Доманска. — Москва : «Канон+» : РООИ «Реабилитация», 2010. — 400 с. — ISBN 978-5-88373-161-9.

Донн Дж. Стихотворения и поэмы / Дж. Донн. — Москва : Наука, 2009. — 578 с. — ISBN 978-5-02-036227-7.

Дуклау А. В. «Путешествие» как жанр английской поэзии XVII–XVIII вв. / А. В. Дуклау // Вестник Санкт-Петербургского университета. — Санкт-Петербург, 2010. — С. 23–30. — (Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика; № 2).

Дятлов В. Тератургима, или Чудеса. Киев : Горлица, 2013. С. 3–5 [Электронный ресурс]. — URL: <https://dimitryrostovsky.ru/age/afanasij-kalnofojskij-i-ego-kniga-teraturgima/> (дата обращения: 12.04.2020).

Елистратова А. Английский роман эпохи Просвещения / А. Елистратова. — Москва : Наука, 1966. — 476 с.

Загоскин М. Н. Москва и москвичи: Записки Богдана Ильича Бельского / М. Н. Загоскин. — Москва : Московский рабочий, 1988. — 623 с. — ISBN 5-239-00492-7.

Замятин Д. Н. В поисках удаляющихся пространств: историческая география и онтологические модели воображения / Д. Н. Замятин // Книга картины Земли : Сборник статей в честь Ирины Геннадиевны Коноваловой. — Москва : Индрик, 2014. — С. 98–116. — ISBN 978-5-91674-297-8.

Замятин Д. Н. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук / Д. Н. Замятин // Социологическое обозрение. — 2010. — Т. 9, № 3. — С. 26–27.

Замятин Д. Н. Метагеографические оси Евразии / Д. Н. Замятин // Полис. — 2010. — № 4. — С. 22–47.

Замятин Д. Н. Метагеография: Пространство образов и образы пространства / Д. Н. Замятин. — Москва : Аграф, 2004. — 512 с. — ISBN 978-5-7784-0237-9.

Зверева В. В. Представление прошлого в трудах английских антикваров XVII в. / В. В. Зверева // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени / под ред. Л. П. Репиной. — Москва : Кругъ, 2003. — С. 223–241. — ISBN 5-7396-0377-3.

Зверева В. В. Антикварианизм XVI–XVII веков: представление прошлого в контексте научной революции / Зверева В. В. // Образы времени и исторические представления: Россия — Восток — Запад / под ред. Л. П. Репиной. — Москва : Кругъ, 2010. — С. 756–771. — (Образы истории). — ISBN 978-5-7396-0178-0.

Зебальд В. Кольца Сатурна. Английское паломничество / В. Зебальд ; пер. с нем. Э. Венгерова. — Москва : Новое издательство, 2016. — 310 с. — ISBN 978-5-98379-202-9.

Иванов Б. П. Русский картограф XVII века / Б. П. Иванов // Труды Географического факультета Харьковского государственного университета им. А. М. Горького. — Харьков : Харьковский ун-т, 1958. — Т. 4 [Электронный ресурс]. — URL: <http://ostrog.ucoz.ru/publ/i/40-1-0-74> (дата обращения: 24.04.2020).

Ивахненко Е. Н. Образование, наука и религия в русском Просвещении: в поисках компромисса. Ч. 2 / Е. Н. Ивахненко // Вестник РГГУ. Сер. Философия. Социология. Искусствоведение. — 2019. — № 3 (2). — С. 205–217.

История книги : учебник для вузов / под ред. А. А. Говорова и Т. Г. Куприяновой. — Москва : МГУП «Мир книги», 1998. — 346 с. — ISBN 5-7043-0964-X.

История российского образования в документах и материалах (XI–XVIII вв.) / сост., авт. предисл., ввод. ст. и примеч. А. Н. Рыжова, М. А. Гончарова — Москва : Интеллект-Центр, 2012. — 592 с. — ISBN 978-5-89790-900-1.

Карамзин Н. М. Исторические воспоминания, вместе с другими замечаниями, на пути к Троице и в самом монастыре / Н. М. Карамзин // Вестник Европы. 1802. № 15. — С. 207–226.

Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / Н. М. Карамзин. — Ленинград : Наука, 1984. — 720 с.

Карамзин Н. М. Сочинения : в 2 томах / Н. М. Карамзин. — Ленинград : Художественная литература, 1984. — Т. 1. — 671 с.; — Т. 2. — 456 с.

Каталанский атлас 1375 года // The Cresques Project [Electronic resource]. — URL: <http://www.cresquesproject.net/catalan-atlas-legends> (accessed: 25.03.2020).

Квинт Гораций Флакк. Полное собрание сочинений / Квинт Гораций Флакк. — Москва ; Ленинград : Academia, 1936. — 472 с.

Кивельсон В. Картографии царства: Земля и ее значения в России XVII века / В. Кивельсон — Москва : Новое литературное обозрение, 2012. — 360 с. — ISBN 978-5-86793-988-5.

Кирсанов В. Избранные труды : Воспоминания коллег и друзей. Стихи. Рисунки / В. Кирсанов ; сост.: Н. В. Вдовиченко, О. А. Хазова. — Москва : Издательство им. Сабашниковых, 2010. — 232 с. — ISBN 5-8242-0123-4.

Книга большому чертежу или древняя карта Российского государства, поновленная в Розряде и списанная в книгу 1627 года. — Санкт-Петербург : Типография Горного Училища, 1792. — 412 с.

Книга Марко Поло / под ред. И. П. Магидовича. — Москва : Госиздат географической литературы, 1955. — 376 с.

Козельский Я. П. Философские предложения // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в. : в 2 томах — Москва : Государственное издательство политической литературы, 1952. — Т. 1. — С. 411–551.

Коновалова И. Г. Историческая география на междисциплинарных перекрестках // Историческая география. Т. 2 / отв. ред. И. Г. Коновалова. — Москва : Аквилон, 2014. — 560 с. — ISBN 978-5-906578-02-0.

Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки // Полное собрание ученых путешествий : в 8 томах. — Санкт-Петербург : Императорская академия наук, 1818. — Т. 1. — 529 с.; — 1819. — Т. 2. — 498 с.

Кузнецова Н. И. Социокультурные проблемы формирования науки в России (XVIII — сер. XIX в.) / Н. И. Кузнецова. — Москва : Едиториал УРСС, 1999. — 256 с. — ISBN 5-901006-76-3.

Кусов В. С. Картографическое искусство Русского государства / В. С. Кусов. — Москва : Недра, 1989. — 96 с. — ISBN 5-247-00039-0.

Кэмпбелл Д. Тысячеликий герой / Д. Кэмпбелл. — Москва : АСТ, 1997. — 384 с. — ISBN 5-15-000228-3.

Лактанций. Божественные установления, III, 24 / Лактанций ; пер. с лат., вступ. ст., коммент. и указ. В. М. Тюленева. — Санкт-Петербург : Издательство Олега Абышко, 2007. — 512 с. — ISBN 5-89740-155-1.

Ларин Б. А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619) / Б. А. Ларин. — Ленинград : Ленинградский университет, 1959. — 423 с.

Латур Б. Визуализация и познание: изображая вещи вместе / Б. Латур // Логос. — 2017. — Т. 27, № 2. — С. 95–155.

Левшин В. А. Новейшее путешествие, сочиненное в городе Белеве // У светлого яра Вселенной. — Москва : Правда, 1988. — С. 3–22.

Лейбниц Г. В. О способе отличия явлений реальных от воображаемых, 1705–1707 // Электронная библиотека ИФ РАН : сайт. — URL: <https://iphlib.ru/library/collection/antology/document/HASH01b6fa6334431b530ac8fe77> (дата обращения: 24.04.2020).

Лейбниц Г. В. Переписка с Кларком и Н. Ремонем, 1713–1716 / Г. В. Лейбниц. Сочинения : в 4 томах. — Москва : Мысль, 1982. — Т. 1. — С. 430–568.

Лепехин И. Записки путешествия академика Лепехина / И. Лепехин // Полное собрание ученых путешествий : в 8 томах. — Санкт-Петербург : Императорская академия наук, 1821. — Т. 3. — 540 с.

Ло Д. Объекты и пространства / Д. Ло // Социология вещей : сборник статей / под ред. В. Вахштайна. — Москва : Территория будущего, 2006. — ISBN 5-91129-025-1.

Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Дж. Локк : Сочинения : в 3 томах. — Москва : Мысль, 1985. — Т. 1. — С. 78–582.

Ломоносов М. В. Избранные произведения : в 2 томах / М. В. Ломоносов. — Москва : Наука, 1986. — 1028 с.

Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров / Ю. М. Лотман. — Москва : Языки русской культуры, 1996. — 464 с. — ISBN 5-7859-0006-8.

Магницкий Л. Ф. Арифметика / Л. Ф. Магницкий. — Москва : Печатный двор, 1703. — 669 с.

Майков В. И. Избранные произведения / В. И. Майков. — Москва ; Ленинград : Советский писатель, 1966. — 502 с.

Малето Е. И. Антология хождений русских путешественников XII–XV вв. : Исследование. Тексты. Комментарии / Е. И. Малето. — 2-е изд. — Москва : Директ-Медиа, 2014. — 439 с. — ISBN 978-5-4458-0232-7.

Мамуркина О. В. Травелог в русской литературе XVIII — нач. XIX в. : трансформация эстетической парадигмы / О. В. Мамуркина // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии : материалы XXV международной заочной научно-практической конференции. — Новосибирск : СибАК, 2013. — С. 199–205. — ISBN 978-5-4379-0310-0.

Материалы по истории русской картографии. Вып. 1: Карты всей России и южных ее областей до половины XVII века / под ред. В. А. Кордта. — Киев, 1899. — 15 с.

Мелетинский Е. М. Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский — Москва : Восточная литература РАН, 2000. — 407 с. — ISBN 5-02-017878-0.

Меховский М. Трактат о двух Сарматиях / М. Меховский. — Москва ; Ленинград : АН СССР, 1936. — 301 с.

Миллер Г. Ф. История Сибири / Г. Ф. Миллер. — Москва ; Ленинград : АН СССР, 1937. — 684 с.

Миллер Г. Ф. Путешествия по московской провинции / Г. Ф. Миллер // Академик Г. Ф. Миллер — первый исследователь Москвы и московской провинции / отв ред. В. В. Зубарев ; подг. текста, вступ. ст. С. С. Илизарова. — Москва : Янус, 1996. — 254 с. — ISBN 5-88929-014-2.

Милогина Е. Г. Русская культура в зеркале путешествий : монография / Е. Г. Милогина, М. В. Строганов. — Тверь : Твер. гос. ун-т, 2013 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.rfh.ru/downloads/Books/134493002.pdf> (дата обращения: 10.01.20).

Михайловский Д. В. Пространство и Бытие : сборник статей / Д. В. Михайловский. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2017. — 478 с. — ISBN 978-5-906910-86-8.

Никитина Н. А. Жанр травелога: когнитивная модель / Н. А. Никитина, Н. А. Тулякова // Ното Loquens : Актуальные вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков : сборник статей. — Санкт-Петербург : Астерион, 2013. — Вып. 5. — С. 191–199. — ISBN 978-5-00045-056-7.

Нурминен М. Т. Мир на карте: Географические карты в истории мировой культуры / М. Т. Нурминен ; пер. с фин. Н. Братчиковой, А. Игнатьева ; под науч. ред. Д. Хотимского. — Москва : Паулсен, 2017. — 352 с. — ISBN 978-5-98797-173-4.

Общественная мысль России XVIII века : в 2 томах. Т. 1: *Philosophia rationalis* / сост., автор вступ. ст. и коммент. Т. В. Артемьева. — Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. — 760 с. — ISBN 978-5-8243-1246-1.

Осипов И. А. Описания Российского государства XVI века: влияние картографических материалов на нарративные источники / И. А. Осипов. — Сыктывкар, 2009 [Электронный ресурс]. — URL: http://www.vostlit.info/common/Stat/Osipov/opis_rus_gos.phtml?id=8059 (дата обращения: 10.02.20).

Патерик, или Отечник Печерский, содержаще жития святых преподобных и богоносных отец наших, просиявших в пещерах. Киев, 1661.

Пекарский П. История Императорской Академии наук / П. Пекарский. — Санкт-Петербург : Типография Императорской академии наук, 1870. — Т. 1. — 850 с.

Перри Д. Состояние России при нынешнем царе. В отношении многих великих и замечательных дел его по части приготовления к устройству флота, установления нового порядка в армии, преобразования народа и разных улучшений края / Д. Перри // Чтения императорского Общества Истории и Древностей Российских. — Москва : Университетская типография, 1871. — № 1. — С. 441–484.

Пестерев В. В. К вопросу о степени развития русской картографии в XVI–XVII веках / В. В. Пестерев // Вестник Курганского университета. — Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2006. — С. 72–75. — (Сер. «Гуманитарные науки»; Вып. 2).

Плигузов А. И. Сказание «О человецех незнаемых в Восточной стране» / А. И. Плигузов // *Russian History / Histoire Russe*. — 1992. — Vol. 19, № 1–4. — С. 401–432.

Постников А. В. Развитие картографии и вопросы использования старых карт / А. В. Постников. — Москва : Наука, 1985. — 224 с.

Потапова Н. Лингвистический поворот в историографии / Н. Потапова. — Санкт-Петербург : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2015. — 380 с. — ISBN 978-5-94380-182-2.

Прожилов А. В. Лингвоконцептология, неогумбольдтианство и этностереотипы / А. В. Прожилов // От лингвистики к мифу: лингвистическая культурология в поисках «этнической ментальности» : сборник статей / сост. А. В. Павлова. — Санкт-Петербург : Антология, 2013. — С. 263–278.

Прокопович Ф. Слово на похвалу блаженных и вечнодостойных памяти Петра Великого / Ф. Прокопович // Петр Великий. Pro et Contra : Антология. Личность и деяния Петра I в оценке русских мыслителей и исследователей. — Санкт-Петербург : РХГИ, 2003. — С. 67–84. — ISBN 978-5-88812-149-5.

Путешествие в Можайск, Рузу, Звенигород покойного действительного статского советника и Кавалера Миллера // Новые ежемесячные сочинения. — 1790. — Ч. 46. — Апр. — С. 41–91.

Путешествие г. Д. С. советника Миллера к Святотроицкому Сергиеву Монастырю // Новые ежемесячные сочинения. — 1789. — Ч. 41. — Нояб. — С. 3–52.

Пушкин А. С. Сочинения : в 3 томах / А. С. Пушкин. — Москва : Художественная литература, 1985. — Т. 2. — 527 с.

Ремезов С. У. Краткая Сибирская летопись (Кунгурская). — Санкт-Петербург : Типография Елеонского и К°, 1880 [Электронный ресурс]. — URL: <http://vbook.nsu.ru/?int=VIEW&el=8&templ=MINIATURES> (дата обращения: 20.05.2020).

Ремезов С. У. Хорографическая книга // Harvard University. Houghton Library. MS Russ. 72 (6).

Ростовцева Ю. А. Утопия В. А. Левшина «Новейшее путешествие, сочиненное в городе Белеве». Между Eutopia и Utopia / Ю. А. Ростовцева // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. — 2017. — № 3 (16). — С. 113–117.

Рохлина М. Л. Линней и его «Система природы» / М. Л. Рохлина // Наука и жизнь. — 1936. — № 6 — С. 44–48.

Русакова О. Ф. Дискурс травелога : сборник статей / О. Ф. Русакова, В. М. Русаков. — Екатеринбург : Издательский дом «Дискурс-Пи», 2008. — 184 с. — ISBN 978-5-98728-031-7.

Русская мысль в век Просвещения / Н. Ф. Уткина, В. М. Ничик, П. С. Шкуринов и др. — Москва : Наука, 1991. — 280 с. — ISBN 5-02-008074-8.

Сенковский О. И. Сочинения барона Брамбеуса / О. И. Сенковский. — Москва : Советская Россия, 1989. — 496 с. — ISBN 5-268-00084-5.

Сивков К. В. Путешествия русских людей за границу в XVIII веке / К. В. Сивков. — Санкт-Петербург : Энергия, 1914. — 144 с.

Сидни Ф. Астрофил и Стелла. Защита поэзии / Ф. Сидни ; под ред. Л. И. Володарской. — Москва : Наука, 1982. — 377 с.

Смоллет Т. Путешествие по Франции и Италии. Фрагмент / Т. Смоллет ; пер. А. Ливерганта // Факт или вымысел? Антология: эссе, дневники, письма, воспоминания, афоризмы английских писателей. — Москва : Б. С. Г.-Пресс, 2008. — 1128 с. — ISBN 978-5-93381-259-3.

Соллогуб В. А. Тарантас. Путевые впечатления / В. А. Соллогуб. — Санкт-Петербург : Изд. Андрея Иванова, 1845. — 286 с.

Сопиков В. С. Опыт российской библиографии или полный словарь сочинений и переводов, напечатанных на Славенском и Российском языках, от начала заведения типографий до 1813 г. : в 4 ч. Репринт. изд. / В. С. Сопиков. — Москва : Нобель Пресс, 2011. — Ч. 4. — 532 с. — ISBN 978-5-458-01978-1.

Сорочан А. Туда и обратно: Новые исследования литературы путешествий и методология гуманитарной науки / А. Сорочан // НЛО. — 2011. — № 6 (112). — С. 379–402.

Сотникова С. И. Русский географический чертеж XVII века: его знаковая структура и социальные функции / С. И. Сотникова // Древнерусская культура в мировом контексте: археология и междисциплинарные исследования : материалы конф. — Москва : РГТУ, 1999. — С. 124–129.

Статского Совет. Миллера описание езды из Москвы в Коломну 1778 года // Новья ежемесячныя сочинения. — 1789. — Ч. 35. — Май. — С. 69–93.

Стерн Л. Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена. Сентиментальное путешествие по Франции и Италии / Л. Стерн. — Москва : Художественная литература, 1968. — 688 с.

Стругацкий А. Повести / А. Стругацкий, Б. Стругацкий. — Москва : Ибис : ЦДИ, 1992. — 560 с. — ISBN 5-87192-006-3.

Сэра Томаса Смита путешествие и пребывание в России / пер. и прим. И. М. Болдакова. — Санкт-Петербург : Типография В. С. Башлачева, 1893. — 124 с.

Татищев В. Н. Лексикон российский, исторический, географический, политический и гражданский : в 3 ч. / В. Н. Татищев. — Санкт-Петербург : Типография Горного Училища, 1793. — Ч. 2. — 224 с.

Ткачева Н. М. Образ Пскова [Электронный ресурс]. — URL: <http://museum.pskov.ru/pskovoldmodern/tkacheva/tcac2> (дата обращения: 13.04.2020).

Топоров В. Н. Первобытные представления о мире (общий взгляд) // Очерки истории естественно-научных знаний в древности / В. Н. Топоров. — Москва : Наука, 1982. — С. 8–41.

Троцкий Ю. Л. Историческая компаративистика: эпистемология и дискурс // Диалог со временем. — 2010. — № 30. — С. 26–32.

Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / Х. Уайт. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. — 528 с. — ISBN 5-7525-1129-1.

Уколова В. И. Исидор Севильский и его сочинение «О природе вещей» / В. И. Уколова // Социально-политическое развитие Пиренейского полуострова при феодализме. — Москва : Институт всеобщей истории, 1985 [Электронный ресурс]. — URL: https://azbyka.ru/otechnik/Isidor_Sevliskij/o-prirode-veshhej/ (дата обращения: 06.09.2019).

Уткина Н. Ф. Естественнаучный материализм в России XVIII века / Н. Ф. Уткина. — Москва : Наука, 1971. — 200 с.

Фальк И. П. Записки путешествия академика Фалька / И. П. Фальк // И. П. Фальк. Полное собрание ученых путешествий : в 8 томах. — Санкт-Петербург : Императорская академия наук, 1824. — Т. 6. — 560 с.

Федоров-Давыдов А. А. Русский пейзаж XVIII — начала XX вв. : Исследования. Очерки / А. А. Федоров-Давыдов. — Москва : Советский художник, 1986. — 304 с.

Филдинг Г. Дневник путешествия в Лиссабон // Г. Филдинг. Избранные сочинения / Г. Филдинг ; пер. М. Лорие. — Москва : Художественная литература, 1989. — С. 571–653. — ISBN 5-280-00318-2.

Филдинг Г. Путешествие на тот свет и обратно // Г. Филдинг. Избранные сочинения / пер. В. Харитонов. — Москва : Художественная литература, 1989. — С. 27–114. — ISBN 5-280-00318-2.

Хорографическая чертежная книга Сибири Семена Ульяновича Ремезова : Исследования. Текст. Научно-справочный аппарат факсимильного издания рукописи : в 2 томах. — Тобольск : Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2011. — 690 с.

Христофор Колумб. Письмо Католическим королям Изабелле и Фердинанду о результатах третьего путешествия / Христофор Колумб // Хроники открытия Америки. Кн. 1 / пер. Я. М. Света. — Москва : Академический проект, 2000. — 496 с. — ISBN 5-8291-0078-9.

Цебриков Р. М. Путешествие из Петербурга в Харьков / Р. М. Цебриков ; сост., автор вступ. ст. и коммент. В. Ю. Иващенко. — Харьков : ХНУ им. В. Н. Каразина, 2013. — ISBN 978-966-285-01407. — (Сер. «Джерелознавчі зошити»; Тетр. 5).

Чеканцева З. А. Время историческое / З. А. Чеканцев // Теория и методология исторической науки : терминологический словарь / отв. ред. А. О. Чубарьян. — Москва : Аквилон, 2014. — С. 59–60. — ISBN 978-5-906578-03-7.

Человек, наедине рассуждающий о неудоборешимых пневматологических, психологических и онтологических задачах // Покоящийся трудолобец. — Москва : Типография Московского ун-та, 1784. — С. 65–75.

Чулков М. Д. Пересмешник или славянские сказки / М. Д. Чулков. — Москва : В типографии Пономарева, 1789. — Т. 2. — 168 с.

Шевырев С. П. История имп. Московского университета, написанная к столетнему его юбилею, 1755–1855 / С. П. Шевырев. — Москва : Университетская типография, 1855. — 589 с.

Шекспир У. Комедия ошибок // У. Шекспир. Полн. собр. соч. : в 8 томах. — Москва : Искусство, 1958. — Т. 2. — С. 103–179.

Шекспир У. Полное собрание сочинений : в 8 томах / У. Шекспир. — Москва : Искусство, 1960. — Т. 6. — 698 с.

Шенле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий, 1790–1840 / А. Шенле ; пер. с англ. Д. Соловьева. — Санкт-Петербург : Академический проект, 2004. — 272 с. — ISBN 5-7331-0287-X.

Шпак Г. В. Репрезентация образов времени и пространства в европейском травелоге XVII–XVIII вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Москва, 2018. — 22 с.

Эйлер Л. Письма к немецкой принцессе о разных физических и философских материях / Л. Эйлер. — Санкт-Петербург : Наука, 2002. — 720 с. — ISBN 5-02-028521-8.

Эко У. Записки на полях имени Розы / У. Эко. — Москва : Симпозиум, 2007. — 96 с. — ISBN 5-89091-209-7.

Эткинд А. Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах / А. Эткинд. — Москва : Новое литературное обозрение, 2001. — 496 с. — ISBN 5-86793-145-5.

Allen D. E. The Naturalist in Britain: A Social History / D. E. Allen. — Princeton : Princeton University Press, 1994. — 270 p.

Anderson R. A Complete Edition of the Poets of Great Britain... / R. A. Anderson. — London : Printed for John and Arthur Arch, 1795. — 547 p.

Apian P. Cosmographicus Liber / P. Apian. — Landshut : Johann Weyssensburger, 1524. — 104 p.

Aubrey J. Monumenta Britannica, or, A Miscellany of British Antiquities : In 2 p. / J. Aubrey ; ed. J. Fowles. — Sherborne : Dorset Pub. Co., 1980–1982.

Aubrey J. The Natural History of Wiltshire: written between 1656 and 1691 / J. Aubrey. — London : Printed by J. B. Nichols, 1847. — 146 p.

Babcock G. P. The Imaginary Voyage in Prose Fiction, 1700–1800: a History of its Criticism and a Guide for its Study, with an Annotated Checklist of 215 Imaginary Voyages from 1700 to 1800 / G. P. Babcock. — New York : Columbia UP, 1941. — 445 p.

Baldick C. The Oxford Dictionary of Literary Terms / C. Baldick. — Oxford : Oxford University Press, 2008. — 340 p.

Batten Ch. Pleasurable Instruction: Form and Convention in Eighteenth Century. Travel Literature / Ch. Batten. — Barkley ; Los Angeles : UC Press, 1978. — 170 p.

Berger S. The Art of Philosophy: Visual Thinking in Europe from the late Renaissance to the Early Enlightenment / S. Berger. — Princeton : Princeton University Press, 2017. — 318 p.

Baumgärtner I. Maps and Travel in the Middle Ages and the Early Modern Period. Knowledge, Imagination, and Visual Culture / I. Baumgärtner, N. B.-A. Debby, K. Kogman-Appel // Das Mittelalter. Perspektiven mediävistischer Forschung. Beihefte, Vol. 9. De Gruyter. 2019. — P. 1–14.

Bohls E. Travel Writing 1700–1830 / E. Bohls. — Oxford : Oxford University Press, 2005. — 520 p.

Boyle R. General Heads for a Natural History of a Countrey, Great or Small, Imparted Likewise by Mr. Boyle / R. Boyle // Philosophical Transactions. — 1665. — Vol. 1. — P. 186–189.

Boyle R. General heads for the natural history of a country great or small drawn out for the use of travellers and navigators / imparted by... Robert Boyle...; to which is added, other directions for navigators, etc. with particular observations of the most noted countries in the world; by another hand / R. Boyle. — London : Printed for John Taylor and S. Hedford, 1692.

Breydenbach Bernhard von. Peregrinatio in terram sanctam / Breydenbach Bernhard von. — Mainz : Peter Schöffer the Elder, 1486.

Burke P. Images as Evidence in Seventeenth-Century Europe / P. Burke // J. of the History of Ideas. — 2003. — Vol. 64, Nr 2. — P. 293–296.

Camden W. Britain, or, a Chorographicall Description of the most flourishing Kingdomes, England, Scotland, and Ireland. — London : George Bishop and John Norton, 1610 [Electronic resource]. — URL: <https://www.visionofbritain.org.uk/travellers/Camden> (accessed: 11.10.2019).

Carew R. The Survey of Cornwall / R. Carew. — London : By H... S... Esq., 1769. — 159 p.

Carrington D. The Traveller's Eye / D. Carrington. — London : Pilot Press, 1949. P. 178–79.

Charleton W. Chorea Gigantum, or the Most Famous Antiquity of Great-Britan... — London : Printed for Henry Herringman, 1663 [Electronic resource]. — URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A69727.0001.001/1:4?rgn=div1;view=fulltext> (accessed: 10.05.2020).

Childrey J. Britannia Baconica: or, The Natural Rarities of England, Scotland, & Wales. — London : Printed for the author, and are to be sold by H. E. at the sign of the Grey-hound in St. Pauls Church-yard, 1662 [Electronic resource]. — URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A32843.0001.001/1:3?rgn=div1;view=fulltext> (accessed: 05.04.2020).

Daryl W. Palmer, Writing Russia in the Age of Shakespeare / W. Daryl. — Routledge, 2017. — 288 p. (Studies in European cultural transactions; Vol. 28).

Davis W. A Journey Round the Library of a Bibliomaniac: Or, Cento of Notes and Reminiscences Concerning Rare, Curious, and Valuable Books / W. Davis. — London : Bedford library, 1821. — 96 p.

Dee J. Mathematical Preface to Euclid's «Elements of Geometrie» / J. Dee. — London : By Iohn Daye, 1570. — 464 p.

Defoe D. Moll Flanders / D. Defoe. — Oxford : Oxford University Press, 1998. — 398 p.

Defoe D. Serious Reflections During the Life and Surprising Adventures of Robinson Crusoe: with his Vision of the Angelick World / D. Defoe. — London : Printed for W. Taylor, at the Ship and Black-Swan in Pater-noster-Row, 1720. — P. 1–270.

Drayton M. Poly-Olbion. — London : Printed by Humphrey Lownes, 1612 [Electronic resource]. — URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A20847.0001.001?view=toc> (accessed: 09.05.2020).

Dugdale W. The Antiquities of Warwickshire Illustrated: from Records, Leiger-Books, Manuscripts, Charters, Evidences, Tombes, and Armes: Beautified with Maps, Prospects, and Portraictures / W. Dugdale. — London : Printed by Thomas Warren, 1656. — 848 p.

Earle J. Microcosmography or, A Piece of the World Discovered, in Essays and Characters / J. Earle. — Albany : Joel Munsell, 1867. — 308 p.

Faltham O. Resolves, Divine Moral and Political / O. Faltham. — London : Pickering, 1840. — P. 194–196.

Fiennes C. Through England on a Side Saddle in the Time of William and Mary. London: The Leadenhall Press, 1888 [Electronic resource]. — URL: <https://www.visionofbritain.org.uk/travellers/Fiennes/2> (accessed: 08.02.2020).

Fuchs L. De historia stirpium commentarii insignes / L. Fuchs. — Basel : Michael Isingrin, 1542. — 938 p.

Gessner C. Historiae animalium. Liber 1–5 / C. Gessner. — Zürich, 1551–1587.

Hakluyt R. The Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation Made by Sea or Over-Land to the Most Remote and Farthest Distant Quarters of the Earth, at any Time within the Compasse of these 1500 Years : Divided into three Severall Parts, According to the Positions of the Regions whereunto They were Directed / R. Hakluyt. — London : G. Bishop and R. Newberie, 1589. — Vol. 1. — 1180 p.

Hakluyt R. Voyages in Search of The North West Passage / R. Hakluyt. — London : Cassel and Company, 1886. — 204 p.

Hall J. Mundus Alter et Idem / J. Hall. — Hannover : by Mercurius Britannicus, 1607.

Hall J. Mundus alter et idem / J. Hall ; ed. H. J. Anderson. — London : G. Bell & Sons, 1908. — 183 p. [Electronic resource]. — URL: <https://archive.org/details/mundusalteretid00andegoog/page/n91/mode/2up> (accessed: 18.05.2020).

Hayden J. A Travel Narratives, the New Science, and Literary Discourse, 1569–1750 / J. Hayden. — Farnham : Ashgate Publishing, Ltd., 2013. — 256 p.

Hentschel K. Review of Lorraine Daston & Peter Galison: Objectivity / K. Hentschel // CEN-TAURUS. — 2008. — Nr 50. — P. 329–331.

Hime H. W. The Travels of Edward Webbe / H. W. Hime // The English Historical Review. — 1916. — Vol. 31, Is. 123. — P. 464–470.

Jaucourt Louis chevalier de. Travel // The Encyclopedia of Diderot & d'Alembert / tr. by Nelly S. Hoyt, Thomas Cassirer. — Ann Arbor : Michigan

Publishing : University of Michigan Library, 2003 [Electronic resource]. — URL: <http://hdl.handle.net/2027/spo.did2222.0000.169> (accessed: 09.03.2020).

Kalnofojskiy A. Teraturgima lubo cuda klasztoru Pieczarskiego i obojga pieczar / A. Kalnofojskiy. — Kijew, 1638.

Karrow R. W., Jr. Intellectual Foundations of the Cartographic Revolution : Dissertation / R. W. Karrow. — Chicago ; Illinois : Loyola University of Chicago, 1999. — 327 p.

Kusukawa S. Picturing the Book of Nature: Image, Text, and Argument in Sixteenth-Century / S. Kusukawa. — Chicago : The university of Chicago Press, 2012. — 331 p.

Lambarde W. A Preambulation of Kent, Containing The Description, Historie, and Customs of That Shire / W. Lambarde. — London : Published by Baldwin, Cradock, and Joy, 1826. — 600 p.

Lhuyd E. Archaeologia Britannica: an Account of the Languages, Histories and Customs of Great Britain, from Travels through Wales, Cornwall, Bas-Bretagne, Ireland and Scotland / E. Lhuyd. — Oxford : Printed at the theater, 1707. — 436 p.

Longley P.A. Virtual Voyages: Travel Writing and the Antipodes, 1605–1837 / P. A. Longley. — London : Anthem Press, 2010. — 190 p.

MacGregor A. The Tsar in England: Peter the Great's Visit to London in 1698 / A. MacGregor // The Seventeenth Century. — 2004. — Nr 19. — P. 116–147.

Mandeville John. The Travels of Sir John Mandeville / John Mandeville ; ed. by David Price. — London : Macmillan and C°, 1900. — 416 p.

Marcus Gheeraerts the Younger. Queen Elizabeth I (The «Ditchley portrait»). 1592 [Electronic resource]. — URL: <https://www.npg.org.uk/collections/search/portrait/mw02079/Queen-Elizabeth-I-The-Ditchley-portrait> (accessed: 17.04.2020).

Mayers K. North-Eastern Passage to Moscovy. Stephen Borough and the First Tudor Exploration. / K. Mayers. — Stroud : Sutton Publishing, 2005. — 241 p.

Mayers K. The First English Explorer: The Life of Anthony Jenkinson (1529–1611) and His Adventures on the Route to the Orient / K. Mayers. — Croydon : Matador, 2016. — 376 p.

Mencken H. L. The American Language: An Inquiry into the Development of English in the United States. 4th Edition / H. L. Mencken. — New York : Knopf, 1984. — 816 p.

More T. Libellus vere aureus, nec minus salutaris quam festivus, de optimo rei publicae statu deque nova insula Utopia / T. More. — Löwen : Martinus, 1516. — 359 p.

Mund S. The discovery of Muscovite Russia in Tudor England / S. Mund // *Revue belge de philologie et d'histoire*. — 2008. — T. 86, Fig. 2. — P. 351–373.

Nixon A. A. True Relation of the Admirable Voiage and Trauell of William Bush Gentleman: who with his Owne Handes without any other Mans Helpe, Made a Pynace, in which he Past by Ayre, Land, and Water: from Lamborne, in Bark Shire, to the Custome House Key in Londen, 1607 / A. A. Nixon. — London : T[homas] P[urfoot] for Nathaniel Butter, 1608 [Electronic resource]. — URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A07956.0001.001/1:4?rgn=div1;view=fulltext> (accessed: 14.05.2020).

Norden J. Speculum Britanniae. Pt. 1 / J. Norden. — London : Eliot's Court Press, 1593.

Ortelius A. Theatrum Orbis Terrarum / A. Ortelius. — Antwerp, 1570.

Palmer A. Who's Who in Shakespeare's England: Over 700 Concise Biographies of Shakespeare's Contemporaries / A. Palmer, V. Palmer. — London : Published by Palgrave Macmillan, 1999. — 308 p.

Parkinson J. Paradisi in Sole Paradisus Terrestris... / J. Parkinson. — London : Printed by Hymfrey Lownes and Robert Yovng at the Signe of the Starre on Bread-Street Hill, 1629. — 612 p.

Parr A. Renaissance Mad Voyages: Experiments in Early Modern English Travel. Cultures of Play, 1300–1700 / A. Parr. — Burlington : Ashgate, 2015. — 256 p.

Pietro Martire d'Anghiera. De orbe novo. Decade 1–3 / Pietro Martire d'Anghiera. — Londini : In ædibus Guilhelmi Powell : Edwarde Sutton, 1555.

Plot R. The Natural History of Oxford-shire / R. Plot. — London : Mr. Moses Pits at the Angel in St. Pauls Church-yard, 1677. — 432 p.

Potter J. Strange Blooms: The Curious Lives and Adventures of the John Tradescants / J. Potter. — London : Atlantic Books, 2007. — 464 p.

Purchas S. Hakluytus posthumus, or Purchas his pilgrimes: contayning a history of the world in sea voyages and lande travells by Englishmen and others / S. Purchas. — Glasgow : Maclehose, 1905. — Vol. 1. — 505 p.

Rampling J. M. John Dee and the Sciences: Early Modern Networks of Knowledge / J. M. Rampling // *Studies in History and Philosophy of Science*. 2012. — P. A. — Nr 43(3). — P. 432–436.

Russia in Tudor England // *Revue belge de philologie et d'histoire*. — 2008. — T. 86, Fig. 2. — P. 351–373.

Shapin S. Leviathan and the Air-Pump / S. Shapin, S. Schaffer. — Princeton : Princeton University Press, 1985. — 440 p.

Shapiro B. A Culture of Fact. England 1550–1720 / B. Shapiro. — Ithaca ; N. Y. : Cornell University Press, 2000. — 284 p.

Shwartz E. Putting Russia on the Globe: The Matter of Muscovy in Early Modern English Travel Writing and Literature / E. Shwartz. — Stanford : Stanford University Press, 2014. — 323 p.

Sir Thomas Smithes. Voiage and Entertainment in Rushia / Sir Thomas Smithes. — London : J. Roberts and W. Jaggard, Nathanyell Butter, 1605.

Smith P. H. Art, Science and Visual Culture in Early Modern Europe / P. H. Smith // *Isis*. — 2006. — Vol. 97, Nr 1. — P. 83–100.

Speed J. History of Great Britaine Under the Conquests of Romans, Saxons, Danes, and Normans / J. Speed. — London : William Hall and John Beale, 1611. — 894 p.

Swann M. Curiosities and Texts: The Culture of Collecting in Early Modern England / M. Swann. — Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2001. — 280 p.

Taylor J. A new discovery by sea, with a wherry from London to Salisbury. Or, a voyage to the West, the worst, or the best That e're was exprest / J. Taylor. — London : Printed by Edw: Allde for the author, 1623 [Electronic resource]. — URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A13478.0001.001?view=toc> (accessed: 18.04.2020).

Taylor J. A verry merry wherry-ferry-voyage: or Yorke for my money sometimes perilous, sometimes quarrellous, performed with a paire of oares, by sea from London / J. Taylor. — London : Imprinted by Edw: All-de, 1622 [Electronic resource]. — URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A13519.0001.001?view=toc> (accessed: 10.05.2020).

Taylor J. Wandering to see the wonders of the West / J. Taylor. — London : Mr. Ashbee's occasional facsimile reprints, 1869. — 21 p. [Electronic resource]. — URL: <https://babel.ha.thitrust.org/cgi/pt?id=uc1.31175035205031&view=1up&seq=4> (accessed: 22.04.2020).

Text and translations of the legends of the original chart of the world by Gerhard Mercator issued in 1569 // *Hydrographics Review*. — 1932. — Nr 9/2. —

P. 11–13 [Electronic resource]. — URL: <https://journals.lib.unb.ca/index.php/ih/article/view/28409/1882521164> (accessed: 20.04.2020).

The Collectors, Searchers, Secrets and the Power of Curiosity [Electronic resource]. — URL: <http://digitalstories.wellcomecollection.org/pathways/2-the-collectors/> (accessed: 10.04.2020).

The First Relations of England With Russia // Littell's Living Age. — 1850. — № 26. — P. 97–104.

The History of Cartography. Vol. 1 : Cartography in Prehistoric, Ancient, and Medieval Europe and the Mediterranean / eds. J. B. Harley, D. Woodward. — Chicago : University of Chicago Press, 1987. — 622 p.

The History of Four-footed Beasts and Serpents: in 2 vols / E. Topsell, C. Gessner, T. Moffett. — London : Printed by E. Cotes, for G. Sawbridge, 1658.

The Power of Images in Early Modern Science / ed. W. Lefevre, J. Renn, U. Shoepflin. — Springer: Science + Business Media, LLC., 2003. — 308 p.

The Travels of Peter Mundy, in Europe and Asia, 1608–1667 : in 5 vols / ed. by Sir Richard Carnac Temple. — Cambridge : Printed for the Hakluyt Society, 1907–1925.

The Voyage of Peter Mundy // Nature. — 1935. — Nr 136. — P. 470.

Venetikidis Aris. Mental maps and spatial thinking [Electronic resource]. — URL: https://www.ted.com/talks/aris_venetikidis_making_sense_of_maps (accessed: 18.03.2020).

Transcriptions of Notes & legends on Fra Mauro's Map of 1459 [Electronic resource]. — URL: <http://www.myoldmaps.com/late-medieval-maps-1300/249-fra-mauros-mappamundi/fra-mauro-transcriptions.pdf> (accessed: 03.04.2020).

Vesalius A. De humani corporis fabrica libri septem / A. Vesalius. — Basel : Johannes Oporinus, 1543.

Vespucci Amerigo. Mundus Novus, 1504. (Lester, Foster 1856). P. 217–218 [Electronic resource]. — URL: <https://exhibits.museogalileo.it/waldseemuller/ewal.php?c%5B%5D=38852> (accessed: 03.03.2020).

Wallis H. M. The First English Globe: A Recent Discovery / H. M. Wallis // The Geographical J. — 1951. — Vol. 117, Nr 3. — P. 275–290.

Webbe E. The Rare and Most Wonderfull Things Which Edw. Webbe an Englishman Borne, Hath Seene and Passed in His Troublesome Travailes / E. Webbe. — London: Printed by Ralph Blower, 1590.

Wood J. Hakluytus Posthumus, or Purchas his Pilgrimes, Contayning a History of the World, in Sea Voyages, & Lande Travels // Englishmen and others. Reading East. Trinity College Dublin [Electronic resource]. — URL: <http://www.ucd.ie/readingeast/essay3.html> (accessed: 15.03.2020).

Woodward D. Reality, Symbolism, Time, and Space in Medieval World Maps // Annals of the Association of American Geographers. — 1985. — Vol. 75, Nr 4. — P. 510–521.

Youngs T. The Cambridge Introduction to Travel Writing / T. Youngs. — Cambridge : Cambridge University Press, 2013. — 240 p.

Научное издание

Шпак Георгий Владимирович

ИЗОБРЕТАЯ ПРОСТРАНСТВО

РОССИЯ И АНГЛИЯ XVI–XIX вв.
В ПУТЕШЕСТВИЯХ, ТРАВЕЛОГАХ, КАРТАХ

Редактор *В. И. Попова*

Корректор *В. И. Попова*

Компьютерная верстка *В. К. Матвеев*

Подписано в печать 20.05.2021. Формат 60 × 84 1/16.

Уч.-изд. л. 12,49. Усл. печ. л. 14,74.

Гарнитура Minion Pro.

Бумага офсетная. Тираж 100 экз. Заказ № 133.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ

620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4

Тел.: +7 (343) 358-93-06, 350-90-13, 358-93-22, 350-58-20

Факс: +7 (343) 358-93-06

E-mail: press-urfu@mail.ru

<http://print.urfu.ru>